

МИНИСТЕРСТВО ОБРАЗОВАНИЯ И НАУКИ РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ

ФЕДЕРАЛЬНОЕ АГЕНТСТВО ПО ОБРАЗОВАНИЮ

**САНКТ-ПЕТЕРБУРГСКИЙ ГОСУДАРСТВЕННЫЙ УНИВЕРСИТЕТ
ИНФОРМАЦИОННЫХ ТЕХНОЛОГИЙ, МЕХАНИКИ И ОПТИКИ**

ПОБЕДИТЕЛЬ КОНКУРСА ИННОВАЦИОННЫХ ОБРАЗОВАТЕЛЬНЫХ ПРОГРАММ ВУЗОВ

А. В. Ошарин

**ЭКОНОМИЧЕСКОЕ РАЗВИТИЕ
И ПРОБЛЕМА МОДЕРНИЗАЦИИ РОССИИ
В XVIII – НАЧАЛЕ XX ВВ.**

Санкт-Петербург

2008

Ошарин А.В. **Экономическое развитие и проблема модернизации России в XVIII – начале XX вв.:** Учебно-методическое пособие по дисциплине «Экономическая история». – СПб.: СПбГУ ИТМО, 2008. – 176 с.

Курс «Экономической истории России» ставит задачей повышение общеобразовательного уровня студентов, разнообразие и альтернативность учебных дисциплин. Предлагаемое учебно-методическое пособие поможет студентам ориентироваться в проблемах экономического развития и особенностях модернизации страны. Период развития от Петра I до падения Романовых был временем становления российского капитализма. Это время, свободное от преследований частного капитала, можно считать классическим для формирования новых отношений в экономике страны. Проблемный подход определяет форму изложения материала.

Адресовано студентам, изучающим курс бизнес-информатика и национальная экономика по специальностям: приборостроение, оптотехника, фотоника и оптоинформатика, прикладная математика и информатика, информатика и вычислительная техника, техническая физика. По бакалаврской программе: 21040101, 140402, 20020101, 20020104, 20020107, 230101, 23010109, 090103, 220201, 140604, 230201, 200600. Факультеты ИФФ, ИТ и П, КТ и У, ФиОИ.

Рекомендовано к печати Советом гуманитарного факультета, протокол №8 от 20.03.2007.

В 2007 году СПбГУ ИТМО стал победителем конкурса инновационных образовательных программ вузов России на 2007–2008 годы. Реализация инновационной образовательной программы «Инновационная система подготовки специалистов нового поколения в области информационных и оптических технологий» позволит выйти на качественно новый уровень подготовки выпускников и удовлетворить возрастающий спрос на специалистов в информационной, оптической и других высокотехнологичных отраслях экономики.

© Санкт-Петербургский государственный университет информационных технологий, механики и оптики, 2008

© Ошарин А.В., 2008.

Содержание

Введение.....	5
Программа курса «Экономическая история».....	12
1.1. Цели и задачи дисциплины.....	12
1.2. Требования к уровню усвоения содержания дисциплины.....	12
1.3. Объём дисциплины и виды учебных работ.....	13
1.4. Содержание разделов дисциплины.....	14
2. Рекомендуемая литература.....	19
2.1. Учебники и учебные пособия.....	19
2.2. Дополнительная литература.....	19
3. Методические указания по темам курса.....	28
3.1. Экономика России XVIII века. Проблемы и особенности. Пётр I и «его эпоха».....	28
3.2. Экономическое развитие в послепетровские годы, 1725–1762 гг. гг.....	34
3.3. Экономическое развитие во время правления Екатерины Великой и Павла I. 1762 – 1800 гг.....	38
3.4. Развитие во время Александра I. 1800–1825 гг. Растущий кризис крепостничества.....	45
3.5. Правление Николая I. 1825–1856 гг. Кризис системы, осознание отсталости.....	54
3.6. Правление Александра II. 1856–1881 гг. Индустриальное развитие и проблемы темпов. Община и город.....	59
3.7. Развитие при Александре III. Наступление финансовой эры. 1881–1894гг.....	66
3.8. Экономика в период царствования Николая II. 1894–1917 гг. Развитие, революция, политика и община.....	71
4. Планы семинарских занятий.....	106
5. Вопросы для самоконтроля студентов.....	114
6. Вопросы для итогового контроля (зачёта, экзамена).....	117
7. Темы для самостоятельных работ студентов (докладов, рефератов).....	119
8. Справочные материалы.....	121
8.1. Хронология важнейших событий экономической истории России XVIII – начала XX вв.....	121
8.2. Терминологический словарь.....	130
8.3. Персоналии.....	145
8.4. Министры финансов Российской империи.....	150

8.5. Главнейшие отрасли промышленности и важнейшие предприятия России в начале XX.....	155
8.6. Внешнеэкономические связи Российской империи в конце XIX – начале XX вв.	162
9. Кафедра всемирной истории.....	174

Введение

Экономическое развитие России вот уже три столетия связано с проблемой модернизации. Модернизация эта понимается как не только экономическая, но и социальная, культурная и даже психологическая. Тем самым речь идёт не о косметических переменах, не о подражании более совершенному обществу или модели отношений. Перед Россией остаётся капитальная проблема переустройства ради преодоления бедности, отставания или опасности нового кризиса. Обычно под кризисом понимается именно невозможность продолжать прежние отношения власти и общества или же кризис самого общества. В такое время экономический фактор, как и правовой, оказывается в центре внимания. С другой стороны, возникают и такие вопросы как отношение к собственности, её перераспределение, политическая борьба и реформы. Внутреннее содержание кризиса оборачивается внешним поиском выхода из него, когда в качестве примера или аргумента перемен представляется другое государственное устройство, иные нации, иные отношения и результаты их развития. Таким образом, вопрос заимствования чего-либо у кого бы то ни было, есть вопрос не только одного внешнего влияния, но и определённой и назревшей внутренней потребности. Такое построение вполне применимо и к истории России, её эволюции, особенностям и положению в мире. Проблема модернизации России в этом широком контексте становится и результатом кризиса её развития, и следствием её геополитического положения в мире. Россия является и частью мировой экономики и внешних связей, и страной, которая имеет собственную логику развития, очень сложную и самобытную. Принято сравнивать наше развитие с более развитыми странами, особенно европейскими. В этом сравнении мы задаёмся обычно такими вопросами:

- почему наша отсталость сохраняется?
- в чём выражалась наша отсталость раньше?
- в чём проблемы и в чём преимущества нашего исторического развития?
- применимы ли к нам рецепты чужого развития?
- в чём пределы нашего выбора, и каковы перспективы нашего пути развития?

Ответить на такие вопросы, исходя из сегодняшнего состояния России, слишком сложно. Понять логику нашего развития можно в ретроспективе и в связи с тем, каким образом протекало это развитие в течение долгих лет, с тех пор, когда отсталость была осознана впервые. То есть со времени Петра I.

Следует иметь в виду, что такое понятие или оценка положения как «отсталость» всё же условна (по отношению к кому отсталость?). Ведь стремление жить как другие, сравнение нас с другими заставляет нас ощущать себя отсталыми, т. е. внешний фактор побуждает к внутренним переменам. Скорее речь идёт об отставании, которое, однако, преодолевается, чем об отсталости как о чём-то

присущем нам органично. Следовательно, речь идёт о темпах перемен, о возможностях развития и о том, какие цели реформ достижимы в первую очередь.

Экономические показатели и наши взгляды на развитие.

Для того чтобы оценить интересующее нас, нам приходится выбирать критерии, исходя из которых мы делаем заключения. Применительно к экономике и экономическому развитию это особенно важно. С одной стороны мы сравниваем то, «что было» с тем, «что стало». С другой, рассуждаем вполне статически: на сегодняшний день, на данный момент, исходя из того, как и с какой точки зрения мы смотрим на интересующий вопрос. Лейтмотивом лекционного курса являются «развитие и модернизация». Эти понятия не рассматриваются ни в коем случае как завершённые, а только как этапные. Статистика даёт картину только на определённый момент, но не объясняет причин её вызвавших. Критика ищет недостатки и выявляет проблемные стороны развития, она внимательнее к динамике и эволюции, чем к самой только констатации. В этом смысле она ближе к истине. Но если истина всегда в движении, то остаётся только признать, что она относительна. Если только это так, то остаётся принять:

- что относительно и само развитие;
- что относительны и такие понятия как «отсталость», «достижения», «ошибки», «прогресс», «преобразования», «модернизация».

Имея в виду эту оговорку, легче не только оценивать, но и воспринимать, помня, что мнений не только много, но они меняются, помня, что наши взгляды и подходы не завершают разговора.

Структурно экономические показатели оцениваются по таким главным позициям, как:

- промышленность, производство;
- торговля, внутренняя и внешняя, экспорт и импорт;
- расходы и доходы, государственный бюджет;
- государственный и частный секторы экономики;
- занятость населения по роду деятельности, доля городского и сельского населения и показатели их валового труда;
- уровень жизни: доходы, зарплата;
- прибыль, убытки, налоговые ставки, страхование, личные накопления;
- деловая активность, биржа, банковские операции.

Количество этих показателей растёт, сами они становятся всё более разнообразными.

Развитие и модернизация. Развитие и модернизация не одинаковые понятия. Развитие, в нашем понимании, совершенствование, изменение, эволюция. Оно не бывает только поступательным, оно может замедляться, сменяться кризисом, упадком, стагнацией (застоем), ускорением и ростом. Развитие может даже

переживать видимый откат к прошлому, отставание в сравнении с прежним уровнем достигнутого, т.е. в темпах развития или количественных показателях его. Развитию свойственны стадии, периоды, условия.

Иное дело - модернизация. Модернизация не совершается стихийно, подобно развитию. Модернизация является вполне сознательным актом, по крайней мере, в большинстве случаев. Модернизация – это часть **экономической политики**, где есть определённая цель, воля, план и заинтересованные группы творцов и исполнителей. Модернизация, однако, имеет не только мотивацию, но и выражает совершенно определённую практическую необходимость, потребность в ней и даже неизбежность. Последняя выступает как историческая фаза, переломный момент самого развития.

Взгляд на проблемы России с Запада и из России. Со времени Петра I, когда в России была предпринята первая модернизация по западному «образцу», потребовалась и теория, что реформы в России или «преобразования» её экономического строя не могут иметь чего-то особенного вне связи с другими впереди идущими странами. Россия перенимает и учится у Запада, прививая себе новую культуру и понятия. Вопрос, однако, заключался и в том, какие учения и модели развития применимы для России. Может ли Россия перенимать с достаточной безоговорочностью западные институты, рецепты и опыт? Взяв форму, может ли следовать и существу? Например, русское купечество не желало и не было готово уподобляться голландскому и английскому в борьбе за внешние (заморские) рынки сбыта. Крепостной труд на русских мануфактурах трудно сопоставить с трудом на мануфактурах Швеции, Англии и Франции. Казённая организация самих мануфактур в России, конечно, не равна частным по преимуществу в европейских странах. Страховое, кредитное дело в России возникли не только позднее, но и в очень скромных размерах. Технические нововведения, приходившие в Россию с Запада, её зависимость от иностранных технологий, специалистов и инвестиций, в конечном счёте, не что иное, как последствия, а не причины недостаточного развития России. Реформы Е.Т. Гайдара в начале 1990-х гг. продемонстрировали, правда, на худшем примере советской экономики, как сложно и даже рискованно жить и действовать по рецептам «с чистой доски», руководствуясь не знанием возможностей, а стремлением к оптимальному, к эксперименту, когда «нечего терять». И хотя для такой оценки требуется всё равно много оговорок, опыт реформирования показывает, что перемены и системные преобразования могут вести к самым неожиданным результатам.

Взгляд Запада на Россию всегда был рационалистичен. Побывавшие в России дипломаты, путешественники, учёные поражались русским нравам, бедности, невежеству, суровости, жестокости. Большинство приходило к убеждению, что у русских нечего перенимать и нечему у них поучиться, что Россия, наоборот, напоминает больше прошлое. У многих складывалось впечатление, что Россия –

полуазиатская страна, с варварскими понятиями. Казалось, что и все «преобразования» Петра I подтверждали это достаточно. Стране нужно было решительное обновление, множество перемен, выход из культурного и умственного прозябания.

Однако, дух реформ и само их осуществление не одно и то же. Реформы породили гигантскую пропасть между «избранными», правящим, привилегированным сословием и народом. Со смертью Петра многие его начинания были забыты, смысл реформ был сведён к достигнутому и узко понятому. В каком-то смысле модернизация осталась поверхностной, верхушечной, внешней по своему выражению. Не разбирая причин этого, скажем только, что, если это действительно так, то очевидно, что пропасть между «двумя Россиями»: дворянской и крестьянско-купеческой выросла в дальнейшем до размеров тяжелейшей социальной, психологической и экономической проблемы. Эта проблема и находится в центре внимания предлагаемого курса.

Внеэкономические факторы в истории. Отношение к себе, богатству, собственности. Как раз для истории России особенно свойственны внеэкономические факторы, то есть не оправданные такими понятиями как личная заинтересованность в труде путём его стимуляции, личная собственность, охраняемая правом и государством, наличие правовых институтов вообще. К этим факторам относятся: традиционное общество, социальные нормы поведения и восприятия, то, что называется в наше время ещё менталитетом или теми национальными ценностями, которые выражают образ мыслей, действия и психологию народа, его отношение к тому, что у другого народа или в другой культуре ставится иначе. Для России характерны такие выражения как русские «устой», «вера», «душа», «совесть», «справедливость» причём эти выражения (или понятия) имеют и нравственную и религиозно-православную основу. К экономической стороне и быту русских людей эти выражения имеют, пожалуй, непосредственное отношение. Как бы двусмысленно или даже лицемерно это не звучало, но личная нажива, стяжательство, жадность и скупость оставались на протяжении столетий осуждаемы в русском народе. Отсюда и отношение к собственности, особенно же крупной частной собственности было далеко от оправдания. На фоне многих бедствующих, нищенствующих, голодных и «бессеребренников» богатые люди, особенно богатые иностранцы в России выглядели как живущие за счёт страданий и лишений остальной массы населения. Читая русскую классику, периодику и публицистику можно легко убедиться, что образ страдающего и лишённого элементарных понятий, безграмотного народа лишён был всякого представления о смысле собственности как источнике «веры», «счастья», самоутверждения. Народ, наоборот, беспокоили более отвлечённые понятия: «воля», «правда», «несправедливость», «ложь», «барство».

Парадоксальным может показаться тот факт, что скромность народа доходила до

полного молчания о себе. У Пушкина в «Борисе Годунове» «народ безмолвствует». Это можно сказать и во многих других отношениях: участие народа в решении его собственной судьбы, его самооценка, отношение к царю и его советникам, к вопросам войны и пр. Сами о себе крестьяне говорили с насмешкой и пренебрежением, недоверием или равнодушием. То, что «народ наш дрянь», «народец худой», «за ним нужен глаз да глаз» достаточно известно из литературы. Но что стоит за этими словами? Признание, что сам этот народ требует наказания, опеки, принуждения? А, может быть, таким способом крестьяне с готовностью снимали с себя ответственность за собственное коллективное, правда, поведение. «Хозяин – барин», но в смысле более широком, что судьбу определяю не я, а барин, которому принадлежу или у которого в услужении. Получалась такая схема отношений: мы барина кормим, мы ему служим, он нас защищает, он за нас в ответе; барин – «благодетель», «батюшка», «отец родной». Но и здесь не стоит переоценивать степень холопства. Крестьяне разные, как и не все крестьяне крепостные, так и не все из крепостных мыслят и действуют одинаково, глядя друг на друга. Более того, было бы большим заблуждением обобщать, считая, что у крестьян не было чувства собственного достоинства, а они были наивны и унижены своим положением. Многие наблюдатели и русские и иностранцы отмечали природную сметливость, деловитость и хватку, хитрость и сноровистость крестьян.

Среди крестьян уважением пользовались купцы, видимо, потому, что сами они были из «мужиков», из «нашенских». Но и купец оценивался хотя и по богатству его (особенно по дому, амбарам, содержанию работников), но не по праву на ту собственность, которой владел и богатство, которое приумножал. Право оставалось, словно, за пределами такого понимания. Убеждение, что богатый богат только за счёт бедных, что иначе и быть «на Руси» не может, что честностью не наживёшь добра («Трудом праведным не наживёшь палат каменных», – утверждает народная пословица) – это убеждение было не просто распространено, а и было сутью крестьянского миропонимания, его жизненным опытом, вековым и незыблемым.

Кто богат – должен делиться с бедным. Таково было другое убеждение народа. Богатство оценивалось не только как мерило благополучия и зажиточности, но и как моральное обязательство делиться с бедными, помогать им и заботиться о них. Помнить, что всё преходяще: и богатство, и успех, и удача, и сама жизнь. В этом «постулате» было всё от православного образа человека и ничего от человека западного, «папского».

При таком положении вещей, только действительная, «невыносимая», так сказать, потребность могла изменить укоренившееся отношение к праву и собственности. До известной степени, это стали понимать более образованные или заинтересованные в перемене участи из числа крестьян – купцы и, особенно, крупные из них или связанные своими делами с иностранными купцами. Однако, проблема права и защиты собственности не сводилась лишь к пониманию или мнениям отдельных

представителей делового мира. Слово было и за дворянством, господствующим сословием в России, условно говоря, аристократией Империи, выразительницей её не только культуры, но и хозяйственного примера.

Дворянство, как сословие, скреплялось на идее службы и воздаяния за службу, в том числе материального воздаяния: землёй, крепостными, денежным окладом, подарком от государя, «перстнем, шубой с монаршего плеча». Следовательно, если дворянин рискует последним, самой жизнью ради своего государя, то понятно, что служит он не только, и даже, кажется, не столько корысти ради, а главное – за честь и достоинство правителя. Собственность для дворянина лишь награда, подарок за верность и преданность, за доблесть и неподкупность, но не за деньги, не за «чистоган», не за размер награды гарантированной ему заранее. Труд дворянина – в служении воинском или гражданском. Ни физический, ни тем более торговый труд (как купца) дворянина не привлекал, а оскорблял. Оскорблял тем, что физический труд был свойством исключительно простонародья и никак не выделял дворянина из общей массы, ничем его не отличал от самых примитивных, добывающих «хлеб свой насущный» каждодневным трудом. Труд торговый был слишком откровенно денежный, «торгашеский», всегда сопряжённый с обманом, лукавством, наживой. Если можно сказать, что дворянство представлялось определённым образцом самоотверженного служения «не за страх, а за совесть», то понятно, что остальные сословия мирились со своим второстепенным значением в государстве.

В таких условиях личная собственность всегда уступала условной, то есть дворянской собственности, а та в свою очередь являлась собственностью за службу и по воле государя.

Получалось, что Россия – страна, в которой величайший собственник, полноправный (до 1905 г. по крайней мере) есть ни кто иной, как сам император. Фактически так оно и есть. Можно только напомнить, что при самодержавном правителе, каким был царь, любой акт собственности мог быть пересмотрен, отменён, дополнен и трактован заново. Скептики на этот счёт могут возразить, что собственность в России, как и на Западе, была объявлена священной. Однако, вряд ли кто-нибудь сумеет доказать, что правительство, Сенат или Государственный Совет имели равное с царём право обжалования его действий, не признавая за ним верховный правовой арбитраж, что и было его исключительной привилегией, как «помазанника Божьего».

Итак, можно условно констатировать, что вопрос о личности в России решался так. Государь – личность по отношению ко всем его подданным, дворянин – по отношению к своим крепостным, купец – в пределах своей торговой профессии, крестьянин – в пределах своего дома, семьи, хозяйства. Весь недостаток этой системы заключался в том, что личность не была универсальна, а ограничена отношениями зависимости, обязанностей и подчинения одних другим. Все жили по чувству долга и обязанности в своих отношениях к власти над ними.

Долженствование скрепляло Империю традицией и необходимостью.

Экономика России XVIII века. Особенности и общие проблемы.

Для начала разговора желательно пояснить, что следует различать хозяйственный строй жизни народа (нации) и экономическую политику государства в России. Если хозяйственная жизнь равносильна стихии и не развивается в связи с теми или иными планами верховной власти, то экономическая политика всегда имеет автора, руководителя, цель и исполнителей. Это положение особенно применимо к эпохе великих преобразований в России, времени Петра I.

Прежде, чем говорить о времени Петра I, можно предложить студентам, чтобы оценить их представления о проблемах России, такие, к примеру, вопросы:

1. Как Вы представляете себе, в чём заключалось главное богатство России и её народа? – Ответы наугад, варианты:

- Земля.
- Люди.
- Культура.
- Торговля.
- Промыслы (или «Промышленность»)
- Всё, что может добыть человек.

2. Назовите основную проблему, которая стояла перед Россией накануне реформ Петра I. – Ответы-варианты:

- Отсталость.
- Неграмотность, невежество.
- Воровство.
- Войны.
- Бедность, нищета.
- Всё вместе взятое.

В зависимости от ответов на эти вопросы можно будет построить начало разговора. Конечно, легче начинать обсуждение, если студенты могут назвать какой-либо вариант, объясняя свою точку зрения.

Это пособие не претендует на то, чтобы заменить учебник. Оно не даёт систематического обзора. Лекционный курс рассматривает лишь некоторые и отдельные примеры экономического развития России указанного периода, как и проблемы с ним связанные.

Автор выражает особую благодарность заведующей кафедрой Всемирной истории О.В. Кузьминой и Ю. Н. Ушакову (электронная версия) за помощь в работе над пособием.

1. Программа курса «Экономическая история»

1. 1. Цели и задачи дисциплины

Цель курса дать студентам относительно широкое представление об истории, а главным образом о проблемах экономического развития России в условиях, когда её отставание и малокультурность (правовая, образовательная, например) по сравнению с ведущими державами Европы и США, приобрела характер «комплекса неполноценности». Тему отсталости, как и проблему модернизации, предполагается раскрыть с помощью выяснения действительных проблем отечественного развития, показать причины такого отставания и относительность его. При этом автор делает упор не на «западноцентризм» и не на самобытности «русского пути», а на исторически объективной необходимости для России перемен, чтобы сохранить свою экономическую и политическую независимость.

Задачи курса в том, чтобы заинтересовать слушателей в предлагаемом курсе и побудить их к самостоятельному по возможности рассмотрению тех или иных вопросов предложенной темы. Понимание всего комплекса проблем российской истории, а в данном случае экономических, должно существенно повысить общий кругозор студентов и культуру их восприятия отечественной истории в целом.

Основные разделы курса.

I. Экономика России XVIII в. Особенности и проблемы. Воздействие петровских реформ на развитие общества и государственную политику Империи в торгово-промышленной сфере.

II. Проблемы экономического развития России в конце XVIII–начале XIX вв. Причины общественного кризиса и хозяйственного отставания России от великих держав Европы: Англии, Пруссии, Франции и США. Кризис политического порядка России.

III. Отмена крепостного права и начало индустриальной эры Империи. Вторая половина XIX в.

IV. Казённое и частное предпринимательство. Общинная проблема и земельный вопрос. Начало XX века. Промышленный рост и назревание социального взрыва. Итоги развития к 1917 г.

1. 2. Требования к уровню освоения содержания дисциплины.

(требования к знаниям, умениям и навыкам, приобретенным в результате освоения дисциплины)

В результате изучения курса экономической истории выпускник СПбГУ ИТМО должен:

- иметь представление об основных проблемах развития, экономических реформах

- и возможностях модернизации России;
- знать главные факты, даты, события;
 - уметь связно изложить и аргументировать свою точку зрения по вопросам экономической истории России.

1. 3. Объем и виды учебной работы

Вид учебной работы	Всего часов	Семестры			
		1	2	3	4
Общая трудоемкость дисциплины	126	5	126	-	-
Аудиторные занятия	51	-	51	-	-
Лекции	34	-	34	-	-
Практические занятия (ПЗ)	-	-	-	-	-
Семинары (С)	17	-	17	-	-
Лабораторные работы (ЛР) и (или) другие виды аудиторных занятий	-	-	-	-	-
Самостоятельная работа	75	-	75	-	-
Курсовой проект (работа)	-	-	-	-	-
Расчетно-графические работы	-	-	-	-	-
Реферат и (или) другие виды самостоятельной работы (тестирование)	-	-	-	-	-
Виды итогового контроля (зачет, экзамен)	Экзамен		Экзамен		

(в первой графе таблицы виды аудиторных и самостоятельных занятий студентов. Во второй графе указывается общая трудоемкость дисциплины в часах, в соответствии с ГОС ВПО, объем аудиторных и самостоятельных занятий – в соответствии с учебным планом. В третьей графе указываются номера семестров, в

которых предусматривается каждый вид учебной работы и вид итогового контроля по дисциплине).

1. 4. Содержание разделов дисциплины

Разделы дисциплины и виды занятий

№ п/п	Раздел дисциплины	Лекции	ПЗ (или С)	ЛР
1	Введение. Определение основных понятий экономического развития, постановка проблемы развития как характерной черты истории России	2	-	
2	Экономика России XVIII века. Особенности и проблемы. Пётр I и его «эпоха».	4	3	
3	Экономическое развитие в послепетровские годы, 1725–1762 гг.	4	-	
4	Развитие во время правления Екатерины Великой и Павла I.	3	2	
5	Развитие во время Александра I. 1800–1825 гг. Растущий кризис крепостничества.	3	-	
6	Правление Николая I 1825–1856 гг. Кризис системы, осознание отсталости.	3	2	
7	Правление Александра II. 1856–1881 гг. Индустриальное развитие и проблемы темпов. Община и город.	4	2	
8	Развитие при Александре III. Наступление финансовой эры. 1881–1894 гг.	3	2	
9	Экономика в период царствования Николая II. 1894–1917 гг. Развитие, война, революция, политика и община.	8	6	

(в таблице название раздела указывается в соответствии с обязательным минимумом содержания, изложенным в ГОС ВПО. В графах, обозначающих предусматриваемые виды занятий, проставляется знак *).

Введение. Определение некоторых общепринятых в экономической истории понятий, таких как «развитие», «модернизация», «отсталость», «экономическая политика». Введение нацеливает внимание слушателей на проблемный взгляд на российскую историю, на относительность такого понятия как «отсталость», на модернизацию как проблему не только экономическую, но и социальную, культурную и даже психологическую.

1. Экономика России XVIII века. Проблемы и особенности. Пётр I и его эпоха

Предпосылки петровских реформ. Экономическая ситуация в стране к моменту воцарения Петра I. Роль государства в хозяйственной жизни. Влияние идей меркантилизма на развитие частного предпринимательства в России. Война и предпринимательство. Индустриализация по-петровски: первые преобразования в экономике. Развитие промышленности и торговли: горнозаводская промышленность Урала. Демидовы и их роль в освоении края и развитии предпринимательства. Текстильная промышленность. Другие отрасли цензовой легкой промышленности: кожевенная, стекольная, фарфоро-фаянсовая, бумажная и галантерейная. Архангельск и Санкт-Петербург как морские порты и центры торговли с Западной Европой. Развитие внутренней торговли. Налоговая политика. Иностранцы на службе Петру и их роль в развитии предпринимательства в России. Петр I как предприниматель. Публицисты и экономисты петровской эпохи о развитии предпринимательства. И.Т. Посошков и его «Книга о скудости и богатстве». Крепостническая экономика первой четверти XVIII века: достоинства и недостатки петровских преобразований.

2. Экономическое развитие в послепетровские годы, 1725–1762 гг.

Императрица Елизавета Петровна и развитие предпринимательства. П.И. Шувалов и его деятельность: отмена внутренних таможен, создание Дворянского и Медного банков.

3. Развитие во время правления Екатерины Великой и Павла I.

Экономическая ситуация в стране к моменту воцарения Екатерины II. Политика «просвещенного абсолютизма» и развитие условий для предпринимательской деятельности: «Уложенная комиссия» и ее значение. Создание Вольного Экономического общества и его председатель Г.Г. Орлов. Физиократизм в России и развитие агрономической науки. Предприниматели из дворянского и крестьянского сословий. Предприниматели иностранцы. Екатерининская идея третьего сословия и ее претворение в жизнь в ходе реформ. Финансовая политика императрицы и ее влияние на развитие предпринимательства. Начало выпуска ассигнаций в России. «Колумбы росские»: освоение новых земель и развитие предпринимательства.

Итоги екатерининских реформ в сфере экономики.

4. Развитие во время Александра I. 1800–1825 гг. Растущий кризис крепостничества.

Общая характеристика состояния российской экономики. Влияние реформаторского курса Александра I на развитие предпринимательства. Законодательная практика правящих кругов в данной области. Реформаторские проекты Н.С. Мордвинова. М.М. Сперанский и его проекты. Развитие банковского дела. Банкирский дом Штиглица. Купцы и торгующие крестьяне. Предприниматели-помещики. Развитие частной инициативы в горно-заводской и текстильной промышленности. Зарождение капиталистического предпринимательства в кустарных промыслах. Влияние Отечественной войны 1812 года на экономическую ситуацию в стране. Развитие экономики во второй половине правления Александра I. Социально-экономическая мысль первой четверти XIX века.

5. Правление Николая I 1825–1856 гг. Кризис системы, осознание отсталости.

Проблемы развития в эпоху Николая I. Создание и развитие учебных заведений, призванных готовить управленческие кадры для промышленности. Крестьянский вопрос в стране, реформы П.Д. Киселёва. Участие России во всемирных промышленных выставках. Устройство отечественных промышленных выставок. Развитие различных отраслей промышленности. Начало строительства железных дорог в России. Московско–Петербургская железная дорога. Внешние займы. Развитие торговли. Ярмарки. Влияние экономических проектов и финансовых преобразований Е.Ф. Канкрин на финансовое положение Империи. Крымская катастрофа 1853–1856 гг.

6. Правление Александра II. 1856–1881 гг. Индустриальное развитие и проблемы темпов. Община и город.

Эпоха «великих реформ» Александра II и развитие предпринимательства в России. Влияние курса реформ на развитие экономической ситуации в стране. Отмена крепостного права и развитие деревни в новых условиях. Положение помещиков. Крестьянское хозяйство: община и другие препятствия на пути развития крестьянского предпринимательства. Правительственная политика в деле развития торговли и промышленности. Министр финансов М.Х. Рейтерн и его деятельность: публикация росписи государственных доходов и расходов, стабилизация денежного курса, активное железнодорожное строительство, освоение новых промышленных районов.

Эволюция взглядов в области развития частного предпринимательства: от

американской модели практически бесконтрольного расширения сферы деятельности частных предпринимателей к введению жесткого государственного контроля и твердой протекционистской таможенной политики. Деятельность братьев Поляковых, банкирских домов

И.Е. Гинцбурга и братьев Рябушинских. Русская экспансия в Средней Азии и перспективы развития предпринимательства в этом регионе. Продажа Аляски: причины и последствия. Социально-экономическая мысль России эпохи «великих реформ».

7. Развитие при Александре III. Наступление финансовой эры. 1881– 1894 гг.

Монополистическая стадия развития предпринимательства в России (80е годы XIX–начало XX вв.).

Экономическое состояние России в конце XIX века: финансы, сельское хозяйство, внешняя торговля, частное предпринимательство. Министры финансов Н.Х. Бунге и И.А. Вышнеградский и их деятельность. Правовые и экономические условия для развития частного предпринимательства. Я.В. Прохоров, С.И. Мальцев, С.Т. Морозов, И.Д. Сытин, А.С. Суворин и другие. Традиции благотворительности и меценатства в среде российских предпринимателей.

Крестьянский вопрос и государственная опека общины. Рабочий вопрос и попытки его решения. Социально-экономическая мысль России в 1880-90е годы и ее влияние на развитие частного предпринимательства. Многоукладный характер экономики страны и последствия этого явления.

8. Экономика в период царствования Николая II. 1894–1917 гг. Развитие, община, революция и война.

С.Ю. Витте и его деятельность на посту министра финансов: поддержка частного предпринимательства в промышленности, привлечение иностранных капиталов и протекционистский таможенный тариф, укрепление финансовой базы и новая налоговая политика, проведение ряда мер по развитию системы профессионального образования в стране. Отношение к экономическому курсу С.Ю. Витте в обществе. Экономический кризис начала XX века и его влияние на развитие промышленности и банковского дела в России. Санкт-Петербург как центр деловой жизни империи. Развитие сельского хозяйства на рубеже веков: причины кризиса и способы выхода из него. Деятельность Особого Совещания по нуждам сельскохозяйственной промышленности. Влияние первой русской революции 1905-1907 гг. на развитие частного предпринимательства в России. Экономический курс правительства П.А. Столыпина и его результаты. Деятельность В.Н. Коковцова и А.В. Кривошеина. Съезд российских предпринимателей 1912 года и его значение. Итоги развития частного предпринимательства в России к 1913 году.

Первая мировая война и русские предприниматели. Перестройка экономики страны на военный лад. Эволюция отношений правительства и представителей буржуазии в годы войны. Февральская революция 1917 г. и русская буржуазия. Представители банковского и промышленного капитала в составе Временного правительства. Итоги развития частного предпринимательства в дореволюционной России.

2. Рекомендуемая литература.

2.1. Учебники.

- Ковнир В.Н. История экономики России. Учебное пособие. М., 2005.
Бессолицын А.А. Экономическая история России. Очерки развития предпринимательства. М., 2005.
Ядгаров Я.С. История экономических учений. Учебник. М., 2006.

2. 2. Дополнительная литература:

- 1000 лет русского предпринимательства. Из истории купеческих родов. М., 1995.
Ананьич Б.В. Банкирские дома в России. 1860-1914гг. Очерки истории частного предпринимательства. Л., 1991.
Барышников М.Н. Деловой мир Петербурга. Исторический справочник. СПб., 2000.
Барышников М.Н. История делового мира России. М., 1994.
Кащенко Т.Л. История предпринимательства в России: Учебное пособие. М., 2001.
Корелин А.П. Российские реформаторы XIX-начала XX в. М., 1995.
Корниенко О.В. История экономических учений. Конспект лекций. Ростов-на-Дону. 2005.
Мартынов С.Д. Деловая Россия: история в лицах. В 3-х книгах. СПб., 1993.
Морозан В.В. История банковского дела в России (вторая половина XVIII – первая половина XIX века). СПб., 2001.
Никитина С.К. История российского предпринимательства. М., 2001.
Покидченко М.Г., Сперанская Л.Н., Дробышевская Т.А. Пути развития экономики России: теория и практика. Учебник. М., 2005.
Помпеев Ю.А. История и философия отечественного предпринимательства. СПб., 2002.
Рябикин С.П. Новейшая история России (1991-1997): пособие для учителей, старшеклассников, абитуриентов и студентов. М., 1997.
Сметанин С.И. История предпринимательства в России: Курс лекций. М., 2005.
Тимошина Т.М. Экономическая история России. М., 1999.
Тихомиров Ю.В. История предпринимательства в России. СПб., 1999.
Шепелёв Л.Е. Акционерные компании в России: XIX – начало XX века. СПб., 2006.
Экономика предпринимательства. Курс лекций. М., 1999.

По истории промышленного развития, торговли и финансов:

Аветян А.С. Русско-германские дипломатические отношения накануне первой мировой войны 1910–1914. М., 1985. – см. Глава 2. Русско-германские экономические отношения накануне первой мировой войны. С. 46–65.

Ананьич Б.В. Банкирские дома в России 1860–1914 гг. Очерки истории частного предпринимательства. Л., 1991.

Ананьич Б.В. Российское самодержавие и вывоз капиталов 1895–1914 гг. (по материалам Учётно-Ссудного банка Персии). Л., 1975.

Ананьич Б.В. Россия и международный капитал. 1897–1914 гг. Очерки истории финансовых отношений. Л., 1970.

Анисимов Е.В. Податная реформа Петра I. Введение подушной подати в России (1718–1728 гг.). Л., 1982.

Ахмеджанова З. К. К истории строительства железных дорог в Средней Азии (1880–1917). Ташкент, 1965.

Барышников М.Н. Деловой мир Петербурга. Исторический справочник. СПб., 2000.

Барышников М.Н. Деловой мир России. Историко-биографический справочник. СПб., 1998.

Барышников М.Н. Политика и предпринимательство в России (из истории взаимодействия в начале XX века). СПб., 1997.

Беляев С.Г. П. Л. Барк и финансовая политика России 1914–1917 гг. СПб., 2002.

Бескровный Л.Г. Армия и флот России в начале XX в. Очерки военно-экономического потенциала. М., 1986.

Бессолицын А.А. Экономическая история России. Очерки развития предпринимательства. М., 2005.

Бобылёв В.С. Внешняя политика России эпохи Петра I. М., 1990. С. 151–153, 121, 145–147.

Бовыкин В. И., Петров Ю. А. Коммерческие банки Российской империи. М., 1994.

Бовыкин В.И. Формирование финансового капитала в России. Конец XIX в.– 1908 г. М., 1984.

Бовыкин В.И. Французские банки в России. Конец XIX-начало XX в. М., 1998.

Боровой С.Я. Кредит и банки России (середина XVI в.–1861 г.) М., 1958.

Боханов А.Н. Вопрос о подоходном налоге в России и крупная буржуазия. См. – Исторические записки. М., 1986. Том 114. С. 299.

Боханов А. Н. Крупная буржуазия России (конец XIX в.–1914 г.). М., 1992.

Буранов Ю.А. Акционирование горнозаводской промышленности Урала. М. 1982.

Введенский А.А. Дом Строгановых. М., 1962.

Великие реформы в России 1856–1874. Под редакцией Л.Г. Захаровой, Б. Эклофа, Дж. Бушнелла. М. 1992.

Виргинский В.С. Возникновение железных дорог в России до начала 40-х годов XIX века. М., 1949.

- Виргинский В.С.* Творцы новой техники в крепостной России. М., 1962.
- Волобуев П.В.* Экономическая политика Временного правительства. М., 1962.
- Вопросы истории капиталистической России. Проблема многоукладности. Свердловск, 1972.
- Вяткин М.П.* Горнозаводской Урал в 1900–1917 гг. М.–Л., 1965.
- Ганелин Р.Ш.* Еврейский вопрос во внутренней политике России в 1915 г. – см. Вестник еврейского университета в Москве. 1997. № 1 (14). С. 41–65.
- Ганелин Р.Ш.* Россия и США. 1914–1917: Очерки истории русско-американских отношений. Л., 1969.
- Гиндин И.Ф.* Антикризисное финансирование предприятий тяжёлой промышленности (конец XIX– начало XX в.). см. *Исторические записки*. Том 105. М., 1980. С. 105–149.
- Гиндин И.Ф.* Банки и экономическая политика в России (XIX– начало XX в.). Избранное. Очерки истории и типологии русских банков. М., 1997.
- Гиндин И.Ф.* Государственный банк и экономическая политика царского правительства (1861 – 1892 гг.) М., 1960.
- Гиндин И.Ф.* Проблемы «модернизации» и индустриализации и их видоизменение с XVI по XX век. М., 1970.
- Гинс Г.К.* Предприниматель. М., 1992.
- Город великого Ленина. Л., 1957. см. С. 149–234. Раздел «Промышленность».
- Демкин В.С.* Внешняя торговля России XVII–XVIII вв.: Западное и северо-западное направления. Очерки. М., 1995.
- Дьяконова И.А.* Нефть и уголь в энергетике царской России в международных сопоставлениях. М., 1999.
- Дьяконова И. А.* Нобелевская корпорация в России. М., 1980.
- Дякин В.С.* Германские капиталы в России. Электроиндустрия и электрический транспорт. Л., 1971.
- Дякин В.С.* Первая мировая война и мероприятия по ликвидации так называемого немецкого засилья. См. Первая мировая война. 1914–1918. М., 1968.
- Загорский Ф.Н.* Л.Ф. Сабакин – механик XVIII века. Очерк жизни и деятельности. М.–Л., 1963.
- Заозерская Е.И.* Мануфактура при Петре I. М.–Л., 1947.
- Заозерская Е.И.* Развитие лёгкой промышленности в Москве в первой четверти XVIII века. М., 1953.
- Заозерская Е.И.* У истоков крупного производства в русской промышленности XVI–XVII веков. К вопросу о генезисе капитализма в России. М., 1970.
- Захаров В.Н.* Западноевропейские купцы в России. Эпоха Петра I. М., 1996.
- Злотников М.Ф.* Континентальная блокада и Россия. М.–Л., 1966
- Иванова Н.А.* Промышленный центр России, 1907–1914 гг. М., 1995.
- Иванова Н.И.* Немецкие предприниматели в Санкт-Петербурге (XVIII–XX вв.).

СПб., 2002.

Игнатъев А.В. Русско-английские отношения накануне первой мировой войны (1908–1914 гг.). М., 1962. – см. Глава 1-я. Экспансия английского капитала перед первой мировой войной. С. 13–57.

Из истории империализма в России. М.–Л., 1959. См. *Соловьёв Ю.Б.* Противоречия в правящем лагере России по вопросу об иностранных капиталах в годы первого промышленного подъёма. С. 371–388.

Из истории экономической мысли и народного хозяйства России. М., 1993–1996.
Измestъева Т.Ф. Россия в системе европейского рынка. Конец XIX–начало XX в. М., 1991.

Иностранное предпринимательство и заграничные инвестиции в России. М., 1997.

Исаев Г.С. Роль текстильной промышленности в генезисе и развитии капитализма в России. 1760–1860. Л., 1970.

Историческое развитие русской фабрики в XIX веке. М., 1997.

История России в лицах и датах. Словарь-справочник. СПб., 1995. Издание филиала Российской Таможенной академии.

История русской экономической мысли. Под редакцией А.И. Пашкова. М., 1955.

История СССР. С древнейших времён до 1861 года. Под ред. П.П. Епифанова и В.В. Мавродина. М., 1983. см. Глава XI. § 1, 7. Глава XIII. § 2. Глава XIV. § 1 – 4. Глава XVIII § 1, 2. Глава XXI. § 1.

Карнович Е.П. Замечательные богатства частных лиц в России. М., 1992.

Кафенгауз Б.Б. История хозяйства Демидовых в XVIII – XIX вв.: Опыт исследования по истории уральской металлургии. М.–Л., 1949.

Кафенгауз Б.Б. Очерки внутреннего рынка России первой половины XVIII века. М., 1958.

Кашинецев Д.А. История металлургии Урала. М., 1939.

Кинятина Н.С. Политика русского самодержавия в области промышленности (20 – 50-е годы XIX в.). М., 1968.

Китанина Т.М. Военно-инфляционные концерны в России 1914–1917 гг.: Концерн Путилова – Стахеева – Батолина. Л., 1969.

Китанина Т.М. Хлебная торговля России в 1875–1914 гг. Очерки правительственной политики. Л., 1978.

Коваленко Г.М. Первые металлургические заводы в Карелии. (1670–1703). Л., 1979.

Корелин А.П. Дворянство в пореформенной России. Численность, состав, корпоративная организация. 1861 – 1904. М., 1979.

Корнилов А.А. Курс истории России XIX века. М., 1993.

Корнилов Г. Д. Русско- финляндские отношения в конце XIX–начале XX в. Л., 1971.

Лаверычев В.Я. Военный государственно-монополистический капитализм в России. М., 1988.

- Лаверычев В.Я.* Государство и монополии в дореволюционной России. М., 1982.
- Лаверычев В.Я.* Крупная буржуазия в пореформенной России. М., 1974.
- Лаверычев В.Я.* Монополистический капитал в текстильной промышленности России. М. 1963.
- Лебедев В.В.* Русско-американские экономические отношения (1900–1917гг.) М., 1964.
- Лившин Я.И.* Монополии в экономике России. (Экономические организации и политика монополистического капитала). М., 1961.
- Лотарёва Р.М.* Города-заводы России. XVIII–первая половина XIX века. Екатеринбург, 1993.
- Любомиров П.Г.* Очерки по истории металлургической и металлообрабатывающей промышленности в России (XVII, XVIII и начало XIX вв.): Географическое размещение металлопромышленности. Л., 1937.
- Любомиров П.Г.* Очерки по истории русской промышленности. М., 1947.
- Лященко П.И.* История народного хозяйства СССР. Том II. М., 1952.
- Мавродин В.В.* Основание Петербурга. Л., 1983.
- Маевский И.В.* Экономика русской промышленности в условиях первой мировой войны. М., 1957.
- Маннанов Б.* Из истории русско-иранских отношений в конце XIX–начале XX века. Ташкент, 1964.
- Мартынов М.Н.* Горнозаводская промышленность на Урале при Петре I. Свердловск, 1948.
- Мартынов С.* Финансы и банкирский промысел: Штиглиц, Гинцбург, Поляковы, Рябушинские. СПб., 1993.
- Материалы по истории СССР.* М., 1959. Том 6. – Документы по истории монополистического капитализма в России. Сост. В. А. Емец. Редколлегия: А.Л. Сидоров, И.Ф. Гиндин.
- Монополии и иностранный капитал в России.* М. – Л., 1962. См. *Соловьёв Ю.Б.* Петербургский международный банк и французский финансовый капитал в годы первого промышленного подъёма в России (образование и деятельность «Генерального общества для развития промышленности в России»). С. 377 – 407.
- Монополии и экономическая политика царизма в конце XIX – начале XX в.* К проблеме исторических предпосылок Великой Октябрьской социалистической революции. Сборник статей. Л., 1987.
- Очерки истории Ленинграда.* Том III. Период империализма и буржуазно-демократических революций. М. – Л., 1956.
- Очерки по истории СССР. XVIII век.* Под ред. Проф. Б.Б. Кафенгауза. М., 1962. См. Глава I. (Б.Б. Кафенгауз). Хозяйство страны и положение трудящихся. С. 27 – 39. Глава II. (Н.И. Павленко). Производительные силы и социальная политика. С. 111 – 126. Глава III. (Б.Б. Кафенгауз). Промышленность, торговля и финансы. С. 179 – 188.

- (И.А. Булыгин). Сельское хозяйство. Крестьяне и дворянство. С. 168 – 179.
- Очерки по истории СССР. Конец XVIII – первая четверть XIX века.* Проф. С.Б. Окунь. Л., 1956. см. Раздел I. Экономическое развитие России в конце XVIII и первой четверти XIX века. С. 5 – 23.
- Очерки по истории СССР. Период феодализма. Россия в первой четверти XVIII в. Преобразования Петра I.* М., 1954.
- Очерки экономической истории России первой половины XIX в.* М., 1958.
- Павленко Н.И.* История металлургии в России XVIII века. Заводы и заводладельцы. М., 1962.
- Павленко Н.И.* Развитие металлургической промышленности России в первой половине XVIII века. М., 1953.
- Паршев А.П.* Почему Россия не Америка. М., 2001.
- Погребинский А.П.* Государственно-монополистический капитализм в России. М., 1959.
- Погребинский А.П.* Государственные финансы царской России в эпоху империализма. М., 1968.
- Погребинский А.П.* Очерки истории финансов дореволюционной России. М., 1954.
- Покровский С. А.* Внешняя торговля и внешняя торговая политика России. М., 1947.
- Половников А.П.* Торговля в старой России. М., 1958.
- Полянский Ф.Я.* Городское ремесло и мануфактура в России XVIII в. М., 1960.
- Полянский Ф. Я.* Первоначальное накопление капитала в России. М., 1958.
- Полянский Ф.Я.* Экономический строй мануфактуры в России XVIII века. М., 1956.
- Предпринимательство и предприниматели России от истоков до начала XX века.* М., 1997.
- Промышленное развитие Сибири в XIX – начале XX в.* Иркутск, 1989.
- Рауд В.М.* Экономические предпосылки первой русской революции 1905 – 1907 гг. Л., 1956.
- Рашин А.Г.* Формирование рабочего класса в России. М., 1958.
- Рожкова М.К.* Экономическая политика царского правительства на Среднем Востоке во второй четверти XIX века и русская буржуазия. М. – Л., 1949.
- Россия и Афганистан.* М., 1989. см. Глава VIII. Экономика и политика в русско-афганских отношениях (90-е годы XIX века). С. 134 – 156.
- Россия и мировой бизнес.* Альфред Нобель, Адольф Ротштейн, Герман Спитцер, Рудольф Дизель. М., 1996.
- Русский торгово-промышленный мир.* М., 1993.
- Рындзюнский П.Г.* Крестьяне и город в капиталистической России второй половины XIX в. М., 1980.
- Рындзюнский П.Г.* Утверждение капитализма в России. М., 1978.
- Рязанов В.Т.* Экономическое развитие России: реформы и российское хозяйство в

XIX – XX веке. СПб., 1998.

Семёнова Л.Н. Рабочие Петербурга в первой половине XVIII века. Л., 1974.

Сидоров А.Л. Экономическое положение России в годы первой мировой войны. М., 1973.

Сметанин С.И. История предпринимательства в России. курс лекций. М., 2005.

Соколов А.Я. Торговая политика России в Средней Азии и развитие русско-афганских отношений. Ташкент, 1971.

Соловьёв Ю.Б. Самодержавие и дворянство в конце XIX века. Л., 1973.

Соловьёва А.М. Железнодорожный транспорт России во второй половине XIX в. М., 1975.

Спиридонова Е.В. Экономическая политика и экономические взгляды Петра I. М., 1952.

Стоскова Н.Н. Первые металлургические заводы России. М., 1962.

Струмилин С.Г. История чёрной металлургии в России. М., 1954.

Струмилин С.Г. Очерки экономической истории России. М., 1960.

Суни Л. Финляндско-русские торговые отношения во второй половине XIX века (1858 – 1885). Тарту, 1963.

Тарле Е.В. Сочинения. М., 1958. Том IV. С. 441 – 468. Статья: «Была ли екатерининская Россия экономически отсталой страной?»

Тарновский К.Н. Формирование государственно-монополистического капитализма в России в годы первой мировой войны (На примере металлургической промышленности). М., 1958.

Туган-Барановский М.И. Избранное. Русская фабрика в прошлом и настоящем. М., 1997.

Тулеский металл в истории российской промышленности и предпринимательства. Тула, 1992.

Тэри Э. Россия в 1914 г. (Экономический обзор). Париж, 1986.

Убийство Столыпина. Свидетельства и документы. Рига, 1990. – см. О попытке Столыпина разрешить еврейский вопрос. Особый журнал Совета Министров от 27 и 31 октября и 1 декабря 1906 г. С. 54 – 62.

Ульянова С.Б. «Профсоюз капиталистов»: Петербургское общество заводчиков и фабрикантов в 1906 – 1914 гг. СПб., 1997.

Французский ежегодник (1961). М., 1962. *Соловьёв Ю. Б.* Франко-русский союз в его финансовом аспекте (1895 – 1900). С. 162 – 206.

Хальгартен, Георг. Империализм до 1914 года. М., 1961. см. С. 632 – 635.

Хромов П.А. Экономическое развитие России в XIX – XX веках. М., 1950.

Цгаолов Н.А. Очерки русской экономической мысли периода падения крепостного права. М., 1956.

Цукерник А. Л. Синдикат «Продамет». Историко-экономический очерк 1902 – июль 1914 гг. М., 1959.

- Черменский Е. Д.* История СССР. Период империализма. М., 1965.
- Шацилло К.Ф.* Государство и монополии в военной промышленности России. Конец XIX в. – 1914 г. М., 1992.
- Шацилло К.Ф.* Русский империализм и развитие флота накануне первой мировой войны 1906 – 1914 гг. М., 1968.
- Шейнин Л.Б.* Петербург и российский меркантилизм. Эпоха Петра I. М., 1997.
- Шепелев Л.Е.* Акционерные компании в России. Л., 1973.
- Шепелев Л.Е.* Царизм и буржуазия в 1904 – 1914 гг. Проблемы торгово-промышленной политики. Л., 1987.
- Шепелев Л.Е.* Царизм и буржуазия во второй половине XIX века. Проблемы торгово-промышленной политики. Л., 1981.
- Энгель В.В.* «Еврейский вопрос» в русско-американских отношениях. На примере «паспортного» вопроса. 1864 – 1913. М., 1998.
- Юркин И.Н.* Тульский завод Демидовых. 1695 – 1782. Из истории становления и развития доменной металлургии России. М., 1996.
- Юхт А.И.* Государственная деятельность В. Н. Татищева в 20-х – начале 30-х годов XVIII в. М., 1985.
- Яковлев А.Ф.* Экономические кризисы в России. М., 1955.
- Якоцевский В.Н.* Купеческий капитал в феодально-крепостнической России. М., 1953.

По аграрно – крестьянскому вопросу, истории общины и аграрным реформам в России:

- Анфимов А.М.* Крупное помещичье хозяйство Европейской России (конец XIX – начало XX в.). М., 1969.
- Анфимов А. М.* Крестьянское хозяйство Европейской России 1881 – 1904 гг. М., 1980.
- Анфимов А.М.* Российская деревня в годы первой мировой войны. М., 1962.
- Вайнштейн А.Л.* Народное хозяйство и народнохозяйственное накопление в предреволюционной России. М., 1960.
- Дружинин Н.М.* Русская деревня на переломе 1861 – 1880 гг. М., 1978.
- Дубровский С.М.* Сельское хозяйство и крестьянство России в период империализма. М., 1975.
- Дубровский С.М.* Столыпинская земельная реформа. Из истории сельского хозяйства и крестьянства России в начале XX века. М., 1963.
- Дякин В.С.* Деньги для сельского хозяйства 1892 – 1914 гг. СПб., 1997.
- Зырянов П.* Земельно-распределительная деятельность крестьянской общины в 1907 – 1914 гг. М., 1988.
- Зырянов П.Н.* Пётр Столыпин. Политический портрет. М., 1992. С. 44 – 62.
- Карнаухова Е.С.* Размещение сельского хозяйства России в период капитализма. (1860 –

1914 гг.). М., 1951.

Китанина Т.М. Война, хлеб и революция. Л., 1985.

Ковальченко И.Д., Селунская Н.Б., Литваков Б.М. Социально-экономический строй помещичьего хозяйства Европейской России в период капитализма. М., 1982.

Корелин А. П. Сельскохозяйственный кредит в России в конце XIX – начале XX в. М., 1988.

Литвак Б.Г. Переворот 1861 года в России: почему не реализовалась реформаторская альтернатива. М., 1991.

Минарик Л.П. Экономическая характеристика крупнейших земельных собственников в России конца XIX – начала XX в. М., 1971.

Особенности аграрного строя России в период империализма. М., 1962.

Першин П.Н. Аграрная революция в России. Историко-экономическое исследование: В 2-х книгах. М., 1966.

Проблемы крестьянского землевладения и внутренней политики России. Л., 1972.

Румянцев М. Столыпинская аграрная реформа: предпосылки, задачи и итоги. М., 1990.

Сидельников С.М. Аграрная политика самодержавия в период империализма. М., 1980.

Симонова М.С. Кризис аграрной политики царизма накануне первой российской революции. М., 1987.

3. Методические указания по темам курса

3.1. Экономика России XVIII века. Проблемы и особенности. Пётр I его «эпоха»

Пётр совершал не просто «преобразования», а проводил настойчивый курс прозападной (по примеру и образцу европейских держав) ориентации. Образцом ему служили в первую очередь морские державы: Швеция, Голландия, Англия. Требования к преобразованиям диктовались военными обстоятельствами. Реформы 1700 – 1725 гг. проходили в условиях почти непрерывных войн, под сильным давлением чрезвычайных обстоятельств и волевых решений одного человека, самого царя. Реформы (перемены) носили не столько продуманный, сколько пробный характер. Менялось так много, что ни подданные, ни сам царь не получали ясного представления об их последствиях, а только привыкали к переменам. Это вряд ли может быть удивительным, так как реформы не могли сказаться «немедленно»: к ним надо было приспособиться людям, а не указам.

Реформы Петра коснулись в первую очередь сознания, психологии русских людей. Не только в экономике, но и в культуре, быту и представлениях знати и народа эти реформы имели огромное, переломное значение. Реформы коснулись:

- образования;
- воспитания;
- внешнего облика;
- коммуникабельности, открытости общества в лице знатных людей и служащих.

Менялось то, что называется ценностями. Для экономической жизни значение имело, например, требование царя отмечать людей не по происхождению их, а главным образом по заслугам, по труду, по знаниям, по умению их применять знания и опыт практически, а не на словах. Пётр готов был приблизить, подобно Никите Демидову, человека за его организаторские качества, деловизм, распорядительность, хозяйственность. Ценилась энергия, расчёт, знание. Знание вообще становилось определённым критерием оценки человека. Особенно же – полезные прикладные знания, такие как математика, навигация; такие специальности, как судостроение, металлургия, горное дело, география, медицина. Личность царя и его пристрастия глубоко отразились на реформах в целом и на судьбе страны в дальнейшем.

Важно отметить и такую сторону реформ. С Петром стало образовываться общество и такие понятия, которые не ограничивались верой, привычками, границами дозволенного и запретного. Учиться было уже не только необходимостью, но и престижем. Пётр сам учился и учил других, сам держал экзамен и требовал, проверял тех, кому поручал или кого отправлял на учёбу за

границу. Дух ученичества, как и сознание стыда за невежество или отказ соблюдать правила нововведённые царём, всё больше распространялись в среде дворянства.

Необходимо, по возможности, полнее выяснить результаты реформ и преобразований Петра:

- а) в централизации и специализации управления хозяйством Империи;
- б) в промышленности;
- в) в торговле;
- г) в налогово-податной системе;

д) в целом как они отразились на богатстве (страны, государства, населения) или благосостоянии народа. В этом последнем случае полезно провести разницу между понятиями «благо государства», национальный интерес и положение (экономическое, правовое, духовное, психологическое, нравственное) народа, отделяя его от дворян и приближённых к царю деятелей.

Важно дать и определения таких следующих понятий:

меркантилизм;

казённая индустриализация;

частная и государственная торговая монополия;

положение иностранцев в России и отношение к иностранцам в среде дворянства.

Объяснить появление «новых дворян» из иностранцев и отличившихся в период царствования Петра.

Кроме того, важно подчеркнуть лишний раз, в чём была необратимость реформ Петра, их состоятельность, а не только незавершенность или поспешность.

В качестве примера экономической политики Петра I можно привести ситуацию с табакокурением. «Курение табака в России, – пишет Л. А. Никифоров, – было строжайше запрещено до Петра I. В 1634 г. был издан указ царя Михаила Фёдоровича, угрожавший смертной казнью с конфискацией всего имущества за курение или торговлю табаком. Этот указ был подтверждён и «Уложением» 1649 г. Но Пётр I ещё до отъезда за границу издал 1 февраля 1697 г. указ, разрешавший торговлю табаком и курение его. Одним из мотивов издания указа была, несомненно, возможность извлечения казной крупных доходов – табак был обложен сбором от 5 до 15 коп. с фунта. Позднее, с 1 декабря 1697 г., продажа табака повсюду, за исключением Украины, стала монополией казны». (Никифоров Л.А. Русско-английские отношения при Петре I. М., 1950. С. 38 – 39.) Во время пребывания Петра I в Англии в апреле 1698 г. завершились переговоры с английской табачной компанией во главе с лордом Кармартеном о контракте на 7 лет. Компания обязалась ввезти в первый год, т. е. по 1 сентября 1699 г., 3 тыс. бочек табака по 500 фунтов в каждой, во второй год, т.е. по 1 сентября 1700 г., 5 тыс. бочек табака. За ввезённый табак компания должна была платить в казну пошлину по 4 коп. с фунта. По истечении первых двух лет компания могла или отказаться от договора, или продлить его на 5 лет. При этом предусматривалось, что в случае продления

договора компания должна ежегодно увеличивать количество ввозимого табака на 1 тыс. бочек. Таким образом, получалось, что в последнем (1704/1705 г.) году действия договора компания должна была ввезти 10 тыс. бочек табака.

Мнение историка В. В. Мавродина о результатах экономической политики Петра I: ««Крайнее, всеконечное разорение» крестьянства, вызванное продолжительной Северной войной, ростом повинностей и сильными неурожаями 1723 – 1726 гг. стало настолько очевидным, что о нём заговорили в правительственных кругах уже в следующем году после смерти Петра I. Вызывали тревогу массовое бегство крестьян, рост недоимок, дефицит государственного бюджета. Показателем напряжения платёжных сил деревни являлись возраставшие недоимки по сбору подушной подати. В 1732 г. они составляли 15 млн. рублей, т.е. почти в два раза превышали всю сумму доходов, предусмотренную бюджетом 1724 г. деревню наводняли команды, неумолимо требовавшие погашения недоимок. Пойманных беглых наказывали батогами, отправляли на каторгу, вырезали ноздри, клеймили, но это несколько не сокращало бегства, ибо повседневно действовали причины, вынуждавшие крестьян покидать насиженные места. Только с 1719 по 1742 г., по неполным данным, в бегах числилось свыше полумиллиона крестьян». (История СССР. С древнейших времён до 1861 года. Под редакцией П. П. Епифанова и В. В. Мавродина. М., 1983. С. 360 – 361.) По переписи населения мужская его часть насчитывала 5.65 млн. человек.

Петербург как новый центр промышленного развития России. Одним из главнейших итогов петровских преобразований стало то обстоятельство, что перенос столицы России в Петербург из Москвы имел исторические, а не только политико-административные последствия для экономического развития Империи. Удалённый от основной части населения страны и построенный на его морской окраине Петербург потребовал собственной промышленности. Характер её был почти исключительно военный и казённый. Этот город развивался под влиянием политических угроз и опасности его военной изоляции во время войны. Швеция отнюдь не смирилась с поражением в Северной войне и пыталась снова овладеть Невой, захватить Петербург (войны 1741 – 1743 гг., 1788 – 1790 гг., 1808 – 1809 гг.) В таких условиях город развивался как военно-промышленный форпост и торговый центр всей России: по необходимости здесь возникли новейшие отрасли промышленности: судостроение, артиллерийская, пороховая, оружейная, приборостроительная отрасли. Здесь были сосредоточены обширные средства для экспериментов, испытаний и опытных работ по всем отраслям точных и естественных наук. Будучи столицей, Петербург и в дальнейшем, после смерти Петра I, развивался всё более усиливая значение первого индустриального центра страны в самых разных отраслях экономики. Все изобретения, новшества, технологии так или иначе получали проверку и оценку в Петербурге. Сюда стремились многие иностранцы, учёные, инженеры, купцы и предприимчивые

личности со своими предложениями, талантом и энергией. Петербург являлся самым привлекательным и решающим для них городом, откуда исходили компетентные заключения. Таким образом, в экономическом и научно-техническом отношении Петербург представлял монополиста в Империи. С появлением Петербурга история России приобретает новые черты: индустриализация и научные познания становятся неременным условием развития страны. «Через Петербург» Россия смотрит в будущее, которое заимствует на Западе.

Предлагается сравнить положение Москвы и Петербурга как важнейших центров промышленной концентрации, особенно первой до и после переноса столицы в Петербург. Москва всё более превращается в центр крупного текстильного мануфактурного производства, казённая промышленность там не играет такой почти монопольной роли как в Петербурге. Особенно заметно стало то, что металлопромышленность Москвы обслуживала теперь не военное производство, а мелкое рыночное потребление. С развитием Петербурга московская промышленность всё заметнее получает черты частного купеческого дела, которое к XIX веку начнёт постепенно, но уверенно укрупняться до больших торгово-промышленных предприятий.

Мнение историка о строительстве Петербурга: «К осени 1703 г. на строительстве Петербурга было занято около 20 тысяч подкопщиков (т. е. землекопов). Уже через год по указам царя на строительство Петербурга ежегодно в принудительном порядке их должно было являться со всех концов России 40 тысяч. Подкопщиков брали среди крестьян и посадских людей по одному человеку от девяти – шестнадцати дворов. ...Требую ежегодно 40 тысяч подкопщиков, Петербург фактически никогда их не получал, и на строительных работах обычно работало лишь 12 – 18 тысяч человек и лишь изредка до 35 тысяч. Повинность подкопщиков справедливо считалась очень тяжёлой. От неё всячески стремились уклониться. Нередко для того, чтобы сохранить взрослых – кормильцев семьи, жертвовали «детьми и братьями своими малыми». ...Современник немец Гюйсен писал: «Бедным людям очень трудно пропитаться, так что они употребляют в пищу больше коренья и капусту, хлеба же почти в глаза не видят». ...Подкопщики жили в вырытых своими руками землянках, шалашах или просто под навесами. Рабочий день продолжался от восхода до заката солнца. Петербургские белые ночи делали рабочий день мучительно долгим. За провинности штрафовали, вычитая однодневное жалование или жалование за неделю. Среди подкопщиков свирепствовали болезни, особенно дизентерия («маялись животом») и цинга. В качестве лекарства от них по высокой цене продавалась водка, настоянная на еловых шишках. Недоедания, голод, непривычный климат, сырость, болезни делали своё страшное дело: смерть среди подкопщиков была частым явлением. На строительстве Петербурга гибли тысячи людей. Бегство из Петербурга приняло массовый характер. Правительство жестоко преследовало беглых. Их били кнутом,

батогамы, вырывали ноздри, бросали в тюрьмы их семьи. Прекратить уход людей из гиблого места было невозможно». (Мавродин В. В. Рождение новой России. Л., 1988. С. 126 – 127).

Промышленная география России, а не только отраслевая её история, заслуживает особого внимания именно в связи с развитием петровского времени. Стоит напомнить об огромной роли которую стал играть Урал в жизни России как во время войны, так и в мирные годы. Урал не был только поставщиком оружия, этот регион становится важнейшим экспортёром железа на европейские рынки. С 1725 г. по 1800 г. черная металлургия России увеличила производство в 12 раз. К 1740 г. по производству чугуна Россия обогнала Англию, выйдя на второе место в мире после Швеции, а в 1750-х гг. обогнала и Швецию. Это первое место в мире она сохраняла примерно до 1800 г. При этом 80% металла давал Урал. Экспорт тогда имел необычайно большое значение, т. к. до 80% выплавки шло за границу. Уральское железо было очень дешёвым, даже с доставкой в Лондон. В начале XVIII в. казна платила за пуд железа от 60 до 90 коп., а Демидов стал поставлять железо по 42 – 45 коп., причём его себестоимость на месте производства составляла 16 коп. (Сметанин. История предпринимательства в России. М., 2005. С. 73)

Помимо железа надо иметь в виду первостепенное значение для Англии вывоза русского корабельного леса, смолы, дёгтя и пеньки, употребляемой в канатной промышленности для оснастки флота.

Важнейшие предметы ввоза в Россию. Продукты ремесленного и промышленного производства стран Западной и Южной Европы, проданные западноевропейскими купцами на архангельской ярмарке в 1710 году.

Металлы: железо разных наименований, медь разная, латунь, проволока, свинец, сталь.

Инструменты и механизмы: гвозди, пилы, гири, весы, топоры, тиски, корабельные блоки, клещи, «учинение стеклянное для познания воздушных».

Оружие и боеприпасы: дробь медная и свинцовая, клинки шпажные, кремни фузейные, пистолеты, порох, фузеи, шпаги.

Химикалии: купорос, мышьяк, мастика, селитра. Краски.

Ткани шерстяные 20-ти наименований и шёлковые 25-ти наименований, ткани хлопчатобумажные 5-ти наименований, ткани льняные 20 наименований из них 15 видов полотен.

Одежда и обувь: башмаки, галстуки, рукавицы, чулки, шляпы, кафтаны.

Галантерея 57 наименований: ленты, парики, очки, запонки, зеркала карманные, трубки табачные, шпильки, щётки, карты игральные, платки. Пряжки, пуговицы оловянные.

Посуда и утварь 47 наименований, из них: блюда, рюмки, ножи, стаканы, рукомытники, утюги, чайники, чашки, чернильницы.

Мебель 24 наименований, сбруя, музыкальные инструменты (гобои, рога, скрипки, струны, трубы, флейты).

Съестные припасы 21 наименование. Бумага, книги, стёкла оконные.

Вина, фрукты, овощи из стран Европы 37 наименований. Товары стран ближнего Востока, Азии и Америки 50 наименований.

Из товаров, купленных западноевропейскими купцами в России: продукты сельского хозяйства 25 наименований, готовые изделия 21 наименование, продукты ремесла и промышленности 11 наименований, лесоматериалы, меха 11 наименований, поморские товары 4 наименований, прочие продукты охоты и восточные товары 3-х наименований. Из продуктов русского сельского хозяйства: воск, масло, мёд, сало, пенька, семя, хмель. Из готовых изделий: мыло, сукна, свечи, канаты, шубы беличьи. Из мехов: белки, бобровый пух, медведи, горностаи, песцы, норки, коты куницы. Кроме названных, иностранные купцы в большом количестве закупали в России товары, находившиеся в казённой монополии (поташ, икра и т. п.).

(полный перечень см. Захаров В.Н. Западноевропейские купцы в России. Эпоха Петра I. М., 1996. С. 322 – 329).

О том, во сколько обошёлся России Ништадтский мирный договор.

За территориальные приобретения, которые Швеция признавала за Россией по этому договору, Россия платила Швеции 1.5 миллиона рублей, т. е. за Лифляндию, Эстляндию, Ингерманландию (с Петербургом) и часть Карелии с Выборгом. Для сравнения: содержание русской армии определялось тогда в 4 млн. руб.

О роли Англии во внешней торговле России. Можно напомнить, что ещё со времени Ивана Грозного за 130 лет до Петра Англия добивалась и получила право на важнейшую привилегию торговать по всей России беспошлинно, а через неё и с Персией, т.е. с целым Востоком. Для России английская морская торговля имела огромное значение, т.к. Англия вывозила продукты России во все концы Европы. Пётр пытался диверсифицировать монопольное положение Англии во внешней торговле с Россией, но ни одна из морских держав Европы не могла заместить Англию в структуре внешнего вывоза. Русское же купечество тем более не располагало ни опытом, ни средствами, ни стремлением к перехвату торговой инициативы у англичан. Такие попытки и не могли достичь цели мерами указов и покровительства, риск здесь был велик и требовал именно предприимчивости самого купечества. Характерно, что Пётр пытался для этой цели объединить купцов в «кумпании», по примеру западных. Но из этого даже покровительственного объединения (в 1724 г.) результат был бы явно не скорый, и Пётр не смог увидеть его.

3.2. Экономическое развитие в послепетровские годы, 1725 – 1762

Судьба реформ после смерти Петра I складывалась под влиянием не только достигнутого при жизни царя, но и под действием таких факторов, как незаинтересованность в поддержании режима им созданного, безразличие к его детищу – флоту, ослабление тех государственных институтов, которые по замыслу царя должны были сдерживать тенденции к бесконтрольному использованию государственных средств в личных интересах отдельных лиц и чиновников на местах.

Вопросы для этой темы можно сформулировать следующие: почему так произошло, где оказались те, кого называли «птенцами гнезда Петрова»? Как и чем объяснить равнодушие верховной власти к падению авторитета самой же власти, которая прямо заявляла о преемственности дела великого Петра, его преобразований и достижений? Можно ли заключить, что реформы Петра исчерпали задачи, которые они преследовали в начале? Кто воспользовался реформами и в каком смысле?

Экономическая система, созданная в годы Северной войны, не могла, конечно, сохраняться в том же виде в мирное время. Развитие получило новый характер. Мануфактуры и горные заводы неуклонно передавались из государственных рук в частные, преимущественно купеческие. Это объяснялось тем, что убыточность заводов в казённом владении не позволяла оставлять их в прежнем управлении. Передавая в частные руки эти заводы, казна получала возможность сохранить их и иметь доход от рационального использования заводского хозяйства за счёт нового собственника. В частных руках заводы ориентировались не на государственную потребность, а на рынок Империи или заграничный вывоз. Роль экспорта железа резко возросла по мере понижения его государственного потребления. С другой стороны, суконные, шёлковые и парусно-полотняные мануфактуры на время завоевали внутренний рынок своими изделиями, продолжая вытеснять иностранные, привозные аналогичные товары. Предметы роскоши и особо ценные предметы составляли исключение.

Дворянство с большой выгодой для себя стало заниматься винокурением. Этот вид предпринимательства давал стабильный доход и не был связан с большими затратами в условиях натурального хозяйства. Помимо этого дворяне, наряду с купцами, стали открывать в своих поместьях и текстильные мануфактуры. В этом отношении нельзя не признать, что предприимчивость, хотя и небольшой сравнительно части населения, охватывала всё новых представителей сословий. Гораздо труднее выяснить величину и формы крестьянского предпринимательства, которое меньше представлено даже в современной литературе. Предваряя разговор на эту тему, обратить внимание, во-первых, какие формы и виды крестьянского предпринимательства им известны, во-вторых, в чём была разница между

мелкотоварным хозяйством (торговлей) и мануфактурной промышленностью с её сбытом?

Для понимания «высших» ценностей надо иметь в виду, что российские монархи и до Петра и, особенно, в его правление выдвигали на первый план два мотива, два идеала, которыми были движимы. Первый – всегда – Государство, Россия, русская земля. Второй – благо народа, его процветание. Государь олицетворял собой государство и коллективную волю народа, но власть имел не от народа, а от Бога. Поэтому, богатство, труд, личность, имущество – всё подчинялось и приносилось в жертву воле и распоряжению Государя. От имени России и народа говорить мог в первую очередь он и в последнюю он же. Такое положение не могло не влиять на развитие личности, на её самостоятельность, на её незащищённость и степень свободы. На свободу в государстве, где всё подчинялось идеям долга, служения и православной веры. Сам государь становился неким заложником этой же идеи – цели служения. Эта система оформлялась в абсолютизм.

Происхождение богатства в России прямо связано было с дарением его, или подтверждением от государя. В этом смысле богатство не столько «наживалось», сколько получалось в виде земли и прикреплённых к ней крестьян, которые сами являлись собственностью землевладельца.

Сословные привилегии определяли и экономические возможности. Купцам разрешено было торговать, но не иметь землю с крепостными, как дворянам. Дворяне не вели торговлю, поскольку это нарушало кодекс чести, противоречило обязанности служить, а не обогащаться торгуя. Крестьяне обязаны были заниматься земледелием, но не могли торговать без разрешения. Строить заводы, покупать их, и заниматься «заводской деятельностью» было также привилегией купцов. У каждого сословия был свой суд, своя мера дозволенных наказаний (физических или иных) и моральной ответственности.

Особое отношение власти и дворянства в России было к купечеству. Это отношение определялось двумя моментами. С одной стороны, купечество по сути своей освобождалось от государственной службы, имея в этом привилегию (дарована им в 1766 г. Екатериной II). С другой, пополнялось оно практически полностью из крестьянства. Купечество объективно претендовало на роль самого активного и «капиталистического» сословия России. Очень настороженно к нему относилось именно дворянство, «первое» сословие в Империи. Самодержцы российские неизменно принимали сторону дворянства, так как на его военную службу они опирались и нуждались в нём куда более, чем в поддержке купечества.

Дворянство было настроено по отношению к купечеству в общем враждебно, так как видело в нём конкурента, набирающего экономическую силу и особое значение для самодержавия. Купечество не только торговало, но и всё более втягивалось в процесс промышленного развития, укрупняя мануфактуры, которые оно содержало за свой счёт. Именно купечество или в первую очередь оно, получало от казны

прежде казённые мануфактуры, приспособлявая их к работе не только на казну, но и на крестьянский широкий рынок. Такое положение давало ему большую, чем дворянству самостоятельность, свободу предприимчивости и действий в импортных операциях. Купечество получало, покупая или получая в арендное пользование от казны, горные литейные заводы с обязательством поддерживать их в рабочем состоянии. Правительство, со своей стороны, брало на себя заботу о сбыте железа и чугуна, выплавляемого на этих заводах в Англию, крупнейшего покупателя сырья и полупродуктов России в Европе. Со времён Петра I купечество получило свою организацию и пыталось отстаивать перед правительством не только свои привилегии, но и корпорацию. Угрозу и тому, и другому оно видело в крестьянской мелкой торговле, мало ограниченной властью.

Первые акционерные компании в России. Ещё в 1755 г. купцы Шемякин, Хостатов и Ярославцев учредили одну из первых в России компаний на акциях с капиталом 100 тыс. руб. (200 акций по 500 руб. каждая). Ей была предоставлена императрицей Елизаветой монополия на торговлю с Китаем, Турцией и Венецией. Учредители компании имели право носить шпагу и именоваться директорами. В 1758 г. купцы Иссаханов и Матвеев образовали компанию с капиталом в 600 тыс. руб. (4 тыс. акций по 150 руб.). Она получила право вывозить товары в Персию. В 1760 г. граф Воронцов при участии 10 лиц учредил на тех же условиях компанию для торговли с Хивой и Бухарой. Однако, указом Петра III акционерные компании были закрыты, поскольку, как считал император, они приносят лишь вред торговле и служат приютом для обанкротившихся купцов. (Барышников М.Н. История делового мира России. Пособие для студентов высших учебных заведений. М., 1994. С. 82 – 83).

О трактовке причин отсталости. В качестве одного из объяснений российской «вечной» отсталости можно привести и такое. Потому, что Россия «сама в себе»: в состоянии сама себя прокормить, одеть, торговать внутри себя с гораздо большим успехом и выгодой, чем вовне. Население её в огромной массе имеет очень ограниченные потребности ввиду и денежной несостоятельности и риска наживать капитал вне связи его с земельной собственностью. В России земля как недвижимость всегда считалась высшей ценностью, мерилom богатства: у кого земля, у того и «капитал» и люди, т. е. работники на этой земле. Население в значительной массе несвободно, закрепощено. Кроме того, общинная собственность на землю имела и психологию не личного, а общественного богатства. Личное же накопление в России имело многие века скрытый от власти и публичности характер. Если же судить о богатстве по капиталу, то его употребление в дело носило больше не производительный характер, а торговый. Эти особенности, конечно, только внешние признаки состояния большинства крестьян. Но есть и другие общеизвестные факторы медленного развития страны: огромные расстояния, дороговизна транспортных расходов, плохое состояние дорог и их недостаточность.

В основе всего хозяйственного строя России стояло крестьянское хозяйство, с его безденежьем, примитивной культурой землепользования и массой неграмотных людей. Эту черту подмечали все, кто наблюдал крестьянский быт, труд, поведение. Косность, пьянство, действия скопом, недоверие к любым новшествам и переменам считались признаками именно русской деревни, которая столетиями оставалась главным резервом экономического развития страны.

К причинам крестьянской бедности и неустроенности можно отнести и сами последствия крепостного их состояния: бегство от помещиков и государственной власти, гибель и искалеченность многих крестьян в войнах, вообще высокая смертность и крайне дешёвый личный труд, в смысле оплаты. Проблема благосостояния, а не богатства крестьян – вот, что заботило государство, начиная с Екатерины II. О зажиточности хотя бы заметной части из них в перечисленных условиях не приходилось и мечтать. Крестьянские (народные) песни и рассказы полны замечаний о тяжёлой доле, о неволе, о войне и смерти.

Фаворитизм и богатство как проявление российского аристократического менталитета. Светлейший князь Александр Меншиков. «Фельдмаршал Миних в своих «Очерках» говорит, что князь Меншиков был один из богатейших частных людей в Европе, что за ним числилось до 100.000 крестьян в России и что он кроме этого имел значительные земли в Ингрии, Ливонии и Польше, король прусский пожаловал ему поместье (baillage) Речек, а император – герцогство Козельское. Герцогство это отошло впоследствии к фамилии графов Плеттенбергов. Вообще, на основании достоверных сведений, можно сказать, что у князя Александра Даниловича Меншикова было конфисковано: 90.000 душ крестьян; города: Ораниенбаум, Ямбург, Копорье, Раненбург, Почеп и Батурин; 4.000.000 тогдашних рублей наличной монетой; капиталов в лондонском и амстердамском банках на 9.000.000 рублей; бриллиантов и разных драгоценных вещей на 1.000.000 рублей; три перемены, по 24 дюжины каждая серебряных тарелок и столовых приборов и 105 пудов золотой посуды». (Карнович Е.П. Замечательные богатства частных лиц в России. М., 1992. С. 118.). При всей исключительной величине пожалованного одному человеку богатства в России этот пример весьма характерен во всём остальном. Фавориты, оказавшиеся при дворе далеко не за одни заслуги, люди, как говорят о таких, случайные, могли быть возвышены в России над всеми, даже самыми богатыми вдруг, в одночасье.

Подводя итоги, напомним, что купечество, разделённое на три гильдии, имело различия в правах и привилегиях. Натуральное крестьянское хозяйство было результатом вынужденными обстоятельствами самой жизни крестьян, бедностью, отсутствием у них достаточных денег для покупки себе обуви, одежды, простотой быта и привычками. Крестьяне знали множество ремёсел и сами себя обеспечивали хотя бы частью необходимого: обувь, посуда, мебель, дворовые постройки, починка дома или даже его строительство, предметов труда и быта.

Говоря о характере дворянского предпринимательства можно отметить такие его черты: дворяне, подобно своим же крестьянам, вели хозяйство в пределах своей поземельной собственности и заводили небольшие, как правило, предприятия для удовлетворения собственных нужд (винокуренные заводы), или для сбыта своим крепостным: мыловаренные, солеваренные, сахарные и свечные заводы. В этом отношении дворянское предпринимательство отличалось от крестьянского размерами и торговыми оборотами. Однако здесь дворяне вступали в конкуренцию и с купцами, и с самими крестьянами.

3.3. Экономическое развитие во время правления Екатерины Великой и Павла I. 1762 – 1800 гг.

Давая оценку этому времени, надо подчеркнуть крайнюю противоречивость тенденций экономического развития:

1 – значительнейшее расширение географии крепостного права в России, в первую очередь за счёт Юга Украины, крепостного хозяйства в общей структуре труда (занятости) населения и государственных доходов. Расширение помещичьего землевладения означало не только «отказ» от поиска иных решений развития хозяйства, но и усложнение проблем, которые очень скоро поведут к первым проектам реформ в отношении крепостных же крестьян. Восстание Пугачёва 1773 – 1775 гг. и его подавление вместо реформ и дарования крестьянам новых сословных прав, которые рассматривались Екатериной II, дали повод к обратным решениям. Крестьянство лишалось даже прежних своих прав и крепостничество достигло своего предела в виде запрета жалоб на барина, продажи крестьян целыми семьями без земли. Крестьяне в полном смысле этого слова рассматривались помещиками как живой товар, который закладывали, меняли, проигрывали в карты, наказывали вплоть до убийства.

2 – с другой стороны, купечество получает новые привилегии. Экономическое влияние купеческого сословия становится всё заметнее. Однако политическое влияние его ограничивается вопросами внешней и внутренней торговли.

Важнейшим из социально-политических событий екатерининского времени стало восстание крестьян под предводительством Е. Пугачёва в 1773 – 1774 гг. Несмотря на то, что оно не было явно поддержано крестьянством Центральных великорусских губерний не следует забывать, что его сила и опасность заключались в его возможностях, которые не ограничивались уральским казачеством, Поволжьем и инородцами (татары, калмыки, башкиры). Ответной реакцией на него стало, с одной стороны, жестокое подавление и глубокий страх помещиков, а, с другой, укрепление крепостного права, а не пересмотр политики в этом вопросе в сторону хотя бы и постепенной ликвидации этих отношений. «С Екатерины, однако же, – пишет А.А. Корнилов, – разрешено помещикам ссылать своих людей и в каторжные работы. Помещики издавна присвоили себе право вмешиваться и в семейный быт

крепостных, венчать их по своему усмотрению, распоряжаться их имуществом. Различные злоупотребления и разврат помещиков во многих случаях принимали совершенно невероятные размеры. При этом крепостным воспрещалось законом жаловаться и доносить на своих господ, кроме случаев государственных преступлений, совершённых последними». (Корнилов А.А. Курс истории России XIX века. М., 1993. С. 25 – 26). Кроме того, барщина в это время для крестьян увеличивается и превышает в ряде случаев положенные три дня в неделю. Кризис крепостного хозяйства и проявлялся заметнее всего в усилении, а не ослаблении эксплуатации труда крепостных.

Можно обратить внимание и на следующие тенденции в экономической жизни Империи периода Екатерины II и Павла I:

- рост городского населения и выдающееся развитие торговли Москвы в связи с присоединением к России обширного Причерноморья, т. е. южной Украины;
- рост фабрик в поместьях, основанных на крепостном же труде;
- рост производства хлеба и вывоза его за границу, начало широкой морской вывозной торговли через Чёрное море как результат русских завоеваний Крыма и Причерноморья;
- строительство новых водных каналов, соединяющих Волгу с Балтийским морем;
- значительная иммиграция немцев, западных и южных славян (поляков, болгар, сербов), греков, евреев в Новороссийский край и в Саратовскую губернию;
- начало массового выпуска ассигнационных (бумажных) рублей, падение курса рубля и увеличение государственных расходов за период Екатерины Великой примерно в пять раз;
- сменяющие друг друга войны в Европе 1772 г. и 1793 – 1795 гг. (три раздела Польши) и 1796 г. (поход Суворова в Австрию против Франции), с Турцией на Юге 1768 – 1774 гг. и 1787 – 1791 гг. и Швецией в 1788 – 1790 гг. Война с Е. Пугачёвым 1773 – 1774 гг.

Миграция и география российского населения при Екатерине II и в начале XIX века. Крепостнический характер дальнейшего расширения и укрепления Империи. Следует обратить внимание на социальную миграцию русского, в основном крестьянского, населения на территории Империи, в связи с усилением крепостничества и его распространением на новые территории. С другой стороны, войны при Екатерине II раздвинули границы Империи на запад и на юг настолько, что достигли «естественного» предела, этнического, объединив восточнославянское население и физического, обеспечив Империи выход к Чёрному морю, на Кавказ и по Дунаю. Политический фактор, как и военный, имел огромное значение для стабильности и последующего экономического и социального развития колоссальной Российской Империи. За 40 лет, с 1770-х по 1815 гг. в состав России вошли Польша с Варшавой, вся Украина (тогда называвшаяся ещё Малороссией),

всё Северное Причерноморье от Дуная до Абхазии и Крымский полуостров, Финляндия, Русская Аляска. Под скипетром самодержцев оказались Закавказье и Казахстан, что вплотную приблизило Россию к пределам Средней Азии. Образовался новый край для переселения русских по верхнему течению Дона с выходом в Азовское и Чёрное моря – Новороссия. «К исходу XVIII в. только сложилась Европейская Россия в своих «естественных» границах от моря до моря, – пишет А.Е. Пресняков. – Территория Европейской России стала государственной территорией Российской империи. Обширность пространства, значительное разнообразие областных условий, экономического быта и расселения, племенных типов и культурных уровней – сильно усложняли задачу организации управления. Захват территории был только первым шагом к утверждению на ней устойчивой и организованной народнохозяйственной и гражданской жизни. Само распределение населения по ней было ещё в полном ходу. Переселенческое движение – столь характерное явление в быту русских народных масс – развёртывалось не только в первой четверти, но и в течение большей части XIX в. преимущественно в пределах Европейской части России. На юг, в Новороссию, на юго-восток, к Прикавказью и Нижнему Поволжью, отливают с севера и запада всё новые элементы. «Новопоселённые» в этих областях «сходцы» и «выходцы» составляют значительный, даже преобладающий процент местного населения. И на новых местах они оседают не сразу, а ищут, в ряде повторных переходов, лучших условий хозяйственного и бытового положения». Удержать этот поток под контролем государство не могло или не умело кроме как крепостническими методами, так как, по словам того же историка, «Российскую империю строила дворянская, крепостническая Россия». «Эта неизбежная подвижность населения стоит в резком противоречии со стремлением центральной власти к установлению повсеместно порядков «регулярного государства» на основе закрепощения трудовой массы и стройно организованных губернских учреждений. *Русское государство всё ещё в строительном периоде* [курсив мой – О.А.]. Оно строится в новых, расширенных пределах приёмами, окрепшими и созревшими в Великороссии – на основе государственного, «крепостного устава». Процесс закрепощения, завершённый для центральных областей первыми двумя ревизиями XVIII в., систематически проводился в малороссийских и белорусских губерниях на основе 4-й и, особенно, 5-й ревизии рядом правительственных указов в развитие и дополнение основного акта – указа 1783 г. о прекращении «своевольных переходов», которыми – по мнению верховной власти – нарушалось «водворяемое ею повсюду благоустройство». Эта борьба государственной власти со всеми более или менее уцелевшими элементами «вольности» в составе населения настойчиво завершалась при Александре I на всей территории империи – в Малороссии, потерявшей характер автономной провинции, в Новороссии и Белоруссии; завершалась торопливо, с назначением краткого – годового – срока на подачу исков для

«отыскания свободы от подданства помещикам», по истечении которого всё сельское население закрепощалось по записям в пятой ревизии». (Пресняков А. Е. Российские самодержцы. М., 1990. С. 147 – 149). Из этого размышления видно, что вся экономическая система дворянского самодержавия не только сохраняла основу на крепостном праве, но и вынуждена была расширяться и закреплять свои внешние успехи путём лишь распространения такого порядка на новые рубежи и применительно к новым миллионам своих подданных. Невозможно было оставлять крепостные отношения «метрополии» и при этом не устанавливать эти же отношения на вновь колонизируемых пространствах. «Система» была сильна своей цельностью, но не могла развиваться при двух взаимоисключающих экономиках: крепостной в Центре и некрепостной на периферии.

Российско-Американская компания (РАК). Возникновение и деятельность.

Вопрос о занятии русскими Аляски и рождении Русской Америки пользуется особым интересом среди нашей публики. Интересна, наверное, эта тема будет и для студентов. Шутки по поводу «Эй, Америка, возвращай-ка Алясочку взад» настолько расхожи, что нам остаётся только напомнить, как это сомнительно сделать для нас, даже шутя. Надо, на наш взгляд, напомнить такие общие факты: 1) освоение Америки, конечно, не авантюра, а великая историческая заслуга многих русских людей;

2) без поддержки государства это освоение и заселение не имело ни стимула, ни должного авторитета в глазах конкурирующих великих держав, среди которых на первом месте стояла Великобритания;

3) пределы русскому продвижению вглубь и вширь Америки были скоро обнаружены, так как навстречу русским двигались и англичане из Канады, и американцы с юга и запада, идущие к Тихому океану;

4) в Петербурге хорошо осознавали чрезвычайную слабость позиций Империи в Америке и, кроме того, сомнительную доходность этой далёкой колонии в условиях непрестанной борьбы с американо-английской контрабандной торговлей и морским ловом в российских пределах;

5) чем более нарастала угроза вооружённого столкновения русского флага с англоязычными, тем важнее для Петербурга была не защита торговли и рубежей Америки, а уступка здесь ради престижа и политических выгод России в вопросах большой, по преимуществу европейской политики;

6) Продажа форта Росс, а за ним и всей Русской Америки была продуманным и, вероятно, мудрым шагом.

В литературе, посвящённой Русской Америке, единодушно отмечается, что одной из самых непреодолимых причин её судьбы была ничтожная заселённость русскими колонистами. Сделать из Аляски вторую Сибирь для ссылки и каторжан было невозможно, так как охранять наказанных было бы некому. Русские поселения редко насчитывали более сотни человек и не были связаны между собой, они

назывались «одиночки». «В 1839 г. число русских колонистов достигло 823 человек и явилось самым высоким за всё время существования Российско-Американской компании». (Фёдорова С. Г. Русское население Аляски и Калифорнии. М., 1971. С. 143). В случае военного столкновения Россию ждало здесь поражение и пострадал бы гораздо ошутимее её великодержавный авторитет.

Ниже приводится краткая хронологическая справка о движении русских в Америке.

Заручившись правительственной поддержкой, РАК в 1799 г. осуществило новый шаг в своём движении на юг, к плодородным землям бассейна р. Колумбии Калифорнии. Важным объектом на этом пути был остров Ситха, где английские и американские купцы уже более десяти лет беспрепятственно вели торг с тлинкитами, снабжая их огнестрельным оружием. С августа 1808 г. при вторичном заселении Ситхи среди покинутого тлинкитами селения был основан Ново-Архангельск, ставший местом главного правителя и центром Российских владений в Америке. В июле 1812 г. в гавани залива Бодега было основано селение русских форт-Росс, самое южное из поселений в Америке. В 1833 г. возникли три большие фермы («ранчо»): ранчо Василия Хлебникова у поселения Росс (около 70 акров), ранчо Петра Костромитинова (100 акров) сразу же к югу от устья реки Славянки и ранчо Егора Черных – в 5 милях к северу от залива Бодега.

За четверть века, с 1819 по 1843 гг. РАК создала сеть своих опорных пунктов на северо-западном побережье и во внутренних районах Аляски. Важнейшим из них стал Михайловский редут, основанный на самом севере русской Аляски в 1844 г. Основное население здесь состояло из эскимосов. Однако темпы продвижения в глубь материка были замедленными, поскольку эффективно осваивать труднодоступные территории аляскинского Севера компания не могла в условиях ничтожного притока русского населения из метрополии. По этой причине, уже к концу 1840-х гг. РАК фактически бессильна была приостановить английскую экспансию в бассейне верхнего Юкона. После того как Кампания Гудзонова залива основала в 1847 г. форт Юкон, англичанам открылся путь по этой реке к Тихому океану, как раз в самое сердце русских владений по берегам Аляски. В то время как РАК предпринимала усилия для расширения торговых связей с аборигенным населением на севере Аляски, с юга её всё сильнее теснили англичане и американцы. По договору 1818 г. между Англией и США вся территория южнее русских владений была занята и поделена между ними. Русскому продвижению здесь наступил предел. Главное правление РАК сообщало министру финансов Е. Ф. Канкрину в июне 1824 г.: «Должно только вообразить, что селения наши не составляют более 2 тысяч жителей, в том числе до 500 русских, рассеянных на пространстве нескольких тысяч вёрст, и тогда откроется, сильны ли они противостоятъ совместничеству предприимчивых, богатых капиталами и

многочисленных американских купцов, издавна стремящихся к разрушению нашей Компании, если будет отнят единственный оплот, доселе Компанию ограждавший». Этим оплотом до 1824 г. был запрет американским судам приставать к берегам русских владений в Америке для торговли с коренным населением. Теперь же с подписанием русско-американской торговой конвенции 1824 г. гражданам США такое право со стороны России было предоставлено. Результатом этого для Компании стало возвращение столицы Ново-Архангельска с Аляски на остров Кадьяк. Эвакуация растянулась на целых два года 1825 – 1827 гг., но так и не была завершена, на это не хватало средств. В 1839 г. РАК обратилась в министерство финансов с просьбой о разрешении упразднить калифорнийскую колонию Росс. Кольцо американских поселений вокруг форта Росс сжималось всё сильнее. В 1841 г. селение Росс было продано подданному Соединённых Штатов швейцарского происхождения Суттеру.

Вопрос о переселении в Русскую Америку. Сокращение отбывающих в Америку привело к постановке вопроса о мерах стимулирования народонаселения. Ещё в 1806 г. 33 промышлявших подали обер-секретарю сената Н. П. Резанову в бытность его в колониях прошение об оставлении их навсегда в русских поселениях в Америке, где они обзавелись уже домами и, женись на диких (алеутках, эскимосках, индеанках) прижили детей». Компания поддержала эту просьбу, однако просила освободить этих промышлявших, а также и тех, кто впредь пожелает остаться навсегда в Америке, «от податей, в прежних их жилищах платиться долженствующих». Государственный Совет рассмотрел это ходатайство и признал «такую оседлость людей в заведениях Американской компании соединённую с пользой государства». Совет полагал, что можно было бы позволить селиться там людям свободным, как-то: купцам, мещанам, государственным и экономическим крестьянам, яшашным, отставным солдатам и проч. Крепостным же с согласия их помещиков». Однако, совет тут же рассудил, что «люди сего рода сверх податей в казну обязаны: а) земскими и городскими повинностями, несравненно превышающими казённый с них сбор; б) рекрутскою повинностью. А посему, если дозволить им переселяться в американские заведения с исключением от всех повинностей, то тяжесть сих последних неминуемо падёт на прочих обывателей, которые в пользу Компании должны посему будут давать и лишних рекрут, и отправлять за людей её все земские повинности». Поэтому Государственный Совет постановил оставить подателей прошения в колониях на прежних основаниях «не изъемя их навсегда от общих податей». (Фёдорова С. Г. Указ. соч. С. 143 – 144). Очевидно, что в вопросе о переселении в Америку существовало и другое опасение, что под девизом освобождения от податей туда потянутся многие желающие, подавая дурной пример и повод для преувеличенных слухов о «свободе» отъезжающих в Америку. Любопытно, что разрешён был въезд на поселение и жительство в Русскую Америку и из США. По утверждённому 10 октября 1844 г. уставу РАК сословие колониальных граждан могло состоять «из Российских подданных и других людей свободного сословия, имеющих право на выезд из

Америки и водворяемых там по собственному желанию». (Фёдорова С. Г. Указ. соч. С. 143 – 144).

Отношение Екатерины II к дворянскому предпринимательству. Екатерина выступала категорически против вступления дворян в купеческие организации. Когда граф Апраксин подал прошение на высочайшее имя с просьбой о разрешении записаться в купеческую гильдию, гневу императрицы не было предела. Назвав графа «сумасшедшим», она решительно отвергла его просьбу. Впрочем, неправомерность этого отказа была ясна и для самой императрицы, поскольку формально в России не существовало запрета на пребывание дворян в купеческих гильдиях. Статья 92 Городского положения 1785 года позволяла записываться в гильдии всем лицам, объявившим капитал, без различия сословий. Что касается отношения к этой проблеме властей, то оно довольно точно было сформулировано московским губернским прокурором, заявившим, что «самое существо достоинства обязует каждого дворянина упражняться не в оборотах торговых, но главнейше в службе военной, а в мирное время – в отправлении правосудия, почему и не долженствует дворянству входить в промысел торговый, наравне с купечеством, так как нельзя оба эти звания соединить вместе и к одному праву, ибо каждый из нас с младенчества приготовлен образом мыслей, друг от друга весьма отдалёнными, да и какая удобность с записанного в купечество дворянина в общественной нужде и тягости требовать деяния, а в случае неплатежа, чрез какие средства персональность такового к тому побудить, когда жалованной грамотой постановлено: да не судится благородный, кроме своими равными, да изъёмлетса благородный самолично от личных податей». (Барышников М. Н. Указ. соч. С. 75 – 76). Из смысла приведённого здесь рассуждения понятно главное: убеждённость в том, что два названных сословия несовместимы в своём положении, воспитании и назначении. Между прочим, в заявлении прокурора ясно слышится и этический укор в адрес дворян, даже только помысливших принять несвойственную им роль. Как будто дворянин не может обеспечить себя, как будто ему нечем заняться, как обратиться в купца, оставаясь при этом дворянином.

3.4. Развитие во время Александра I. 1800 – 1825 гг. Растущий кризис крепостничества

Крестьянский вопрос в политике Александра I. Положение крестьянства во время Александра I состояло в следующем. Большая часть крестьянского населения относилась к помещичьим крестьянам, то есть собственно, **крепостным**. В начале 80-х гг. XVIII в. их насчитывалось 7 миллионов ревизских душ мужского пола. После ликвидации монастырского и церковного землевладения в 1764 г. крестьяне делились на три большие категории: крестьян помещичьих, государственных и дворцовых. Крестьяне духовного ведомства вошли в состав государственных крестьян и стали называться «экономическими» крестьянами. Помещичьи крестьяне составляли самую многочисленную категорию земледельческого населения. В 1762 – 1766 гг. по третьей ревизии их насчитывалось 5.611.531 душа мужского пола, в 1781 – 1783 гг. по четвёртой ревизии – 6.714.331 душа, а в 1794 – 1796 гг. по пятой ревизии – 9.787.802 души мужского пола. (Очерки истории СССР. XVIII век. /Под ред. проф. Б. Б. Кафенгауза. М., 1962. С.175). Экономическое и бытовое положение крепостных крестьян зависело главным образом от того, были они барщинные или оброчные. Характеристику крепостного труда хорошо даёт дореволюционный кадетский историк. «Барщинные крестьяне отбывали в пользу помещиков работы в довольно неопределённом и разнообразном размере, – пишет А. А. Корнилов. – В большинстве случаев в *барщинных* имениях вся пахотная земля разделялась поровну на городскую и крестьянскую пашню, причём и рабочие дни делились поровну: крестьянин работал три дня в неделю в господских полях, три дня ему оставалось на обработку отведённого ему поля. Но этот обычай не был утверждён законом (до времён Павла), и в отдельных случаях господ заставляли работать гораздо больше трёх дней в неделю. Затем в зимнее время на крестьянина ложилась обязанность возить барский хлеб и другие продукты на рынок, иногда за сотни вёрст. Независимо от этого крестьяне поставляли помещику в натуре птиц, иногда овец, свиней, ягоды, грибы, а на баб, сверх того, налагалась повинность, иногда чрезвычайно тяжёлая, доставлять определённое количество льняной или посконной пряжи и ткани, а иногда и самодельных сукон. Некоторые помещики к натуральным повинностям присоединяли и денежный оброк, отпуская при этом часть крестьян на зиму в отхожие промыслы.

В *оброчных* имениях обыкновенно вся обрабатываемая земля (а иногда и лес) отдавалась в распоряжение крестьян, а крестьяне за это облагались определённым денежным или натуральным оброком, размер которого зависел от произвола владельца и соизмерялся чаще всего с доходами крестьян не от отданной им земли, а от заработков их на стороне; ибо и вообще оброчная система была распространена главным образом в северных нечернозёмных губерниях, где доход от земли был незначителен, а заработки и промыслы крестьян – городские, лесные, речные и

притрактовые – достигали нередко весьма значительных размеров. Оброчные крестьяне даже и при тяжёлых оброках, жили вообще гораздо привольнее барщинных уже потому, что они пользовались вдали от господ, гораздо большей свободой и даже самоуправлением в своём внутреннем быту, в отдельных, редких, конечно, случаях, приближавшем их быт к быту независимых свободных людей, причём в этом случае принадлежность их частным лицам, особенно когда эти лица были богаты и сильны, избавляла их от притеснений и злоупотреблений чиновников. В большинстве случаев и в оброчных имениях власть и произвол помещиков давали себя, разумеется, чувствовать достаточно часто и больно». (Корнилов А. А. Курс истории России XIX века. М., 1993. С. 26).

Удельные крестьяне являлись разрядом крепостных крестьян, принадлежащих императорской фамилии. Этот разряд возник в 1797 г. в связи с передачей дворцовых крестьян Департаменту уделов. Доходы с удельных крестьян не включались в государственный бюджет. Удельные крестьяне мало чем отличались от оброчных помещичьих крестьян. С 1826 г. эти крестьяне из удельного ведомства перешли в подчинение Министерства Двора. Дворцовые или удельные крестьяне к концу XVIII века насчитывали примерно 1/7 всех казённых крестьян. В 1800 г. удельных крестьян насчитывалось 463.200 ревизских душ, а к 1861 г. – 1.871.000 душ. В 1858 – 1859 гг. отменена была личная крепостная зависимость удельных крестьян. В 1863 г. они были переведены на выкуп и наделены землёй. В связи с этой же категорией существовали **крестьяне кабинетских земель**. Кабинетские земли были собственностью членов императорской фамилии и находились в ведении «Кабинета Его Величества» – личной канцелярии Императора.

Посессионные крестьяне представляли собой казённых крестьян, прикрепленных к заводам и фабрикам в качестве мастеровых на правах условного владения ими со стороны частных лиц, которым передавались. Этим крестьян нельзя было лишать заводского труда, наделять землёй, продавать или переводить для других видов деятельности кроме заводской. По сути посессионные крестьяне были прикреплены к заводам на положении пожизненно обязанных, то есть крепостных в промышленности. Численно этот разряд крепостных был весьма значителен. Посессионные крестьяне играли важнейшую роль в тяжёлой индустрии Империи, так как являлись ядром рабочей силы уральских чугунолитейных и механических заводов.

Крестьян **государственных, посессионных и удельных** числилось по переписи 1781 – 1783 гг. около 5 миллионов ревизских душ. В 1812 г. соотношение этих категорий выразилось 10,5 млн. помещичьих крестьян против остальных категорий – свыше 7 млн. крестьян мужского пола.

Соотношение крестьян и остальных непродуцирующих классов населения в первой половине XIX века по подсчётам русских статистиков колебалось в пределах 1: 9 или 1: 14. При этом к классам непродуцирующим отнесены были дворянство,

духовенство, военные, чиновники и разночинцы. (Окунь С. Б. Очерки истории СССР. Конец XVIII – первая четверть XIX века. Л., 1956. С. 6 – 7).

Весьма красноречиво о положении крестьянства в Империи высказался П. А. Строганов, один из ближайших сотрудников молодого Александра I: «Класс, который в России должен всего более привлекать внимание – крестьяне: этот многочисленный класс состоит из людей, которые в большей части одарены значительным разумом и предприимчивым духом, но, связанные лишением прав свободы и собственности, осуждены на прозябание и не дают на пользу общества того вклада их труда, на какой каждый из них способен; они лишены прочного положения, лишены собственности». (Пресняков А. Е. Российские самодержцы. М., 1990. С. 154). В этом наблюдении выражен не только оптимизм относительно возможностей главной части населения. Проблема названа и **в центре её – собственность**. И как право, и как практический факт. Но в этом же факте есть и следствие. Не имея собственности, крестьяне не признают её и за остальными сословиями как нечто незыблемое, неприкосновенное. В этом кроется «вечная» угроза, «вечной» пугачёвщины.

«Меры в отношении миллионных масс крестьянства, – пишет П. И. Кабанов, – не нарушали коренных установлений крепостного права, провозглашённых ещё в XVII в. Соборным Уложением 1649 г. Отменив наиболее вопиющие законы о праве помещиков ссылать крестьян на каторжные работы, разрешив государственным крестьянам переходить с дозволения губернаторов из одной губернии в другую, правительство в то же время требовало от местных властей отыскивать и возвращать помещикам беглых крестьян, наказывая их укрывателей «по всей строгости закона», «всемерно упреждать возмущения крестьян». В 1803 г. был объявлен указ о так называемых «вольных хлебопашцах». Согласно указу помещикам разрешалось по их желанию освобождать крестьян за выкуп. Крестьяне, освобождённые помещиком, составляли особое сословие «вольных хлебопашцев». Практическое значение этого указа было невелико: за два десятка лет Александровского правления «вольными хлебопашцами» стало немногим более 47 тысяч крепостных крестьян, что составляло менее ...полупроцента всего крепостного населения». (История СССР. С древнейших времён до 1861 года. /Под ред. проф. П. П. Елифанова и проф. В. В. Мавродина. М., 1983. С. 461).

«Закон о вольных хлебопашцах 1803 г., открывавший помещикам широкие возможности для добровольного освобождения крепостных ... не дал по существу, никаких результатов», – пишет С. В. Мироненко. Но, «освободив эстонских крестьян, царь тем самым уже открыто осудил крепостное право. В обществе поползли слухи о близящейся общей реформе крепостных отношений». (Мироненко С. В. Самодержавие и реформы. Политическая борьба в России в начале XIX в. М., 1989. С. 78).

О тарифной политике в годы Александра I. В этой области экономической

политики России характерны сильные колебания. Ориентируясь на самые передовые идеи в области экономической мысли, в окружении Александра I возобладали фритредерские идеи и настроения. В 1816 г. были отменены запреты предельно запретительного тарифа 1810 г., который был выработан в преддверии войны с Францией. В дальнейшем пошли на новую крайность: в 1819 г. был принят самый умеренный таможенный тариф, снявший фактически все запреты на импорт иностранных товаров и экспорт российских. «В скором времени, – пишут историки таможенной политики России, – со всей очевидностью обнаружилась невозможность свободной конкуренции изделий отечественной промышленности с соответствующими английскими аналогами. Более того, ни одна европейская держава не собиралась следовать принципу свободной торговли. Либеральная политика оказалась явно преждевременной и резко ухудшила экономическое положение России». Результатом такой политики неудавшегося примера (в надежде, что и другие державы последуют примеру России) стал очередной поворот. «В целях преодоления кризиса национального производства в 1822 г. был принят охранительно-запретительный тариф, в соответствии с которым все импортные товары были разделены на 4 группы: в первую вошли товары, которые могли ввозиться беспошлинно. Всего запрет был наложен на вывоз 21 и ввоз 300 товаров. С введением нового высокого покровительственного тарифа русская промышленность оказалась на время освобождена от конкуренции иностранных производителей. Тариф 1822 г. неоднократно пересматривался. В 1824 – 1825, 1830, 1831, 1836, 1838 и 1841 гг. в него вносились изменения, общую направленность которых можно выразить формулой: от фискально-запретительной к фискально-протекционистской таможенной политике. Во всяком случае, до тех пор, пока во главе министерства Финансов находился Е. Ф. Канкрин (1823 – 1844 гг.) Россия последовательно придерживалась политики, направленной на достижение бездефицитного государственного бюджета. «Запретительная и охранительная система – подчёркивал Канкрин – может подлежать большим возражениям, но в частности для многих государств уже невозможно от оной отойти, особливо и по видам дохода, здесь всегда большое внимание имевшим»». (История России в лицах и датах. Словарь-справочник. СПб.: Издание СПб Филиала Российской таможенной академии, 1995. С. 194 – 195)

О положении купечества в правление Александра I. В это время статус купца начинает заметно подниматься. Вероятно, это было связано и с общей тенденцией в развитых странах Запада и в первую очередь в Англии, где купечество уже превратилось в опору власти и политики. Накопление и обогащение перестают быть уделом одного государства. Растёт сознание, что богатство народа, монарха и страны зависит от процветания отдельных подданных, торгового и промышленного сословия, ещё не разделённых в своих занятиях. «В то же время, – пишет П. И. Кабанов, – стремясь расширить свою социальную опору в среде нарождающейся

торгово-промышленной буржуазии, правительство учреждает для купцов и фабрикантов звания «коммерц-советника» и «мануфактур-советника», приравненных к 8-му классу статской службы по Табели о рангах (но без прав дворянина), устанавливает для них большие льготы при передаче имущества по наследству, разрешает купцам свободно переходить из гильдии в гильдию и из губернии в губернию «во всякое время года», открывает коммерческие училища в Петербурге, Москве, Одессе и других городах. В 1803 г. был основан Заёмный банк с капиталом в 1 млн. руб. для поощрения ссудами «полезных фабрик и мануфактур» в России, в 1806 г. открыто «Общество заводчиков» горнорудных предприятий. За выработку на мануфактурах от 50 до 120 тысяч аршин сукна владельцев награждали золотыми медалями трёх видов, в том числе осыпанных бриллиантами. В 1807 г. был издан манифест о дарованных купечеству новых выгодах, отличиях и преимуществах. За проявленные купечеством «гражданские добродетели» правительство Александра I подтверждало все прежние права и привилегии купцов, разрешало им в виде особой милости «ездить в карете парюю и четвернёю», а «первостатейным» даже «приезжать к нашему Двору» и носить шпаги, заводило «бархатную книгу знатных купеческих родов». Всё чаще богатых купцов и заводчиков привлекали к участию в делах городского управления, к разработке тарифов и других постановлений о торговле, вводили в правление Государственного ассигнационного и других банков, запрашивали их «мнения» по вопросам внутренней и внешней торговли и т. д.». (История СССР. С древнейших времён до 1861 года. Под ред. проф. П. П. Епифанова и проф. В. В. Мавродина. М., 1983. С. 461 – 462).

Нашествие Наполеона нанесло особенно тяжёлый удар московской промышленности. Однако война вызвала одновременно большой спрос на оружие, военное снаряжение, амуницию и запасы. Крупные военные заказы получили государственные и посессионные металлургические заводы Урала и Подмосковья, что укрепило их положение.

Начало промышленного переворота в текстильном производстве. Труд ручной и машинный. Казённая Александровская мануфактура (АМ) и её роль. Начало XIX в. совпало с появлением в России первых паровых машин и механических ткацких станков. «Фабричную форму производства русская текстильная промышленность в области прядения приобрела на рубеже XVIII – XIX вв., т. е. на 100 лет позднее, чем в Англии. В ткачестве же и набивке ткани преобразование шло ещё медленнее: в 1850 г. в одной только Владимирской губернии работало до 80 тыс. ручных ткацких станков, а ручная набивка ткани сохранилась на некоторых фабриках вплоть до 20-х годов XX в.» ³/₄ оборудования текстильных предприятий Империи составляли иностранные машины и станки. «Все виды текстильного сырья (хлопок, шелковичные коконы, шерсть, джут), за исключением лубяных волокон, ввозились из-за границы. Собственного

текстильного машиностроения, если не считать изготовления вспомогательных частей машин, в России не было». (Цит. по: Очерки истории техники в России (1861 - 1917). М., 1975. С. 303, 311.). Почин в деле перемен взяла на себя казна, основав в Петербурге в 1798 г. Александровскую мануфактуру. По тем временам она явилась колоссальным предприятием с 4 тыс. рабочих и тремя паровыми машинами мощностью 170 лошадиных сил. Цель учреждения этого предприятия была **дать пример частным лицам**, убеждая их в возможности употребления машин в России. В «Журнале мануфактур и торговли» в 1828 г. отмечалось, что эта фабрика «важнейшая из всех в России фабрик и, без сомнения, может занять место между первейшими в сём роде английскими фабриками ... Сия фабрика может служить образцовую для всякого, намеревающегося основать какую-либо фабрику, а равно дать понятие о фабриках, всё производящих машинами». (Там же. С. 311). И в этом не было преувеличения. Вот как, однако, реагировали на появление АМ калужские фабриканты парусного полотна. В 1837 г. они подали коллективное прошение на имя наследника цесаревича Александра Николаевича. В нём они сообщали, что в 1827 г. из С.-Петербургского порта отпускалось более 60.000 кусков парусного полотна до 77 рублей ассигнациями за кусок для продажи иностранным корабельщикам в Петербурге и Кронштадте, а равно для поставки всего российского флота. В нынешнее же время Александровская мануфактура, отправляя сама в Петербург и Кронштадт парусину, понизила цены до 50 руб., из-за чего на руках у частных фабрикантов остаётся немало непроданной продукции. «В прежнее время, – говорилось далее в прошении, – для Северной Америки в Петербурге покупали всегда парусные полотна, выработанные в России с одних только частных заводов, а потому оные фабриканты и были тогда в хорошем состоянии и действии, но в 1827 году Александровская мануфактура начала успешно продажу парусных полотен, и оборот частных заводов начал постоянно уменьшаться и дошёл до стеснения владельцев оных, а многие из них совершенно упали, и фабрики их уничтожились». Купцы просили «предохранить их заведения (из коих некоторая часть более столетия существует) от совершенного подрыва и упадка, устранив вовсе Александровскую мануфактуру от частной продажи и отпуска за границу полотен, но как она мануфактура, быв заведена правительством, с пожертвованием больших капиталов на приобретение разного рода машин и инструментов и не нуждаясь для производства оной в деньгах, всегда может в выгоднейшее время приобретать материалы дешёвыми ценами, между тем как частные фабриканты, не имея таковых капиталов (приписано на полях рукою министра: «Не вина мануфактуры»), лишены всех тех выгод и никак не могут противостоять могущественному обороту упомянутой мануфактуры, а потому, если оной не воспрещено будет продавать в С.-Петербурге и Кронштадте и иностранным корабельщикам парусные полотна, а в особенности отпускать таковые за границу, тогда не минует постепенно все частные фабрики сего рода (примечание на полях министра: «то есть не имеющие

достаточных капиталов») должны будут уничтожиться...» (Цит. по: Г. Т. Полилов (Северцев). Быт петербургского купечества в 1820 – 1840-х годах. //Петербургское купечество в XIX веке. СПб., 2003. С. 95 – 96).

В 1904 г. в Петербурге все текстильные предприятия с благодарностью отмечали 60-летие закрытия Александровской мануфактуры, водворившей машинное производство тканей в России. Частная промышленность последовала за этим примером и полностью заняла рынок сбыта ткацких изделий уже к 1880-м гг.

Эта история чрезвычайно показательна для понимания того как, в данном случае, казённая инициатива и капитал возглавила модернизацию в промышленности, достигнув полного и убедительного успеха. Тот факт, что здесь удача была предопределена самим ходом развития и огромной заинтересованностью купцов, не отменяет самого исхода: казна начала – купец перенял и развил отрасль до глубокого технического переворота.

Из истории распространения английского секрета паровых машин в России. Немного легенды. Ч. Гаскойн и Ч. Берд в России. Интересно, что уже в конце XVIII в., на родине массового производства паровых машин, в Англии правительство объявило государственным секретом технологию их изготовления. Там был принят специальный закон, запрещающий вывоз из страны машин и выезд специалистов. Россия была одной из тех, кто в интересах промышленной независимости и обороны активно искал таких иностранных специалистов, обещая им не только гонорар, но и хорошо оплачиваемую должность. Так ещё в 1786 г. в Россию приехал известный шотландский инженер Чарльз Гаскойн, директор знаменитых Карронских заводов в Великобритании, создатель пушек «карронад», принятых на вооружение английским флотом. Но он был известен не только этим. Ещё в 1774 – 1777 гг. по заказу Адмиралтейств-коллегии именно при участии Ч. Гаскойна на Карронских заводах была изготовлена и доставлена в Кронштадт и введена в действие паровая машина для обслуживания сухих доков Кронштадтского канала. «Эта паровая машина, – пишет М. Б. Гарбузова, – была в тот период крупнейшей в мире установкой до-уаттовского типа и проработала более сорока лет». (Гарбузова М. Б. У истоков российского машиностроения (Чарльз Берд в России). – //Мост.- 1999. № 28. С. 26 – 27). Английское правительство, нуждаясь в российском сырье, сделало вид, что выезд Ч. Гаскойна из Англии частное дело его самого и тот «на собственном корабле вместе с машинами и мастерами» отплыл в Россию беспрепятственно. Среди тех, кто оказался в его окружении был «ещё никому неизвестный двадцатилетний Чарльз Берд». 26 мая 1786 г. они прибыли в Кронштадт. Гаскойн с мастерами и машинами сразу был направлен в Петрозаводск, где по указу Сената начал перестройку по «карронской» системе Александровского пушечного и Кончезерского заводов. Гаскойн ввёл новый способ отливки пушек и теперь практически все отливаемые орудия оказывались годными, в то время как до его приезда, пишет автор, «из сотни отливаемых пушек девяносто оказывались

негодными. Приходилось огромное число пушек закупать за границей». Примечательно, что Ч. Гаскойн был сторонником вольнонаёмного труда, так как крепостные крестьяне, отвлекаемые от работы на заводе, не могли и не стремились иметь высокую квалификацию. В 1789 году по проекту Гаскойна на Александровском заводе в Петрозаводске была построена паровая машина для откачки воды из Воицкого рудника, которая проработала до 1794 года, когда рудник был закрыт. После машины И. И. Ползунова, построенной на Барнаульских заводах в 1766 году, это была первая установка, построенная в России.

Помощником Ч. Гаскойна на заводе в Петрозаводске работал Чарльз Берд. Когда в 1789 г. в Кронштадте, по предложению Ч. Гаскойна, началось строительство чугунолитейного завода, куда был командирован Ч. Берд. В 1792 г. вместо со своим братом Джемсом и соотечественником Фрэнсисом Морганом Берд создаёт компанию по эксплуатации собственного завода в Петербурге на Матисовом острове. С этого небольшого железоделательного предприятия и началась история крупнейшего в России завода Ч. Берда (с 1881 г. - Франко-Русский завод). К 1800 г. это был уже крупный, по отзывам современников, завод. «Император Павел I, – пишет М. Б. Гарбузова, – был так поражён увиденным, что издал указ для Адмиралтейств-коллегии также ввести в употребление для производства различных работ «огненную» машину, как это делается на заводе Ч. Берда. В 1806 г. по поручению правительства для подготовки мастеров и машинистов паровых машин для казённых заводов на завод Ч. Берда были приняты 100 учеников на пять лет. Кроме того, на заводе постоянно находились ученики с сибирских и уральских заводов [подчёркнуто мной – О. А.]. До 1825 г. завод Ч. Берда был единственным в России предприятием, который систематически выпускал паровые машины, котлы, различные станки и механизмы для нужд всей страны. За этот период на заводе была изготовлена 141 паровая машина». (Гарбузова М. Б. Указ. соч. С. 26 – 27). В 1815 г. на заводе Ч. Берда был построен первый в России пароход. Россия стала третьей страной в мире после Англии и США, которая использовала паровые суда. Вспоминая о Ч. Берде жена вице-директора Строительного департамента А. Я. Бутковская в 1827 г. записала: «... к этому времени нужно отнести появление англичанина Берда. Он прибыл в Россию беглецом и ознакомил нас с применением пара к движению судов. За выдачу этого секрета он присуждён был в Англии заочно к повешению. Высокий ростом, серьёзный, волосы с проседью, небрежно одетый, человек этот, которому Россия обязана введением пароходства, часто появлялся в доме у нас. Разговоры его всегда были деловые, он был исключительно занят своим предметом ...» (Гарбузова М. Б. Указ. соч. С. 27).

Русская торговля в английских руках. Выход России к Чёрному морю в 1790-х гг. положил начало развитию свободной морской торговли России через Чёрное море в Средиземное со странами Южной Европы и в первую очередь с Францией. Когда Наполеон угрожал Англии войной, французские деловые круги поставили

вопрос о расширении торговли с Россией. Купцы города Бордо выдвинули целую программу (1803 г.) усиления французов в морской торговле с Россией. Они при этом анализировали успехи своих главных конкурентов – англичан. В специальном докладе говорилось, что главный бич франко-русской торговли – наличие посредников, которые берут втридорога. Даже традиционные товары французского экспорта (предметы роскоши, вина) доставляются в Россию не французами, а англичанами и голландцами. Англичане цепко держат в своих руках половину русской внешней торговли. «Вывоз российских товаров простирается по цене на 120 млн. франков, из коих половина отпускается из Санкт-Петербургского порта. Англичане вывозят на 60 млн., а шестую долю берут французы». Англичане, говорилось далее, основательно укрепились в России. У них деньги, мощный кредит. Они сбивают цены или перекупают иногда совсем ненужный им товар (табак), лишь бы не допустить усиления конкурентов-французов. Такая политика позволила англичанам занять монопольное положение в торговле многими русскими товарами (например, лесом, хлебом, железом). Не могут французы конкурировать с англичанами и по количеству судов, отправляемых к берегам России. Англия ежегодно посылает до 500 судов, голландцы – 200 – 300, а французы в 1802 г. – всего 10. В южные порты России прибыло: в 1802 г. – одно французское судно, в 1803 г. – 22, в 1804 г. – одно. Англичане, не имевшие в русских черноморских портах аналогичных французам преимуществ, прислали: в 1803 г. – 7 кораблей, в 1804 г. – 25, 1805 г. – 35 судов. Что же предлагали авторы программы? По мнению бордосских купцов, прежде всего необходима государственная защита этой торговли. Не следует повторять ошибки Людовика XVI: вот вам трактат 1787 г., а дальше делайте, как знаете. Надо увеличить премии французским купцам за доставку товаров на своих кораблях в Россию, уменьшить пошлины, давать французским торговым домам казённые заказы на поставки морского снаряжения (мачтовый лес, парусное полотно) из России. Необходимо, наконец, создать под покровительством государства французскую черноморскую компанию. (Франко-русские экономические связи. Москва – Париж, 1970. С. 230 – 231.). Однако, «Англия – пишет Кабанов – являлась главным торговым партнёром России со значительным активным балансом в пользу последней: в 1802 г. вывоз товаров из Англии в Россию достигал около 1, 3 млн. фунтов стерлингов, а ввоз из России – около 2, 2 млн. фунтов стерлингов. Разрыв политических и торговых связей был крайне невыгоден обеим державам. Военно-морской и торговый флот Англии не мог обходиться без привоза из России корабельного леса, смолы и пеньки, что и вызвало несомненное участие английской дипломатии в заговоре против Павла I. Экономические интересы и внутривнутриполитическое положение империи заставили правительство Александра I уже летом 1801 г. восстановить дружественные отношения с Англией и отменить эмбарго, наложенное Павлом I на английские корабли и товары (с выплатой значительной компенсации английским купцам за

понесённые убытки)». (История СССР. С древнейших времён до 1861 года. Под ред. П. П. Епифанова и В. В. Мавродина. М., 1983. С. 468.)

3.5. Правление Николая I. 1825 – 1856 гг. Кризис системы, осознание отсталости

На занятиях по означенной теме необходимо прежде всего пояснить, что время Николая I среди историков считается временем рубежным для истории России, когда проблема реформ перешла в иную плоскость. Крепостное право дало Петру I отличный рычаг для проведения модернизации страны вопреки воле и настроениям населения. Но это основание реформ было и тупиком экономического прогресса в условиях машинной техники, то есть в условиях новых для России в Европе. Отмена крепостного права назревала и помимо необходимости реформ с точки зрения государства. Отсталость, правда, плохо сознавалась дворянским по сути государством: она больше трактовалась как недостатки самого строя русской жизни, крестьянского труда и быта. Время Николая I с его экспериментами в духе полицейского реформаторства, многочисленными проектами и бесконечными опасениями и нерешительностью, не случайно, конечно, считают временем упущенных возможностей. Крестьянская проблема в результате этого стала не только острее, но и сложнее для решения. Правительство видело непрерывный рост крестьянских «волнений», которые представляли собой уголовно наказуемые деяния: поджоги помещичьих усадеб, покушения и убийства самих дворян, грабежи, разбой, сговор, запашка помещичьей земли, покосы и выгон скота на владениях помещика. Оградить свою землю помещику было не так-то легко, потому что он сам разрешал пользоваться ею в трудные для крестьян времена. Крестьянская «хитрость» оборачивалась прямым обманом, отказом работать сверх прежних обязательств, саботажем распоряжений и требований своих бар. Крестьяне почти поголовно были неграмотны, жили слухами, держались тех представлений, которые передавали друг другу «по старине». Крестьянское хозяйство и инвентарь оставались десятилетиями почти без изменений, в смысле новых приёмов пользования и обработки земли, домашней обстановки и обустройства дома.

Естественно, что крестьянский вопрос затрагивал самым болезненным образом дворянство. Экономическое благополучие этого первого сословия Империи всецело зависело от крепостного права. Дать свободу крестьянам для дворян означало банкротство. Дворяне не были готовы к деятельности, кроме государственной, обычно военной службы, которая могла бы их прокормить и обеспечить «положение в обществе».

Реформа министра государственных имуществ (1837 – 1841 гг.) П. Д. Киселёва касалась государственных крестьян. Была поставлена цель упорядочить управление государственными крестьянами. В деревнях стали открываться школы, больницы, ветеринарные пункты. Широко внедрялись посадки картофеля.

В период правления Николая I в стране появляется своеобразная **официальная идеология «Самодержавие, православие, народность»**. Эта идеология вошла в систему университетского образования и призвана была воспитывать в образованной части населения дух верноподданничества и монархизма на основе религиозной государственной монополии. Такая идейная установка, конечно, влияла на психологию и мировоззрение русских людей. Национальным идеалом объявлялось самопожертвование царя ради блага народа и «народа» ради сильного и мудрого монарха. Личность здесь был только и сам царь, но и он не был «свободен», а обязан по своему призванию служить благу России, а вместе с тем и народу. Царь был чем-то вроде воспитателя и покровителя народа, выражения его веры и стремлений. От царя зависела справедливость и суд в отношении недобрых помещиков и вообще «недрузгов» народа. Царь охранял «веру и правду» народную. Такое провозглашение носило подчёркнуто антизападнический и вообще изоляционистский характер. Всякие иные идеи и мотивы воспринимались с опасением и с точки зрения совместимости с этой официальной идеологией. Она имела определённый успех в среде купечества, которое было прямо связано с крестьянством и своим происхождением, и деятельностью.

Центральный вопрос развития: с одной стороны, непрерывное ухудшение экономического положения помещиков, особенно центральных губерний Тульской, Рязанской, Орловской. Вопрос о желательности отмены крепостного права среди самих же помещиков. Хроника крестьянских волнений: в 1825 – 1829 гг. – 41 волнение, 1830 – 1849 гг. – 378 волнений, 1850 – 1855 гг. – 137 волнений. Деятельность правительственных Комитетов по крестьянским делам: Комитет 6 декабря 1826 г., Комитет 1835 г.

«Правительство – пишет А. А. Корнилов – выдавало тогда значительные, иногда миллионные, ссуды помещикам на оказание крестьянам продовольственной помощи, но помещики эти суммы сплошь и рядом растрачивали не на крестьян, а на свои нужды – на то, чтобы заткнуть ими в своих хозяйствах ряд дыр, которые давали себя чувствовать в голодные годы. Попытка правительства контролировать эти суммы ни к чему не приводила, так как вся власть на местах находилась в руках дворянами же выбранных должностных лиц». (А. А. Корнилов. Курс истории России XIX века. М., 1993. С. 163).

Финансовое положение России. Хронический дефицит государственного бюджета. Усиление экономии в расходах в министерство Канкрин. «Беден крестьянин – бедно и государство». Образование министерства государственных имуществ, в 1837 г. во главе с Киселёвым, его задачи и компетенция. Внешние займы России в банках Англии и Нидерландов в 1820 – 1840-х гг. и во время Крымской войны 1854 – 1855 гг.

Характеризуя состояние финансов Империи, историк Корнилов пишет: «В 1822 г. казна была почти банкротом; нельзя было совершить никаких займов на сколько-нибудь сносных условиях, и курс бумажных денег не повышался, несмотря

на то, что за последние годы управления Гурьева [Д. А. Гурьев - предшественник Канкрин на посту министра финансов, граф Е. Ф. Канкрин занимал свою должность с 1823 по 1844 гг.], благодаря принятой им системе погашения ассигнационного долга, этот долг уменьшился с 800 до 595 млн. руб.». Канкрин же являлся убеждённым поборником сокращения государственных расходов. «Он неоднократно выражал мысль, что собственно целью разумной финансовой деятельности должен быть не рост казённых доходов, а именно увеличение народного благосостояния – причём он понимал под этим главным образом именно благосостояние масс. Исходя из этой точки зрения, он явился сторонником самой строгой экономии и противником не только всяких займов, но и всякого увеличения налоговой тяжести. ... к 30-м годам репутация русских финансов под управлением Канкрин улучшилась настолько, что бумаги русские на зарубежных рынках котировались постоянно альпари, чего ранее никогда не было». (А. А. Корнилов. Курс истории России XIX века. М., 1993. С. 170 - 171).

Первые железнодорожные займы для строительства Петербургско – Московской (Николаевской) железной дороги. Временная стабилизация валюты в результате денежной реформы 1839 – 1843 гг. дала возможность царскому правительству обратиться на иностранный денежный рынок. Реализация внешних займов была поручена банкирскому дому придворного банкира Штиглица. В течение 1842 – 1847 гг. были размещены пять четырёхпроцентных русских государственных займов на Амстердамском, Лондонском и Берлинском денежных рынках на 42 млн. руб. В 1849 г. для окончания строительства Петербургско – Московской железной дороги был произведён через Лондонский банкирский дом «Беринг и Ко» новый (шестой) значительный заём на сумму в 5,5 млн. фунтов стерлингов, или 35,2 млн. руб. Таким образом, на финансирование железнодорожного строительства было реализовано на иностранных денежных рынках внешних займов на номинальную сумму 77,2 млн. руб., из которых при реализации было получено около 70,3 млн. руб. Одновременно царское правительство для изыскания средств на строительство железной дороги и обеспечения очередных платежей по внешнему долгу несколько раз проводило внутренние займы. Так, в 1846 г. и в 1849 г. из Государственного заёмного банка было позаимствовано в счёт «будущих доходов железной дороги» 10 млн. руб. серебром, а в 1847 г. было выпущено четыре серии билетов Государственного казначейства на 12 млн. руб. серебром. Всего в период с 1842 по 1852 гг. было реализовано на строительство Петербургско – Московской железной дороги около 92, 3 млн. руб. и было выплачено около 14 млн. руб. (Соловьёва А. М. Железнодорожный транспорт России во второй половине XIX в. М., 1975. С. 56, 54 – 55).

Таможенная политика и рост текстильной промышленности в 1840-х – 1850-х гг. Таможенная политика России, как и вообще любого государства, являлась

важнейшей частью внешнеэкономической политики. Она была направлена, с одной стороны, на удовлетворение потребления, будь то государственное или личное. С другой, на защиту внутреннего производителя от иностранной конкуренции. Поощрение отечественного производства достигалось ограждением его от ввоза однородных товаров из-за границы. В ряде случаев это вело к частичному или полному запрещению такого ввоза. Регулирование тарифов составляло постоянную заботу правительства. Промышленное развитие прямо отражалось на тарифном регулировании. Каждые 10 – 15 лет тарифы пересматривались в зависимости от промышленного роста и его успехов.

13 октября 1850 г. состоялось утверждение нового таможенного тарифа. Разрешив ввоз 64 из 89 товаров, запрещённых тарифом 1841 г., он пробил первую брешь в запретительной системе внешней торговли, которая господствовала с 1822 года и положил начало умеренно протекционистскому этапу таможенной политики, продолжавшемуся по 1877 г.

Во 1850-х гг. «как и во второй половине 40-х гг. обсуждение вопросов тарифной политики протекало в острой полемике между сторонниками свободной торговли и приверженцами протекционистских воззрений». Находя проект Департамента экономии Государственного Совета излишне фритредерским, «протекционисты обвиняли своих оппонентов в пренебрежительном отношении к вопросам ценообразования на российском рынке и добивались отсрочки вводимых тарифом таможенных пошлин на 3 года». Как и прежде, промышленную **политику** в области тарифного регулирования **определяли дворянские чиновники**, делая свои выводы более умозрительно и в предположении «надежды», что изменения будут скорыми в условиях свободной конкуренции российских производителей и зарубежных. Однако, сами «практики», то есть заводчики несколько не разделяли таких вполне теоретических убеждений. Примечательно, что на этот раз [1856 год] протекционистов «поддерживали уполномоченные фабрикантов, участие которых в формировании таможенной политики становилось всё более заметным. Нельзя не отметить, что в подготовительных материалах по этому тарифу [принятому в 1857 г.] отразилось гораздо больше заявлений и прошений промышленников, чем в прежние годы. Они отличались и большей настойчивостью. При этом металлопромышленники добивались снижения пошлин на чугун, медь и сортовые металлы, красильные фабриканты – на лакокрасочные и химические вещества, бумаготкацкие фабриканты – на пряжу. Ходатаи же от сырьевых отраслей просили в основном о том, чтобы установленные ранее пошлины на металлы, бумажную и шерстяную пряжу и т. п. были оставлены без изменений. Московские предприниматели добивались правительственного обещания не допускать в течение 6 лет изменения пошлин в сторону их понижения. Именно они громче других говорили о необходимости высокой таможенной защиты отечественной промышленности, традиционно указывая на неразвитость рынка рабочей силы,

отсутствие необходимых кредитных средств, недостаточность транспорта и транспортной инфраструктуры, засилье бюрократии в администрации и суде и т. п. таким образом, ходатайства промышленников не сводились лишь к констатации степени пошлинного обложения или к указанию на общие принципы». (История России в лицах и датах. Словарь-справочник. СПб.: Издание СПб. Филиала Российской таможенной академии, С. 1995. 199 – 201). К этому важно только добавить, что активность именно московского купечества, не была чем-то особенным. Московские текстильные мануфактуры неуклонно теснили с внутреннего рынка империи английские ткани и сукно. Эта конкуренция была чрезвычайно доходной для москвичей, так как рынок сбыта текстильных изделий обслуживал самого массового потребителя Империи, самих же крестьян. Крестьянское потребление росло. Купцы являлись теми же крестьянами и отлично ориентировались не только в потребностях, но и особенностях их обслуживания. Вот что говорится в официальном издании об успехах текстильной промышленности Империи: «Отрасль в России стала сильно развиваться с 1842 г. после отмены запрещения вывоза прядильных машин [видимо, имеется в виду прядильных машин из Англии, – О. А.]. Выделка простых хлопчатобумажных тканей, не исключая ситцев и пунцового товара из выписной английской пряжи была достаточно распространена в Московской и Владимирской губернии ещё в половине XVIII в.» (Производительные силы России. Министерство Финансов. Составлено под общему редакцией Департамента торговли и мануфактур. В. И. Ковалевского. СПб., 1896. Отдел VIII. С. 1 – 21).

Образ жизни: Лев Толстой как зеркало русского дворянства. Не редким примером того как «экономически» жило дореформенное дворянство могут быть дневниковые записи молодого тогда Льва Толстого. «1851. 17 января. Денег у меня вовсе нет: за многие же векселя срок уже пришёл платить... Чтобы поправить свои дела, из трёх представившихся мне средств я почти упустил, именно: 1) попасть в круг игроков и, при деньгах играть; 2) попасть в высокий свет и, при известных условиях, жениться; 3) найти место, выгодное для службы. 3 июля. Вот что писал я 13 июня, и всё это время потерял оттого, что в тот же день завлёкся и проиграл своих 200, Николенькиных [т. е. брата Николая] 150 и в долг 500, итого 850. Теперь удерживаюсь и живу сознательно». Карточная игра не оставила Толстого и в дальнейшем: «1855. 28 января. Два дня и две ночи играл в штос. Результат понятный – проигрыш всего – яснополянского дома. Кажется, нечего писать – я себе до того гадок, что желал бы забыть про своё существование». Расстаться с верой в успех, как и с азартом, писатель не смог ещё долго. «В июле 1857 г. – пишет автор публикации – Толстой в Баден-Бадене за пять дней проиграл в рулетку все свои деньги – 3000 франков, телеграфировал Некрасову и написал письмо Тургеневу с просьбой одолжить денег. Получив от Тургенева деньги, он немедленно оставил их на рулетке и записал в дневнике: «Давно так ничто не грызло меня». В 1862 году, 7 февраля,

Толстой проиграл в карты 1000 рублей серебром в долг, после чего обратился к издателю Каткову с просьбой о деньгах, обещая за это сочинить роман из горской жизни. Так появились «Казачьи рассказы». Позже Толстой писал Боткину: «... подумавши здраво, очень рад, ибо иначе роман бы этот, написанный гораздо более половины, пролежал бы вечно и употребился бы на оклейку окон». (С. Репин. Светский лев Толстой. //На Невском. - 2007.- № 2, февраль С. 52.).

Итак, дворяне играли и проигрывали. Большая часть дворянства жила этой надеждой на скорое и такое естественное обогащение, но заработать на государственной службе оно, конечно, не могло. Поправить своё положение, как в пьесах А. Н. Островского, дворяне стремились главным образом за счёт удачной женитьбы с хорошим приданым или карточной игрой. Гораздо чаще слова «платить по векселям» были наряду с «карточным долгом».

3.6. Правление Александра II. 1856 – 1881 гг. Индустриальное развитие и проблемы темпов. Община и город.

Начиная разговор о времени А. II, можно отметить такие моменты:

- 1). Отмена крепостного права 19 февраля 1861 г. не решила крестьянской проблемы экономически. Положение крестьян стало более запутанным, а недовольство в их среде сохранилось, хотя и не грозило правительству широким выступлением. Крестьянство всё более расслаивалось: отход из деревни на заработки и поиск иной жизни сильно способствовал этому.
- 2). В течение 1860-х – 1870-х гг. происходит настоящая индустриализация страны, первая после отмены крепостного права. Город занимает революционное положение по отношению к деревне: в поисках заработка и профессии крестьяне устремляются на фабрики и заводы, в строительство и мастерские. Появляется новый тип рабочего, массовый наём приводит к тому, что постепенно часть крестьян порывает с деревней и окончательно перебирается на жительство в город.
- 3). Серьёзно падает былое значение дворянства как экономически властного сословия в стране. Дворянство по существу теперь глубоко зависит от правительственной политики, т. е. от государства, от его поддержки. Эта перемена окончательна и, может, самая разительная.
- 4). Соотношение торговли и промышленности, как и состояние самой промышленности, также сильно меняются. Промышленность укрупняется быстрыми темпами и неуклонно расширяет свой диапазон действий. Торговля растёт, внешне не уступая промышленному росту, однако, промышленность получает большую перспективу и внимание к себе, чем прежде, до отмены крепостного права.

5). В промышленность и торговлю в невиданных прежде размерах устремляется иностранный капитал. Его значение для страны растёт и приобретает важнейший характер. Все министры финансов России выдвигают в своей политике цель привлечь новые капиталы в промышленность и транспорт Империи. Проблема недостатка капиталов становится всё более настойчиво.

6). Предпринимательский мир России испытывает большие перемены. С одной стороны, он становится гораздо богаче и разнообразнее. С другой – многочисленнее и значительней по масштабам деятельности и последствиям крахов. Появляются промышленники-изобретатели, биржевые спекулянты и игроки, расширяется круг банковских деятелей и самих банков, набирает обороты страховое дело, железнодорожный транспорт вызывает концентрацию огромных финансовых средств и становится орудием транснациональной политики. Рядом с купцом-единоличником появляются акционерные компании, предприниматели-инженеры, военные и состоятельные дворяне, решившие открыть собственное дело, вкладывая состояние в торговлю или фабрику.

Отмена крепостного права имела для последующего развития России двойственное значение. С одной стороны, отмена была необходимостью для экономического роста и социально-политического развития Империи. С другой, то, как произведена отмена, породило новые проблемы, которые правительство не было готово решать в ближайшей перспективе. Да и само правительство состояло из дворян, в чьих интересах отмена совершалась. Это обстоятельство надо обязательно иметь в виду для объяснения сложности самого ответа.

Отмена крепостного права дала свободу выбора для крестьян и отмечена была ростом наёмного труда взамен прежнего принудительного и сверхдешёвого. Крестьяне стали пополнять класс рабочих теперь материально заинтересованных в своём труде и выборе профессии.

После реформы 19 февраля 1861 г. дворянство оказалось в сложном положении. Несмотря на прирезку земли к помещичьим землям за счёт крестьян и выкупные платежи, дворяне не умели приспособиться к новому положению и проживали своё состояние, расплачиваясь по прежним своим долгам. Долговые обязательства дворян вели к закладу их имений и фактически не давали им возможности быть независимыми собственниками своего имущества. Спасало только то, что эти заклады производились через Дворянский банк, который являлся фактически государственным учреждением.

Частная инициатива в России требовала не только определённых свобод для своей деятельности, которые она получила в это время. Требовалась и значительная государственная поддержка, в том числе и финансовая, требовалось и продолжительное время, что создавало, например, Министерство Финансов.

Общие показатели роста. С 1856 по 1875 гг. вывоз России возрос с 212 млн. до 382 млн. руб. До 56% экспорта составлял хлеб. Сельское хозяйство дало увеличение

экспорта хлеба с 69 до 257 млн. пудов, т. е. в 3,5 раза. Но еще более возрос импорт промышленных изделий: со 192 до 531 млн. руб.

Начиная с 1863 г. (особенно в начале 1870-х гг.) по 1881 г. в стране возникло более 50 акционерных коммерческих банков с многочисленными отделениями.

В 1870 – 1873 гг. возникло 185 акционерных торгово-промышленных компаний с капиталом 195 млн. руб., за эти 4 года больше, чем за предыдущие 9 лет.

Первая волна учредительства началась ещё в конце 1850-х – начале 1860-х гг. Ей предшествовал необычайный подъём во время Крымской войны. «Апогей этого движения внутри России, – писал известный в то время экономист В. П. Безобразов, – был в 1855 и 1856 годах, о которых решительно все участники нашей промышленной и коммерческой деятельности говорят как о золотом времени ... Строились новые фабрики и расширялись старые: удваивалось число рабочих часов, работали ночью: цены и заработки росли непомерно». (Цит. по: Шепелёв Л. Е. Царизм и буржуазия во второй половине XIX века. Проблемы торгово-промышленной политики. Л., 1981. С.33). За пятилетие 1856 – 1860 гг., отмечает Шепелёв, возникло больше торгово-промышленных акционерных компаний, чем за предшествующие 20 лет. Отмена крепостного права упрочило тенденцию роста. В 1862 – 1863 гг. Министерство финансов даже предприняло попытку восстановить курс рубля и его размен на золото. «Но она, как это окончательно обнаружилось к ноябрю 1863 г., потерпела полную неудачу, убедила в том, что денежное обращение зависит от состояния экономики страны в целом, и, таким образом, ещё более привлекла внимание к проблемам торгово-промышленного развития» (Шепелёв Л. Е. Указ. соч. С. 73, 72) Насколько изменилось время, можно судить и по замечанию министра финансов Н. Х. Бунге о его предшественнике М. Х. Рейтерне (1862 – 1878 гг.). Рейтерн был «деятелем новой внутренней политики в царствование императора Александра II, которая ожидала всего от частной инициативы».

Можно без преувеличения говорить, что с отменой крепостного права Российскую империю охватил бурный экономический подъём, началась **всесторонняя модернизация** хозяйственной жизни её населения. Начался и подрыв прежних «устоев»: деревня, не испытывая внешних изменений, а тем более внутренних, теряла прежнее значение главного места крестьянской жизни, его судьбы. Крестьянин, ещё не порывая с деревней окончательно, покидал её всё чаще и чаще. Жизнь теперь протекала в постоянных сравнениях и переменах. Городская промышленность и крупные мануфактуры поглощали земледельцев, предлагая им альтернативу привычному труду.

Реформы 1860 – 1870-х гг. затронули все области светской жизни и политических отношений: сословные права, суд, избирательное право, местное самоуправление, администрацию, начальное образование. Однако крестьянство не сумело оценить этих реформ и даже оставалось в массе своей безразлично к ним. Политические

права его интересовали куда менее, чем вопрос о земельном наделе. Земля для крестьян оставалась главным источником труда и прокормления. Индустриализация первой волны закончилась и многими банкротствами, крестьяне убеждались в непостоянстве заводских заработков. Их отталкивала и городская неустроенность, нищета и потерянности в чужих для них городах. Пролетариатство имело много отталкивающих сторон. Крестьянин в городе переставал быть собственником.

Политическая нестабильность, террор студенчества «Народной воли», идейный либерализм и крайняя непопулярность действий правящей бюрократии – всё это нарушало последовательность политики реформ, готовило реакцию, усиливало консерватизм при дворе и в кругах близких к династии. В связи с реформами в стране распространялись западные идеи о социальной революции, справедливом обществе, свободе труда и развитии истории к прогрессу общественных отношений. На правящий режим в Империи всё больше смотрели как на обречённый исторически и политически.

В такой обстановке делом времени стала политическая реакция, которой достаточно было лишь повода, чтобы проявить себя как силу во имя стабильности. Убийство Александра II 1 марта 1881 г. и стало таким поводом. Удар самодержавия обрушился на всё ранее свободное для критики режима. Под угрозой пересмотра оказались и сами реформы, хотя крепостное право никто возродить не собирался. Удар обрушился на евреев и в первую очередь на студенчество.

Вопрос, как отразилось наступление реакции на экономическом развитии страны, возникает сам собой. Казалось, что непосредственной связи политики и экономики здесь не заметно. На самом деле эта связь проявилась в следующих моментах:

- в отказе правительства реформировать акционерное законодательство и отменить разрешительную систему (явочную) в деле учреждения новых акционерных обществ;
- гонении на евреев и сохранении для них черты оседлости;
- усилении великорусского национализма и политики русификации так называемых национальных «окраин» Империи;
- подозрительности к крупному капиталу, связанному с заграничными банками, международным еврейским капиталом, и вообще к иностранцам.

В 1893 – 1894 гг. в России, в связи с пересмотром русско-германского таможенного тарифа, резко поднимается антинемецкая волна общественных настроений. Германия в это время уже стала прочно первым по значению внешнеторговым партнёром России, заметно опережая Великобританию.

Мнение современника. М. Х. Рейтерн. Положение министра финансов в России. Из записки, представленной Великому Князю Константину Николаевичу Действительным Статским Советником Рейтерном в 1857 году: «Положение Министра Финансов у нас совершенно особенное. Все другие Ведомства имеют

общий интерес в увеличении расходов. Не говоря уже о случаях, когда делается расход сомнительной надобности, существует столько предметов, действительно и настоятельно требующих новые, положительно полезные расходы. За полезное увеличение расходов все другие Ведомства награждаются успехом дела и общей благодарностью. В других Государствах Министра Финансов поддерживают Палаты, или, где их нет, общее мнение, очевидность, ибо всякий понимает, что нельзя расходовать 300 милл., имея 200 милл. доходу. У нас финансы секрет: многие чувствуют неудобство от сокращения расходов, никто не страдает от увеличения, пока не требуют новых податей. Неестественное дело, чтобы один Министр при всех возможных достоинствах мог вместе управлять огромнейшим Ведомством и беспрестанно сражаться со всеми другими, да ещё с условием, что они вправе публиковать везде ожидаемую пользу от требуемого ими увеличения расходов, а он должен держать в строгом секрете те факты, которые, если бы сделались известными, доказали бы, что нельзя увеличивать расходов. Не естественно ли, что он уступает и покупает покой ценой мер, помогающих в минуту, но усугубляющих опасное положение? От Министра Финансов вправе требовать прежде всего ясное и откровенное изложение положения». (Реки времени. Книга пятая. Государь. Государство. Государственная служба. М., 1996. С. 185).

Трибун индустриальной эмансипации. Н. И. Путилов: вынужденный оптимизм. Из речи основателя Путиловского завода в январе 1871 г.: «Если в России мало заводов, если русские капиталы лениво идут на заводы, то, тем не менее, сила обстоятельств заставит Россию строить заводы, потому что ...не достанет в государстве денег на покупку за границей всего необходимого для России». (Биржевые ведомости. 1871. 12 января. № 9. С. 3.).

Полетика В. А. о Н. И. Путилове. Учредитель Невского судостроительного завода В. А. Полетика, так характеризовал личность и положение Путилова в обращении к нему: «Во всей Европе подобные обширные предприятия [имелся в виду Путиловский завод, тогда бывший рельсопрокатным] не ведутся единолично, а целыми компаниями, а вы ведёте дело один. Вот Николай Иванович, какое исключение вы составляете... Собрать в круг своей деятельности полторы или две тысячи людей, оплачивать их труд в течение 15 лет, держать их ... не зная чем завтрашний день оплатить, и всё это вы вынесли. Это милостивый государь подвиг гражданский! Я не вынес этого подвига – я отдал это дело в более сильные руки русского общества [Полетика говорил здесь об акционерном обществе, которое стало владельцем Невского завода]». (Голос. 1870. 17 июня. № 165. С. 2.). Грустной иронией звучали эти слова, если вспомнить, что Н. И. Путилов через несколько лет останется полным банкротом в своём знаменитом начинании. Завод перейдёт в руки новых владельцев, но процветание его будет очень не скорым.

Дворянин - инженер, военный и предприниматель. Распространено мнение, что русское дворянство было никудышно как предприимчивый класс. Винокурение,

сахарное производство было для него теми отраслями, которые можно было эксплуатировать в рамках натурального хозяйства, не выходя за пределы своего имени. Дворяне жили рентой или крепостным трудом, но сами и не обязаны были предпринимательствовать. У дворян, к тому же не было свободных денежных средств, для сколько-нибудь крупных капиталовложений в промышленность. Промышленность всё-таки оставалась привилегией «капиталистских мужиков», то есть купцов. В пореформенное время положение стало постепенно меняться. Дворяне втягиваются в несвойственные им прежде занятия. Появление крупных предприятий, работающих на казённые заказы в тяжёлой промышленности дало возможность для некоторых дворян и здесь «послужить отечеству». Появляется тип, хотя и весьма немногочисленный, но очень инициативный и энергичный, тип военного инженера-дворянина, вышедшего в отставку и перешедшего на частную службу. Эту служба заключается теперь в каком-нибудь промышленном предприятии, в интересах всё тех же Военного или Морского министерств. Многие же дворяне подготавливаются на службе в казённых военных заводах и арсеналах. Последние, хотя и не являются предпринимателями, а всего лишь государственными служащими, тем не менее всё больше требуются для работы в производственной сфере. По выходе же в отставку вчерашние казённые начальники мастерских не редко ищут более высокой оплаты на частных предприятиях, где их знания и опыт могут быть востребованы. Такая эволюция дворянства в индустрию перестаёт быть случаем. П. М. Обухов и Н. И. Путилов основатели Обуховского и Путиловского заводов в Петербурге прославили себя в названиях заводов, которые стали символом военной индустрии России, пережив и Империю. Подполковник В. А. Полетика основал Невский судостроительный завод, одно из старейших военно-судостроительных частных предприятий России. Н. Е. Понафидин, многие годы служивший на Императорском Тульском оружейном заводе, выйдя в отставку, занял должность одного из директоров частного Общества Тульских меднопрокатных и патронных заводов. Морское министерство в особенности было заинтересованно в росте частной промышленности и не стеснялось делиться кадрами своих инженеров с частными предприятиями, когда по форме это было возможно. Иметь своих, «проверенных» людей, чья служба была на виду, было выгодно и Военному и Морскому министерствам. Однако, надо иметь в виду, что дворяне на частной службе не были строго говоря «капиталистами». Участвуя в получении прибыли, сами они обычно занимали технические должности, а как учредители новых предприятий становились во главе технического руководства ими.

Продажа Русской Америки. Суждения, оценки, мнения.

Канцлер А. М. Горчаков, декабрь 1866 г.: «В случае войны наши колонии будут зависеть от милости любой враждебной державы. Если во время Крымской войны Англия согласилась объявить о нейтрализации нашей территории [т. е. Русской

Америки], то это было потому, что она опасалась, что мы продадим её американцам, что дало бы англичанам на севере, как это существует к югу от их владений, неудобных и опасных соседей [т. е. США, граничащими с английской Канадой]. Это соображение является, быть может, для нас мотивом продать наши колонии соединённым Штатам. Оно, конечно же, служит основанием для американцев, чтобы их приобрести».

Министр финансов М. Х. Рейтерн о продаже Аляски, декабрь 1866 г.: «1. После семидесятилетнего существования компании [имеется в виду Русско-Американская компания] она нисколько не достигла ни обрусения мужского населения, ни прочного водворения русского элемента и нимало не способствовала развитию нашего торгового мореплавания. Компания даже не приносит существенной пользы акционерам... и может быть только поддерживаема значительными со стороны правительства пожертвованиями ... [значение колоний в Америке ещё более уменьшилось, так как] ныне мы уже прочно водворились в Амурском крае, находящемся в несравненно более выгодных климатических условиях. 2. Передача колоний ... избавит нас от владения, которое в случае войны с одной из морских держав мы не имеем возможности защитить». [В заключение Рейтерн упоминал о возможностях столкновения компании с предприимчивыми американскими торговцами и мореплавателями]. «Такие столкновения, сами по себе неприятные, легко могли бы поставить нас в необходимость содержать с большими на это расходами военные и морские силы в северных водах Тихого океана для поддержания привилегий компании, не приносящей существенной выгоды ни России, ни даже акционерам, и во вред дружественным нашим отношениям к Соединённым Штатам».

Цена дружбы – 7 миллионов долларов.

«Биржевые ведомости». 1867 г. 23 марта: «Правда, Россия не много имеет пользы от своих американских владений, да и по политическим соображениям ей нет большой надобности сохранять за собой эти владения, но во всяком случае, вряд ли кто решился бы предложить нашему правительству за русскую Америку такую ничтожную цену, как 7 000 000 долларов». (Болховитинов Н. Н. Русско-американские отношения и продажа Аляски 1834 – 1867. М., 1990. С. 184 – 185, 193 – 194, 248). Продажа Аляски, однако, была продиктована ещё и стремлением России получить в лице США дружественную ей державу, в особенности ввиду напряжённых англо-русских отношений.

Газета «Голос». 1867 г. 25 марта: «...И неужели чувство народного самолюбия так мало заслуживает внимания, что им можно жертвовать за какие-нибудь 5 – 6 миллионов долларов? Неужели трудами Шелихова, Баранова, Хлебникова и других самоотверженных для России людей должны воспользоваться иностранцы и собрать в свою пользу плоды их? Нет, решительно отказываемся верить этим нелепым слухам, несмотря на

то, что все европейские органы печати трубят о них. . .» (Болховитинов Н. Н. Указ. соч. С. 249)

3.7. Развитие при Александре III. Наступление финансовой эры. 1881 – 1894 гг.

Правление Александра III, несмотря на кратковременность его, стало ещё одним поворотным для российской истории временем. Считается, что в политическом отношении это время явилось «периодом реакции и гонений» на всё демократическое и либеральное, что имелось в России в эпоху реформ 1860 – 1870 гг. В экономическом плане позитивные сдвиги были, однако, велики и последовательно развивались. Финансовое положение страны укреплялось ростом бюджетного накопления и стабилизацией рубля. Железнодорожное строительство делало огромные успехи и начато сооружение Великой Сибирской магистрали. Промышленность, особенно металлургическая и паровозо-вагоностроительная показывала большой рост в связи со стремлением правительства всячески поощрять развитие отечественного ж/д транспорта. Рост деловой активности выражался и в резком увеличении числа крупных акционерных компаний в промышленности, в появлении новых отраслей индустрии, развитии техники и новых технологических процессов. 1890-е годы меняли представления людей о прогрессе и роли науки в жизни человечества, возникали самые фантастические представления о недалёком будущем людей, в котором машина и труд смогут изменить общество и самого человека. Автомобиль и самолёт завоёвывали пространство и время, меняя образ жизни и быт. И, хотя век этот только открывался, не было сомнений, что совершенству не будет предела. Впрочем, были и прямо противоположные мнения.

Другой тенденцией становилось всё более очевидное несоответствие между темпами русского развития и ещё большими потребностями в переменах. Особенно это касалось деревни и малоземелья. Несмотря на растущую эмиграцию крестьянства в Америку и другие страны, несмотря на внутреннюю миграцию из Центрального чернозёмного района на окраины Империи и в Среднюю Азию.

Проблема общины в политике правительства и отражение её в общественной полемике. Разговор по этому вопросу особенно важен, если иметь в виду огромное значение аграрно-крестьянского вопроса в социальной и политической истории Империи, в революции октября 1917 г., да и в последующее время российской истории. Ни один вопрос в истории России, пожалуй, не вызывал таких споров, идейных обоснований, эмоционального накала, борьбы в среде правительства и в печати, как вопрос о самобытности России, невозможности и ошибочности для неё «капитализма». Именно на идее незыблемости общины стояли все славянофильские утверждения, именно эта «идея» вызывала особые симпатии российских императоров Александра II, Александра III и, в особенности, Николая II. На общину смотрели как на некий нравственный институт великорусского крестьянства, источник его морального и религиозного состояния. Парадоксальным

может показаться тот факт, что программа П. А. Столыпина и была направлена на разрушение общины.

Два почти противоположных взгляда на общину выражались и представителями правящей верхушки: одни были за её поддержание, другие за возможность её изживания, т. е. постепенного распада, если эта тенденция становилась естественной эволюцией общины.

Чему же препятствовала община, если имела давнюю историю, была проверена на прочность веками и являлась, несомненно, самой распространённой формой крестьянского землепользования и самоорганизации. Ответ был очевиден для современников:

1 – община препятствует крестьянской инициативе для выдела личной собственности;

2 – община имеет вредную сторону в смысле неуважения крестьян к частной собственности им чуждой, то есть помещичьей, в первую очередь, и вообще к частной собственности в разных формах её проявления. Иначе говоря, правовое сознание общинных крестьян самое неразвитое и наиболее опасное;

3 – как форма крестьянского самоуправления община далеко небезупречна для крестьянских переделов (межевания) и не развивает в них личной материальной заинтересованности в улучшении условий и культуры труда;

4 – община, не будучи способной к значительному земельному росту, усугубляет крестьянское малоземелье, точнее консервирует поземельные отношения, не только ограничивая индивидуальное землевладение крестьян, но и продолжает дробление самого этого землевладения, путём переделов и мельчания крестьянских наделов. Последнее же происходило за счёт роста семейных переделов крестьян, то есть как процесс естественного прироста населения, как необходимость выделения новых семей.

Отношение к евреям. Евреям приписывали участие в агитации против Романовых в студенчестве. Правительству тем легче было ограничивать евреев, что недовольство против них было широко распространено и в деревенской среде, и в обществе. Хотя меры против евреев не имели последовательного и целенаправленного характера, власти на местах использовали не раз антисемитизм в политических сиюминутных целях. Антисемитизм был свойственен и Александру III, и Николаю II. Вопрос о положении евреев, допуске их за черту оседлости и праве поступления в высшие учебные заведения не раз обсуждался в правительстве. От политики в отношении евреев зависели настроения европейских банкирских домов и, в частности Ротшильдов, предоставлявших крупные международные займы России. Сильная еврейская община в США вела успешную агитацию против самодержавия и влияла на политику деловых кругов Америки в отношениях с Россией. В преддверии русско-японской войны эта агитация дорого обошлась России, так как симпатии американского общественного мнения и прессы были на

стороне Японии. Япония получала от США крупную экономическую и финансовую помощь, которую она с успехом использовала на подготовку войны с Россией. «Евреи, – пишет А. А. Корнилов, – в особенности подвергались разного рода ограничениям. Так временными правилами 3 мая 1882 г. у евреев отнято было право селиться *в пределах даже самой черты оседлости* вне городов и местечек; им запрещено было приобретать недвижимое имущество в сельских местностях. В 1887 г. Ростов-на-Дону и Таганрог с уездом были изъяты из черты оседлости; таким образом, и та черта оседлости, в которой евреи издавна обладали право жить, была сокращена. В 1891 г. было запрещено селиться в Москве евреям-ремесленникам, которые имели это право по закону 1865 г., позволявшему селиться вне черты оседлости евреям, получившим высшее образование и ремесленникам. И вот вследствие воспрещения ремесленникам селиться в Москве и в Московской губернии в 1891 г. был произведён ряд выселений, причём эти выселения нередко производились в самых возмутительных формах: всего было выселено 17 тыс. евреев, и выселялись они куда попало, с полным разорением, так как это были наименее обеспеченные слои еврейского населения. В 1887 г. была введена для еврейских детей процентная норма в учебных заведениях, последствия которой всем хорошо известны. В 1889 г. фактически был приостановлен приём евреев в присяжные поверенные, и без всякого законного основания они стали оставляться помощниками присяжных поверенных до конца жизни». (Корнилов А. А. Курс истории России XIX века. М., 1993. С. 410.) Выселение из Москвы происходило по инициативе московского генерал-губернатора великого князя Сергея Александровича, который после своего назначения в этом же году заявил, что его главная цель «оградить Москву от евреев». За 1891 и 1892 гг. из Москвы было выселено более 20 тыс. евреев из 35 тыс. еврейского населения города. Многие из них были высланы по этапу зимой вместе с уголовными преступниками, что привело к многочисленным смертям. (Прайсман Л. Г. Террористы и революционеры, охранники и провокаторы. М., 2001. С. 69.).

В 1890-х гг. крестьянство начало более активно мигрировать в Сибирь и на Дальний Восток вслед за строительством Транссибирской железной дороги. «Однако, – пишет П. Г. Дейниченко, – правительство всячески ограждало крестьян от «безнравственной» частной собственности на землю, считая наиболее подходящей для них собственность общинную» (Россия. Первый энциклопедический иллюстрированный справочник. М. 2003. С. 259)

Это замечание очень характерно для объяснения не только политики, но и психологии самодержавного государства. Такие взгляды на частную крестьянскую собственность выражали стремление к опеке крестьян, надзору за ними, и поддержанию их, по словам С. Ю. Витте, «на положении взрослых детей».

Особо следует выделить вопрос **о правительственной политике в отношении дворянства**. При Александре III направление приобрело характер неотложной и

государственной важности. «Оскудение» дворянства вело, по мнению его же представителей и высшей бюрократии, к подрыву одного из устоев самодержавия. Министр внутренних дел Д. А. Толстой заявил в 1882 г. новому императору: «Ваши предки создали Россию; но они нашими руками её создали». В этом была доля справедливости, так как именно поколениями военно-служилых дворян на протяжении веков, во многих войнах, Империя укреплялась и расширялась, защищалась и «обустривалась». Знаменитый публицист и рупор самодержавия М. Н. Катков настаивал, что «сила, представляемая дворянством, осталась, способная и при новых условиях исполнять своё органическое назначение, состоящее в службе государственному делу». В этих словах ясно выражалась та же мысль: что самодержавное государство может опираться на дворянство и, в силу его особого положения, только это сословие будет поддержкой трону. Дворянство ожидало по отношению к себе очередного государственного попечения в виде льготного субсидирования. Экономический упадок дворянства выражался в его огромной задолженности, заложенных и перезаложенных имениях, трудностях или неумении сделать свои хозяйства доходными, в отсутствии достаточного сельскохозяйственного кредита. В 1885 г. был учреждён, наконец, специальный, Дворянский банк. Но банк не мог решить главной проблемы: поддерживая дворянство как сословие, помочь ему стабилизировать, оздоровить помещичьи хозяйства, прекратить их хроническую же убыточность.

Таможенный тариф 1891 г. и таможенная война с Германией. «Протекционистская политика нашла своё полное выражение, – писал П. И. Лященко, экономист дореволюционной России, – в тарифе 1891 г., представляющем образец чисто протекционистского, отчасти почти запретительного тарифа. Обложение главных ввозимых товаров по тарифу 1891 г. сравнительно с тарифом 1868 г. видно из следующей таблицы (золотом в коп. за пуд):

	1868 год	1891 год
Каменный уголь	беспошлинно	2 – 3
Руда железная	беспошлинно	10,5
Чугун не в деле	5	45 – 52,5
Чугунные изделия	50 – 250	112,5 – 255
Железо		90 – 150
Кузнечные и котельные изделия	100	255
Рельсы	20	90
Машины фабрично-заводские, кроме медных	30	250
Паровозы	75	300
Локомобили	30	170
Машины сельскохозяйственные	беспошлинно	70 – 140

Хлопок-сырьё	беспошлинно	120 – 135
Хлопчатобумажные изделия	28 – 110	35 – 135

Отсюда видно, что тариф 1891 г. сравнительно с 1868 г. повысил обложение некоторых товаров в 3 – 4 раза, получив характер почти запретительного. Таможенное обложение по тарифу 1891 г. составляло за период 1891 – 1900 гг. для всех ввозных товаров 33% их стоимости, а для некоторых – 100% и более. Тем не менее тариф 1891 г. не мог совершенно оградить русскую промышленность от ввоза иностранных товаров, так как большей частью, благодаря высокому обложению сырых продуктов и относительно меньшему (по ценности) – изделий, из-за границы стали ввозиться именно эти последние». (Лященко П. И. История народного хозяйства СССР. Том II. Капитализм. М., 1952. С. 192 – 193). Тариф 1891 г. стал своеобразным образцом протекционизма в политике России вплоть до 1914 г. Он имел, несомненно, выдающееся значение для национальной индустриализации Империи. Хотя, в сущности, эта индустриализация затронула в большой степени не одни только русские губернии, но и Юг России, то есть Украину, металлообрабатывающие заводы Прибалтийского края, Царства Польского и Великого Княжества Финляндского. Прямым следствием ограничения ввоза металлоизделий стал рост цен на них со стороны отечественных производителей. Но в этом важно видеть и другое. Замечательный промышленный рост и рост иностранных инвестиций в учреждение гигантских металлургических предприятий, оборудованных по последнему слову техники, не в последнюю очередь были связаны с поощрением такого развития в Империи. Эта политика, весьма последовательно проводимая в жизнь С. Ю. Витте, и получила название **«насаждение промышленности»**, причём министра финансов упрекали в том, что он это делал «искусственно». «Конечно, – пишет Лященко, – расплачиваться за это приходилось потребителю, так как благодаря таможенной защите русский потребитель принуждён был платить за плохие изделия отечественной индустрии в 2 – 3 раза дороже, чем эти продукты высокого качества стоили в Западной Европе». Применение такого тарифа на практике не смогло быть вполне последовательным, «так как запретительные пошлины русского тарифа на ввозимые иностранные изделия вызвали в качестве противодействия повышение иностранными государствами обложения русских вывозимых товаров, почему приходилось в порядке конвенционных тарифов понижать ставки». Именно на этой почве разгорелась таможенная война России и Германии в 1892 – 1894 гг. Россия добивалась от Германии понижения её высоких ставок общего таможенного тарифа на сельскохозяйственные продукты. Немецкие ставки сильно понижали доходы помещиков и экспортёров зерна в России. «Положение России в сбыте

сельскохозяйственных продуктов в Германию стало особенно неблагоприятным после того, как Германия заключила с рядом стран (США, Румынией и др.) торговые договоры, на основе которых продукты этих стран стали облагаться не высокими ставками германского автономного тарифа, а пониженными конвенционными (например, рожь 3,5 марки вместо 5 марок, которые уплачивались за русскую рожь). В результате такого положения доля участия России во ввозе в Германию сократилась за 1891 – 1893 гг. с 54,5% до 13,9%. Не добившись от Германии соглашения о конвенционном понижении пошлин, Россия в июне 1893 г. ввела по отношению к Германии повышенные ставки своего автономного тарифа на многие промышленные изделия, ввозившиеся из Германии. Германия в ответ на это повысила по отношению России на 50% ставки своего автономного тарифа, после чего Россия в свою очередь произвела такую же надбавку своего тарифа на ввозимые из Германии промышленные изделия. Возникла таможенная война, продолжавшаяся целый год и наносившая большой вред обеим странам. В 1894 г. был выработан договор о конвенционном понижении пошлин с уступками с обеих сторон, положивший конец таможенной войне». (Лященко П. И. Указ. соч. С. 193 – 194).

3.8. Экономика в период царствования Николая II. 1894 – 1917 гг. Развитие, революция, политика и община.

По переписи 1897 года всё население Российской Империи составляло 125 миллионов жителей. По сословиям оно распределялось: крестьяне – 77,1%, мещане – 10,6%, инородцы – 6,6% (Средняя Азия, Восточная Сибирь, Астраханская и Архангельская губернии, Закавказье, Северный Кавказ), войсковые казаки – 2,3%, дворяне (потомственные и личные, из которых дворяне по происхождению 1/3, сюда же включены немецкие бароны, польские паны, украинская шляхта, выборные чины казачьих войск, татарские мурзы, грузинские князья, молдавские бояре) + чиновники-недворяне – 1,5%, христианское духовенство – 0,5%, иностранцы – 0,5%, почётные граждане (потомственные и личные) – 0,3%, другие сословия – 0,3%, купцы – 0,2%, не указавшие сословия – 0,1%. (Жарова Л., Мишина И. История Отечества. 10-й класс. М., 2003. С. 16).

Прежде всего стоит отметить, что с правлением Николая II Россия вступает в самый сложный период своей истории. Новый царь начал правление очень неудачно и непродуманно вообще. При нём как никогда, может быть, политические ошибки стоили монархии и будущему страны так дорого и тяжело. Экономическая жизнь Империи была потрясена до основания в 1917 году. Но причины этих потрясений крылись гораздо больше в политике, чем в экономических мотивах. Крах экономики

не был таким фатальным, как политический крах. До 1905 г. развитие страны ещё было управляемо, хотя признаки болезни и гражданской войны стали заметны примерно с 1903 г. Кризис самодержавия только усугублялся стремлением правительства выжидать, а не решаться на перемены. Но с большей лёгкостью об этом можно судить теперь, когда мы знаем, чем закончилась вся политика последнего Романова.

Можно выделить следующие экономические и политические проблемы этого периода:

1). Финансовая политика С. Ю. Витте. Рост бюджетного накопления и введение золотого рубля.

2). Индустриальный бум 1890-х гг. в связи с казёнными заказами и строительством Великой Сибирской ж/д магистрали.

3). Таможенный тариф 1891 г.

4). Экономический кризис 1900 – 1903 гг. и его особенности в России.

5). Обострение рабочего вопроса и революция 1905 – 1907 гг.

6). Акционерное законодательство в России. Ограничения этого законодательства в России.

Начать разговор лучше с политики министра финансов С. Ю. Витте, усилиям которого Россия обязана быстрым и замечательным ростом. Именно от политики этого министерства, а не правительства в целом зависело очень много перемен и в городе, и в деревне. Витте окончательно сделал выбор в пользу преимущественного развития промышленности, а не сельского хозяйства и поддержки мелкого крестьянства. Эволюция его взглядов на крупную промышленность как локомотив всей экономики страны весьма показательна. Она отражает не столько прозорливость самого министра, сколько потребность вполне назревшую. Значение этого деятеля в том, что он, в отличие от большинства его коллег в правительстве, не скрывал и отстаивал, как умел, то, что понимал как историческую необходимость и требование времени. Несмотря на интриги, недоброжелательство, зависть и поношения, С. Ю. Витте, сам не безгрешный в этой борьбе, умел настоять на последовательности своих действий и предупреждал об опасностях и ошибках императора. Реформа рубля дала России большую устойчивость даже в годы войны и революции 1904 – 1905 гг. Начатое Витте можно было оспаривать, но трудно было найти альтернативу тому, что он осуществлял. Его воля и прямота делали больше, чем споры, колебания и критика многих его противников. Витте ожидал от крупной промышленности:

- роста государственных доходов от налогообложения её;
- занятости населения и разнообразия его занятий (заводские и фабричные специальности), профессионального обучения;
- культуры труда;
- частичного решения аграрного вопроса;

– роста экономической независимости России от стран Запада, её кредиторов.

Аргументы Витте принимались Николаем II и его правительством лишь как рационально обоснованные, но не больше - как необходимость. Царь и большинство его министров по-прежнему считали, что главное внимание в экономической политике надо уделять деревне и крестьянству, что от его «устроенности» и благополучия зависит «процветание России». Оппоненты Витте выдвигали идеал мелкого и среднего крестьянского хозяйства в качестве основы самобытного, по сути, пути развития России, на котором и будет базироваться, как на фундаменте, и промышленность и торговля и финансовое здание Империи. Отсюда выводилась и среднее по величине ремесло и мелкая мастерская как, будто бы, «истинно русское» хозяйство. Такие умонастроения выдвигались прямо в противовес крупной промышленности, о которой пёлся Витте. Последней приписывали:

- что она детище иностранного и еврейского капитала и банков, чуждых пониманию и враждебных хозяйственным устоям России;
- что она «пролетаризует» крестьянина, как сделала это уже на Западе, вызвав там рабочее движение с его искусственными идеями и опасными идеалами;
- что, наконец, крупная промышленность порождает тяжелейшие экономические кризисы с безработицей, оторванностью от земли, бедностью и восприимчивостью к худшей агитации. При вопросе, какие задачи решал министр финансов С. Ю. Витте в своей политике форсированного промышленного развития и индустриализации страны, можно сказать, что его занимали пополнение государственного бюджета Империи, рост занятости населения в городе и отрыв крестьян от преимущественного труда в деревнях, промышленная эмансипация России от ввоза западных машин и изделий. Витте понимал неизбежность такого развития для страны и угрозу в противном случае ещё большей зависимости России от стран Запада. Он не видел альтернативы этому пути, а тем более не связывал перспектив с развитием мелкого крестьянского хозяйства или сохранением общины, путём её искусственного поддержания мерами правительства.

Отставка С. Ю. Витте с поста министра финансов не могла, однако, изменить его курса в основе. Политика П. А. Столыпина в отношении общины, хотя и выглядела иной, чем преимущественный курс на индустриализацию, но явилась больше добавлением к политике Витте, чем приостановкой её. С 1909 г. военные потребности заявили о себе новым витком промышленного роста за счёт казённых заказов. Однако опереться при исполнении их на казённые же заводы государство могло далеко не во всём. Частная промышленность оказалась, как и прежде, великим помощником правительственных программ в портовом, городском, железнодорожном, военном и военно-морском строительстве. Рост индустрии был особенно велик в преддверии 1914 года, когда началась мировая война. Промышленность вбирала в себя тысячи крестьянских рабочих рук.

Итак, одной из самых трудных оставалась проблема крестьянской собственности

на землю и общинный крестьянский строй. Если говорить, как правительство смотрело на вопрос об общине и перспективы его решения, то выясняется, что единого мнения не было, однако, большинство склонялось к необходимости сохранения общины и только постепенного её разложения. Община для бедных и беднейших крестьян являлась необходимой поддержкой и взаимопомощью. Опасность общинного мировоззрения состояла в том, что крестьяне в ней считали землю «ничейной» и с готовностью воспринимали призывы к отобранию земли у крупных собственников. Эту опасность осознавало и правительство. Но, с другой стороны, в общине оно же ещё усматривало не только пользу для самих малоземельных крестьян, но и политически важную идеологию, веру крестьян «в доброго царя». Главное убеждение в правительственной среде было то, что без общины многие крестьяне не в состоянии хозяйствовать и обречены на разорение. Но при этом надо иметь в виду и другое.

Аграрная реформа Столыпина была прямой реакцией на революцию 1905 – 1907 гг., политическое обоснование реформы не менее важно, чем её экономическая сторона. Реформа планировалась как долгосрочная политика правительства. Минимум на 20 лет. Однако, разрушение общины, переселение крестьян на новые земли требовало времени ещё большего. Реформа явно буксовала в первые годы, а в последующем, после убийства Столыпина в 1911 г., осложнилась ростом революционных настроений. Правда, настроения эти проявлялись гораздо активнее в городе, в рабочей среде, а не в деревне. Считается, что Столыпину и его последователям «не хватило времени», чтобы достичь желаемого результата. Возможно это и так.

Колебания в правительстве относительно внутренней политики отражались на экономическом росте внешне незаметно. На самом деле положение в области образования, элементарной грамотности населения, подготовки кадров для промышленности и культуры землепользования оставалось тяжёлым. Показателем перемен можно всё-таки считать такие факты:

- расширение сельскохозяйственного кредита для зажиточных крестьян в особенности;
- рост сельскохозяйственных кооперативов;
- рост сельскохозяйственных выставок, широкое распространение сеялок, веялок, усовершенствованных плугов, маслоделательных машин и простейших приспособлений, улучшающих труд крестьян.

Одним из важнейших при Николае II событий, связанных с реформированием всего экономического строя Империи, явилась **работа Особого совещания о нуждах сельскохозяйственной промышленности** с 30 марта 1902 г. по 30 марта 1905 г. Это совещание было предтечей реформы известной нам как аграрная

реформа П. А. Столыпина. Работы Совещания были свёрнуты из-за революции 1905 г., тем не менее, в ходе этих работ были выяснены так или иначе многие стороны будущих реформ. Не менее серьёзно, для понимания проблем, с которыми столкнулись участники Совещания, то, каких позиций они придерживались, как далеко готовы были идти в своих предложениях и что считали преждевременным или недопустимым. Тот факт, что революция потребовала срочных решений, а не дальнейших обсуждений и «проволочек» вовсе не ставит это Совещание в положение чисто теоретического. Наоборот, его результаты как раз и говорят о сложности вопросов и тех противоречиях, которые неизбежно возникали на пути реформирования русской деревни, о борьбе, которая происходила в правительстве, а позднее влияла на ход реформы Столыпина.

Показательно, что «крестьянский вопрос» оказался по традиции на рассмотрении Министерства Внутренних Дел. Ещё с 1893 г. вопросом был занят земский отдел МВД: в феврале 1901 г. представлен проект Д. С. Сипягина. Но к нему подключилось на этот раз и Министерство Финансов (с января 1902 г., контрпроект товарища министра В. И. Ковалевского). Проект Сипягина предлагал на обсуждение следующие вопросы:

- пересмотр положений о крестьянском управлении и суде;
- «правильная» организация мирского обложения;
- изменения и дополнения закона о семейных разделах;
- определение условий перехода от общинного владения к подворному;
- право досрочного выкупа надела;
- установление оснований и порядка передачи земельных наделов;
- отказ от надела, его продажа, уступка, сдача в аренду и т. д.;
- правила о наследовании наделного и вненаделного имущества;
- дополнение и изменение закона о переделах и т. д.

Этот список ясно показывает, что МВД озабочено было главным образом вопросами правового устройства крестьян.

Проект Министерства Финансов затрагивал лишь общее положение крестьян, признавая его «весьма тяжёлым», и предлагал обсуждение на межведомственном уровне, чего как раз не желало МВД. Показательно при этом, что Минфин не спешил с мерами регулирования крестьянского быта и высказывался против особого покровительства сельскому хозяйству, то есть финансирования тех или иных, как правило, помещичьих хозяйств. «В качестве контраргументов – пишет М. С. Симонова – Витте выдвинул два положения своей экономической политики: 1) сельское хозяйство в силу своих особенностей гораздо меньше, чем промышленность, поддаётся мерам правительственного воздействия; 2) интенсификация сельского хозяйства не может быть достигнута в порядке срочных мер, а должна явиться лишь результатом развития всей экономической жизни страны». (Симонова М. С. Кризис аграрной политики царизма накануне первой

русской революции. М., 1987. С. 10 – 13). Тем более Минфин не был готов поддержать какие-либо проекты финансирования крестьянских реформ. Мнение Витте заключалось в том, что естественный ход вещей поведёт к изменениям в деревне, а не к опеке («попечению») её. На первое место ставились всё же промышленность и торговля. Иначе говоря, Витте не считал нужным перенацеливать финансирование на сельское хозяйство в ущерб промышленному росту и развитию. Эта общая декларация не предусматривала выделения крестьянского, а шире - аграрного вопроса в рассмотрение его изолированно от промышленности и торговли, которые поглощали крестьянскую массу из деревни в города и на рынки. Понять всю разноречивость этих подходов, казалось бы, к одному и тому же вопросу можно, если вспомнить, что борьба МВД и Минфина велась по другому ещё вопросу. Министр внутренних дел В. К. Плеве отстаивал свой принципиальный взгляд, что «имеется полное основание надеяться, что Россия будет избавлена от гнёта капитала и буржуазии». Плеве не признавал и так называемого «рабочего вопроса» в России. С. Ю. Витте, напротив, защищал своё «детство» – промышленность, настаивая на необходимости не ослаблять внимания к ней, субсидировать её в первую очередь и верить в неизбежность отдачи такой политики, хотя бы и не сразу. Однако, промышленный кризис 1899 – 1903 гг., как раз совпавший с работой Особого совещания о нуждах сельскохозяйственной промышленности, внешне подтверждал мысль Плеве о крахе капитализма в России, как чуждого ей «нараста». Если же капитализм – ошибка политики, причём главным образом политики самого же Витте, то не оставалось ничего иного, как признать, что помощь должна быть оказана «самобытной», а не индустриальной России. Именно в работах Совещания Плеве и Витте выступали как главные оппоненты. Плеве фактически высказывался за поддержание общины как стержня великорусской самобытности. По выражению Витте в его мемуарах, политика опеки крестьянства вела к тому, что их держали «на положении взрослых детей».

Какой же радикализм мог изменить сползание монархии к столь оглушительной и внезапной для неё революции? Правительство, будучи продворянским, естественно, не могло пойти на перераспределение земельных прав от помещиков в пользу крестьянства без согласия первых и выкупа у них поместий. Даже в самом лучшем случае эта операция растянулась бы на годы и, может, десятилетия. Следовательно, при таких условиях возможности для манёвра у правительства были в общем не велики. Времени для решений было также не достаточно, так как напряжённость в деревне была высока, что показали и беспорядки 1902 г. в Полтавской и Харьковской губерниях. Под влиянием этих волнений 12 марта 1903 г. отменена круговая порука, а манифестом 11 августа 1904 г. отменено телесное наказание для крестьян.

О грюндерстве как части политики насаждения крупной промышленности в России. «Грюндерство» слово немецкое, означает «учредительство», возникло в

1870-х гг. на почве промышленного и финансового ажиотажа в Германской Империи после победы над Францией. Конtribusiция, наложенная Германией на Францию, в размере 5 млрд. франков была использована правительством для субсидирования национальной частной промышленности. «Грюндерство» вызвало настоящий ажиотаж на бирже и в промышленности, были основаны десятки новых фабрик, заводов, банков, торговых домов. «Грюндерство» сопровождалось нескончаемыми спекуляциями, распространением преувеличенных слухов, прожектёрством, неразборчивостью в средствах и нерасчётливостью. С другой стороны, «грюндерство» вызвало огромную предприимчивость, энергию, дух практицизма, поощряло изобретательность и научно-технический поиск. Германская индустрия получила мощный стимул к развитию, развивая конкуренцию не только в своей стране, но и в Европе. В этом отношении Германия успешно конкурировала с Англией и Францией, обогнав их и по темпам развития, и по качеству изделий.

Особенностью этого направления в России было то, что оно развивалось при высокой государственной потребительской конъюнктуре, определённых гарантиях казённого спроса и поощрялось тарифным покровительством, хотя и не исключительно за государственный счёт. Грюндерство пережило в России несколько стадий: 1860-е гг. (политика М.Х. Рейтерна, министра финансов 1862 – 1878 гг.) и конец 1880-х – 1890-е гг. (в министерства И.А. Вышнеградского, 1886 – 1892 гг. и особенно С.Ю. Витте 1892 – 1903 гг.). Необычайно характерно в России «грюндерство» проявилось в железнодорожном строительстве и металлургии.

Введение золотого рубля и стабилизация финансового накопления. Установление в России золотого обращения имело очень важное значение не только для финансовой политики, но и для общеэкономического развития Империи. Свершилась мечта многих министров финансов о твёрдом рубле и приливе иностранных капиталов как средстве модернизации страны. Введение золотого рубля, о чём надо помнить, не было результатом чисто волевой, декларативной политики. Золотой рубль как основа денежного обращения стал возможен только в итоге жёсткой многолетней бюджетной экономии, во-первых, и накопления свободных средств государственного казначейства, во-вторых. Не менее важным было и другое требование. Свободно конвертируемый рубль, как и вся система золотого обращения должны были поддерживаться из средств того же казначейства, которому необходимо было изыскивать все средства для этой цели. Это означало, что в случае нехватки золотого резерва, Министерство финансов должно было покрывать недостаток внутренними или внешними займами как бы тяжелы они не были для сохранения созданной системы. Рассчитывать на мобилизацию денег внутри Империи не приходилось, поэтому оставался только один путь – устройство широких международных займов. Это условие не было обязательным при любых обстоятельствах, оно становилось таким в случае непредвиденных потрясений,

одним из которых была война.

Последствием перехода на золотой рубль было и весьма противоречивое положение в экономическом развитии. «Сама идея укрепления курса рубля и перехода на универсальный золотой паритет, – пишут историки политики Витте, – отвечала в первую очередь задачам развития промышленности. Аграрному же сектору она не только не сулила, по крайней мере, в ближайшее время, никаких особых выгод, но наоборот, грозила немалыми потерями. Стабилизация рубля и повышение его курсовой стоимости неизбежно должны были привести к падению цен на сельскохозяйственную продукцию. Поднялась буря возмущения, подогреваемая прессой, различного рода ходатайствами земских и дворянских собраний, съездами сельских хозяев. Государственный совет неоднократно пытался торпедировать законодательные предположения финансового ведомства». (Корелин А. Степанов С.С. Ю. Витте – финансист, политик, дипломат. М., 1998. С. 37).

Податная политика. Следует вспомнить, что налоговая политика 1890-х годов сопровождалась значительным ростом так называемых косвенных налогов. Керосин, спички, сахар, табак – предметы массового «народного», как выражались, потребления облагались акцизами с их продажи, то есть надбавкой к цене продукта. Правительство сознательно отказывалось идти на установление подоходного налога, понимая, что крестьянство и без того обременённое поземельным налогом и выкупными платежами не могло без волнений принять такое увеличение. Повышение косвенных налогов, а не прямых, было поэтому принципиальным и долгосрочным курсом политики.

Акционерное законодательство и ограничения его в России. В отличие от практики западноевропейских стран в России существовали значительные ограничения в акционерном законодательстве. К этим ограничениям можно отнести следующие:

- обязательное предварительное рассмотрение и утверждение уставов акционерных компаний в Комитете министров;
- запреты заниматься некоторыми видами производств для иностранных подданных и «лиц иудейского вероисповедания», и в частности запрет для последних иметь и приобретать земельные владения в ряде западных губерний Империи;
- регламентация операций бирж, особенно фондовых, как, например: недопущение акций на предъявителя в сахарной и нефтедобывающей отраслях, высокая номинальная стоимость акций (не менее 250 руб.). (Корелин А. Степанов С. С. Ю. Витте – финансист, политик, дипломат. М., 1998. С. 48 – 50).
- не допускались к котировке бумаги акционерных компаний, чей капитал был менее 500 тысяч рублей.

Необходимость перейти от разрешительной системы к явочной, при которой учредителям акционерного общества достаточно было выполнить необходимые

юридические формальности, чтобы быть зарегистрированными как юридические же лица, давно сознавалось Министерством финансов. С 1905 г. новое Министерство торговли и промышленности выражало надежду, что уже в ближайшее время введение явочной системы станет «возможным и своевременным», «ввиду ожидавшейся отмены в скором времени ограничений по участию лиц иудейского вероисповедания в означенных компаниях и вообще касательно прав жительства и торговли евреев в империи». (Шепелёв Л. Е. Акционерные компании в России: XIX – начало XX века. СПб., 2006. С. 309 – 310, 194.). Однако всякий раз препятствием к решению вопроса становятся колебания в правительстве и позиция Министерства внутренних дел. Ведь именно евреям приписывались самые опасные для Империи намерения. Евреи считались самой неблагонадёжной частью населения, готовыми всегда «продать» Россию. Еврейская молодёжь активно участвовала во всех революционных беспорядках. Еврейский капитал в Англии и Америке вёл влиятельную агитацию в прессе против самодержавия. Всё это сказывалось на отношении правительства и Романовых к еврейству вообще. В результате вопрос о пересмотре акционерного законодательства тянулся годами и так и не был решён.

Питейная монополия казны. Немногие решения правительства вызывали такие противоречивые последствия как питейная (винная) монополия. Смысл монополии заключался в объединении всей торговли спиртным (водка и вино) под контролем казны для извлечения дохода из этой операции в пользу государственного бюджета. Как производство, так и реализация спирта и спиртоводочных изделий облагались специальным акцизом, с градуса или 1/100 ведра безводного спирта и специальным патентным сбором в виде промыслового обложения. «Витте и здесь следовал за своими предшественниками, предложившими ещё в 1880-х годах установить государственную монополию на реализацию крепких напитков, дававших значительную прибыль. При новой системе винокурение оставалось в частных руках, однако сырой спирт приобретался исключительно казной и по ценам, устанавливавшимся министерством финансов. Регулировалось и общее годовое производство спирта, которое распределялось между заводами на основе особого «положения». Спирт, выкуренный сверх нормы, разрешалось вывозить за границу. Впервые винная монополия была введена в 1893 – 1894 гг. (законы 8 июня и 6 июня) в виде опыта в четырёх восточных губерниях – Пермской, Уфимской, Оренбургской и Самарской. Затем «поочередно» она была распространена и на другие регионы, охватив к 1902 г. практически всю европейскую Россию и основные западносибирские губернии (63 губернии и 8 областей). Наконец, законом 26 февраля 1901 г. предусматривалось с 1 июля 1904 г. распространить казённую продажу питей и на восточную Сибирь». (Корелин А. Степанов С. С. Ю. Витте – финансист, политик, дипломат. М., 1998. С. 44 – 45).

Питейная монополия имела далеко не только фискальный характер. Защищаясь от нападков своих противников, обвинявших его в спаивании народа, Витте объяснял,

что введение казённой винной монополии преследовало и другую цель: упорядочение винной торговли, борьба с распространением суррогатов. Он отмечал несомненное улучшение качества крепких напитков за счёт лучшей очистки спирта от вредных примесей, что благоприятно сказалось на здоровье самого потребителя. Взяв под контроль производство водки, казна постепенно достигала такого результата. Очистка спирта и изготовление водки, производившихся на частных заводах по заказу казны, теперь производились под наблюдением специальных акцизных чиновников. К 1901 г. на казённые средства было построено около 500 винных складов, оборудованных для приготовления водки, сооружено более 30 тысяч казённых винных лавок, организованы целые отрасли промышленности: по ректификации спирта, изготовлению посуды для разлива водки и т. д. Закон 29 мая 1897 г. довольно жёстко регламентировал порядок торговли крепкими напитками в питейных заведениях, ограничивал внутреннее устройство последних, часы и дни работы, запрещая продажу водки в посты и праздники. «Наконец, для борьбы с пьянством были расширены полномочия губернаторов и управляющих акцизными сборами по надзору за водочной торговлей, учреждены особые попечительства о народной трезвости (закон 20 декабря 1894 г.). В результате деятельности последних в 1898 – 1899 гг. в 25 губерниях было устроено 1715 чайных, 998 читален, организовано только за один 1898 г. около 5280 народных чтений, устраивались театральные представления, народные гуляния и т. п.». (Корелин А., Степанов С. Указ. соч. С. 46 – 47). Как бы ни оценивать эту политику, можно вспомнить, что с началом мировой войны в 1914 г. в России был объявлен «сухой закон» «на вечные времена». Правительство посчитало тогда, что таким образом можно не допустить морального подрыва национального духа хотя бы на время войны, окончание которой не было известно. Относительно же «пьяного бюджета» С. Витте было преувеличением считать, что на винной монополии казна строила расчёт на получение основного внутреннего дохода.

Германия – главный экономический партнёр России. Проблема «дружбы и вражды». Ещё примерно с 1840-х гг. Пруссия становится важнейшим торговым, а затем и политическим партнёром России. Английское внешнеторговое преобладание для России неизменно оспаривается родиной знаменитого Ганзейского союза, сообществом северогерманских городов, некогда известных своей первоочередной ролью в торговле с Новгородом и самой Москвой. Не случайно, наверное, всех иностранцев в России в прежнее время величали «немцами». Немцы были соседями России, лучше многих других иностранцев знавшие её народ, нравы и порядки. «Так, до 90-х годов – пишет П. И. Лященко – Германии принадлежало до 60 – 65% ввоза в Россию чугунных отливок, до 50% железа, 50% инструментов, до 70% - сельскохозяйственных машин и т. п. Германия же главным образом снабжала русское железнодорожное и промышленное строительство капиталами, реализуя и размещая на своих биржах облигации

русских железных дорог, акции промышленных обществ, организовав в России акционерные общества на немецкие капиталы и пр. Облигации первых русских частных железных дорог были почти полностью реализованы на берлинском рынке. Например, только 6 крупнейших железнодорожных обществ (Владикавказской, Московско-Киевской, Московско-Казанской, Рязано-Уральской, Юго-Восточных, Виндаво-Рыбинской) реализовали за 1885 – 1898 гг. облигаций на 842 млн. марок. Первые русские акционерные коммерческие банки в значительной своей части были основаны при поддержке немецких банков, как, например, первый в России – Частный коммерческий банк в 1864 г. (при поддержке немецкого банкирского дома Мендельсон), Международный, Рижский и большинство других. В промышленности немцы обосновывались главным образом в электротехнических и электроосветительных обществах («Общество 1886 г.»), химических, машиностроительных предприятиях». (Лященко П. И. История народного хозяйства СССР. Том II. Капитализм. М., 1952. С. 199 – 200).

В годы Первой мировой войны, когда Германия стала для России врагом номер один, правительство и общественность Империи заговорили о борьбе с «немецким засильем в русской промышленности». Из такой оценки германского участия в экономике России следовало, что, например, производство ламп накаливания, электрогенераторов и электростанций намеренно тормозилось в России немецкими производителями, которые диктовали свои цены и условия пользуясь тем обстоятельством, что русские предприниматели не были в состоянии составить конкуренцию очень дешёвым и качественным изделиям немецкой электроиндустрии.

Индустриализация 1880 – 1890-х гг. – великий шаг к модернизации Империи. Отвращение к капитализму в русском обществе.

Проблема индустриализации России имела далеко не одну только экономическую сторону. Здесь присутствовала психологическая реакция на появление в стране многих «миллионных» (по капиталу) предприятий. Здесь присутствовал и социальный аспект, который очень болезненно сказался на оценках в печати положения рабочих на крупных фабриках и заводах. Предпринимателям приписывалась прямая ответственность за тяжесть и нерешаемость этого положения, за неустроенность быта рабочих. Тема русского капитализма получила весьма острое обсуждение во время экономического кризиса 1899 – 1903 гг.

Можно смело начать разговор с некоторого восхищения тем развитием промышленности, которое происходило в названные годы. Впечатление, что Россия совершает огромную перемену в своей жизни, захватило тогда и современников. Однако это впечатление было похоже не на восторг, скорее, а на разочарование, раздражение и испуг. Век бурного железнодорожного строительства и Великой Сибирской магистрали, век электричества, фотографии, первых аэропланов, автомобилей и чудовищных броненосцев вызвал не только ошеломление, но и

настороженность, пессимизм. Крупная промышленность России в её самом дорогостоящем содержании – металлургия – оказалась почти полностью в руках иностранцев: бельгийцев, французов, отчасти немцев и других европейцев, но не в русских руках и управлении. Машиностроение было зависимо от тех же иностранцев и связано с банками, в которых, находясь в Петербурге, управляли, однако, тоже иностранцы и евреи (лица иудейского вероисповедания, как тогда официально выражались). Петербург и его биржа наводнялись иностранцами, предприимчивость которых кипела. На этом фоне ни русские купцы, ни тем более дворяне в своём большинстве не выглядели столь преуспевающими, за исключением старинного купечества Москвы. Капитал стал определяющим словом для печати, анонимность капиталистов ещё больше раздражала общественное мнение столицы, привыкшее обсуждать всякие новые лица на столичной или провинциальной сцене. Вместе с «гг. капиталистами» пришла волна нанятых посредников (комиссионеров), инженеров, дипломированных управляющих на фабрики и заводы. Подавляющее большинство их оказывались немцами, поляками, австрийцами, французами, англичанами, бельгийцами, финнами, шведами, швейцарцами. Русские, собственно, инженеры и количественно и по оплате своего труда, наконец, и по занимаемым должностям, заметно уступали иностранцам, которые принимали русское подданство. Иностранцы, таким образом, тянули за собой новых иностранцев. Петербург менялся на глазах.

Надо оговориться, что источником этой политики «насаждения у нас промышленности» считалась всецело политика чуть ли ни одного человека, всесильного министра финансов С. Ю. Витте. Именно ему приписывали появление множества новых заводов и фабрик, сплошь основанных нерусскими или, во всяком случае, с участием иностранцев, хотя бы и «русских иностранцев». Однако все эти промышленные предприятия работали и расширялись за счёт казённых заказов, и по логике того времени, «за счёт народных денег». Ведь казённые деньги являлись в сущности своей налогами с главного плательщика в стране – крестьянства. Предприятия, основанные иностранцами, как считалось, конечно, переводили прибыль от работы их заводов за границу. Следовательно, эти деньги как доходы для благоустройства жизни и быта «русских людей», «уплывали, обогащая кучку иноземных капиталистов». Тот факт, что абсолютное большинство иностранцев, работавших в России, принимали русское подданство, не менял отношения к ним в обществе. Оно оставалось весьма негативным, даже нетерпимым. «Продажность» иностранцев считалась мотивом всех их действий, в том числе и выбор подданства.

Поэтому рост крупной механической промышленности, металлообработки и машиностроения воспринимался как ложный путь вовсе нерусского капитализма, как ошибка правительства. В какой-то мере это обстоятельство подогревало великорусский национализм и, в особенности, антисемитизм. На этом же фоне происходил, а точнее сказать, продолжался упадок «истинно русской» горной

промышленности Урала, недофинансирование казённой промышленности, в основном военной.

В обществе подсознательно варьировался этот мотив: мы (публицисты, учёные, педагоги, профессора, инженеры и общественные деятели) жертвуем свои интеллектуальные и денежные силы на благотворительные цели по образованию, призрению и «нравственному здоровью» нашего народа, а миллионы денег пускаются на биржевые спекуляции, роскошную обстановку своих «представительств», банкеты и приёмы, вклады в банки на личные счета теми, кто всего лишь наживается за счёт бедности народа и за его же счёт. В то время, как «господа капиталисты» со своими миллионами могли бы сделать многое для народа, о котором они иногда сочувственно выражаются.

Можно напомнить, что свои главные усилия, центр, так сказать финансовой политики в отношении промышленности Витте направлял действительно в адрес частной инициативы и с целью привлечения именно иностранного капитала. Для Витте в 1890-е гг., когда он занял должность министра финансов, уже не оставалось сомнений, что не русский, тем более, московский, а именно иностранный капитал имеет возможность и интерес направить свои огромные средства в русские ценности, в числе которых была и промышленность. Свою позицию в этом вопросе он неоднократно повторял и отстаивал.

Наконец, **рабочий вопрос в России**. Не приходится сомневаться, что рост крупной промышленности, и в первую очередь тяжёлой индустрии, породил множество проблем, связанных с проживанием рабочих в крупных городах и промышленных центрах. Крайне скудное рабочее жильё, тяжёлые условия труда на фабриках и заводах, теснота многих из них и высокий травматизм крестьян никак не способствовали положительному образу капиталистического прогресса. Можно признать, что для негативного восприятия крупного промышленного капитализма были вполне справедливые основания. В обществе и печати, в министерских кругах временами панически оценивали будущее «рабочего строя» России при сохранении такого капитализма, какой приходилось наблюдать. Значительная безработица, пьянство многих рабочих, проституция в городах, большая восприимчивость рабочих к идеям космополитического социализма – всё это наводило на мрачные размышления. Сознание того, что перспектива изменения такого положения достаточна гадательна и отдалённа, не позволяла придти к иному мнению, чем бытовавшее: России таким ходом не избежать взрыва революции. Рабочее движение ещё не рассматривалось изолированно от положения и настроений самого крестьянства, так как рабочих в большинстве своём и составляли крестьяне, только временно приходившие на заработки в города.

«Подтверждение». **Экономический кризис 1899 – 1903 гг.** После более чем десятилетнего непрерывного почти промышленного роста и колоссального притока инвестиций в строительство и оборудование десятков новых заводов, литейных,

механических и машиностроительных экономику «вдруг» потряс кризис. Равного ему Россия не знала в своей истории. Общественное мнение России восприняло кризис с чувством «закономерного удовлетворения», так как и прежде ничего хорошего не видело в том, что сопровождало индустриализацию: биржевые спекуляции, баснословные прибыли, массу неизвестных миллионеров заграничного происхождения, толки и слухи о всеобщем ажиотаже вокруг концессий и правительственных заказов. Прогнозы, что Россия непременно переживёт все последствия такого развития в худшем варианте и что западный путь скажется на ней более «губительно», наконец, полностью подтвердились.

«Кто жил в Петербурге, – писал журнал «Народное хозяйство» в начале 1903 г., – тот знает, что за последнее пятилетие появилось много прожектёров с планами один другого замысловатее, подчас несбыточнее, одни преимущественно в расчёте заработать на проведении устава в административных кругах, другие же, добившись превращения единоличного предприятия в акционерное, спешили сбыть имущество по дорогой оценке и, сорвав куши по учредительству, так называемые «учредительские», старались передать предприятие. Бумаги возникшего без достаточных оснований общества были размещаемы услужливыми банкирами. Публика же, нередко подогреваемая ложными рассказами о заказах и о предоставляемых вновь открытыми предприятиями выгодах, спешила поместить в их акции деньги. Всё это дало повод к сильному развитию спекуляции, начавшейся на петербургской бирже. Банки коммерческого кредита охотно выдавали ссуды под бумаги совсем не солидных предприятий, лишь бы они котировались на биржах, а затем, для поддержания их на надлежащей высоте, некоторые общества выдавали фиктивные дивиденды в счёт будущих доходов, тогда как в действительности на фиктивность указывали, между прочим, такие факты: некоторые общества, выдав дивиденды за какой-нибудь год, прекращали затем их выдачу, а между тем благодаря таким приёмам бумаги переходили к публике по повышенной цене, несколько не соответствовавшей действительно получаемым по ним доходам... Банкиры и дельцы, которых так много появилось в последнее время, расточали всем обращавшимся к ним советы, какие бумаги купить или продать. Если же вновь возникшим или же расширившим своё производство промышленным предприятиям надо было реализовать облигации, пустить на рынок акции или вообще получить деньги, то те же услужливые банкиры финансировали предприятие. Оставляя за собою бумаги по низкой цене, они при подъёме цен постепенно спускали их в публику по повышенным ценам, нередко распределяя их по своему произволу между доверчивыми клиентами, совершенно одурманенными от падающих на них милостей, вроде неожиданных крупных выигрышей, благодаря подъёму цен». (Цит. по: Трахтенберг И. А. Денежные кризисы (1821 – 1938 гг.). М., 1963. С. 446 – 447).

История одного банкротства. Дело С. И. Мамонтова. Дело о несостоятельности Саввы Ивановича Мамонтова в 1899 – 1900 гг. облетело всю

Россию и стало хрестоматийным для суждений о капитализме и его «деятелях». На этот раз капиталистом оказался представитель старинного и почтенного купеческого «чисто русского» рода, владелец целого ряда крупнейших предприятий (Невского судостроительного завода в Петербурге, Общества Восточно-Сибирских железоделательных и механических заводов в Иркутской губернии), участник строительства Донецкой и Вологодско-Архангельской железных дорог, председатель правления Общества Московско-Ярославо-Архангельской железной дороги. В сентябре 1899 г. С. И. Мамонтов был арестован, арест был наложен на всё его имущество. В июне 1900 г. состоялся по его делу суд. Речь шла о незаконном использовании Мамонтовыми средств Общества Моск.-Яросл.-Арханг. ж. д. для финансирования Товарищества Невского завода в размере более чем 5 млн. руб. Кроме того, С. И. Мамонтов, действуя от своего имени, получил от Петербургского Международного банка при содействии главы банка А. Ю. Ротштейна под залог принадлежавших ему, Мамонтову, акций названной дороги, а также соло-векселей ссуду в 3 млн. руб. сроком на 9 месяцев. Но вернуть эту ссуду С. И. Мамонтов не смог. В июле 1899 г. министр финансов С. Ю. Витте вызвал Мамонтова в министерство и предъявил ему претензии в том, что тот при получении ссуды в банке ввёл в заблуждение Ротштейна. На самом же процессе суд пришёл к выводу, что «вместо того, чтобы дело уголовное затевать, следовало отправить в губернское правление заявление о принятии мер по случаю крайнего слабоумия главных акционеров», то есть родственников, как и самого С. И. Мамонтова. Крайне легкомыслие, с каким использовались и брались деньги Мамонтовыми вызвали такое определение их действий. (Бовыкин В. И. Формирование финансового капитала в России. Конец XIX в. – 1908 г. М., 1984. С. 128 – 129, 260 – 261). В деле Мамонтова важна, может быть, не столько эта финансовая сторона, сколько именно сама обстановка, которая прояснилась отчасти на суде. Эпоха дешёвого кредита и спекуляций, которых не избежали даже «солидные» банки, эта эпоха лишь воплотилась в данном деле.

Московский тип предпринимателя: характер, сила, самомнение. Понять московский деловой менталитет не просто. Есть несколько отличительных его черт. Потомственный купец, как правило, начинавший дело с торговли, а не с производства, как правило, совмещавший то и другое в одном лице, чаеоторговец, мануфактурист, торговец сахаром, свечами, мылом, конфетами и производитель значительной части их, домовладелец и крупный вообще владелец недвижимости – вот его самая общая, но деловая характеристика. Благотворитель, семейственный, непременно гордый продолжатель «дела отцов», непременно православный и в подавляющей массе старообрядец – вот его моральный портрет. «Истинно русский», славянофильски настроенный, убеждённый, что представляет «соль земли русской», отвергающий всякое западничество и методы, и сам смысл реформ Петра I, москвич «всегда в себе», так как вообще искренно верит, что представляет лучшие силы «Руси», выражает «её правду». В Москве купец чувствовал себя в полной

независимости от власти Петербурга, казённого, западного, наполненного чиновниками и иностранцами, чуждыми по вере, взглядам и отношению к «первопрестольной», то есть к самой Москве, с её делом, голосом, её идеалами и ролью. По выражению В. П. Рябушинского, «московский промышленник сидел у себя в амбаре или на фабрике, как удельный князь в своём княжестве, фыркая на Петербург, и обходился без него». (Партии российских промышленников и предпринимателей: Документы и материалы. 1905 – 1906 гг. М., 2004. С. 6.). Однако, стремление к общественному лидерству, естественный, так сказать, национализм, едва ли не составляли главное в поведении и самоощущении москвичей. В мае 1897 г., например, группа промышленников великорусских губерний представила записку, в которой выражалось недовольство тем, что почин пересмотра законодательства по рабочему вопросу исходил из окраинного города Империи, да ещё к тому же польского, из Лодзи. «От начала Руси по дни наши, – говорилось в записке, – никогда Москва, как представительница коренной России, не шла за окраинами, а окраины, напротив того, в силу причин естественных приспособлялись к порядкам московским». Характерен не столько выпад, сколько сам тон этого заявления.

Характерно и другое. Все министры финансов по традиции после своего назначения посещали Москву и московскую биржу. К москвичам прислушивалось правительство в первую очередь во всём, что касалось торговли, тарифов, покровительства частной промышленности. Москвичи имели решающий авторитет во всех междудеятельственных совещаниях, где представительство торговли и промышленности признавалось нужным и полезным. Что же касается текстильной промышленности Москвы и вообще Центрального промышленного района, то здесь лидерство московских групп было неоспоримо, да никем и не оспаривалось, хотя бы речь шла о России в целом, а не о московских интересах в частности.

В отличие от всех регионов именно Москва представляла собой соединение в одном лице и купца, и банка. Московские купеческие фамилии, соединяясь «в складчину», основали крупнейшие после петербургских банки. Тем самым, москвичи являлись в одно и то же время и купцами, и промышленниками (в смысле владения, но не обязательно непосредственного управления), и банкирами. Кредит и торговля были для большинства из них на первом месте.

Тайна благотворительности московских купцов не только в их культурной щедрости, искреннем стремлении охранять «самобытность и память русского народа». Московские мануфактуры имели стабильное накопление капиталов, в отличие от «всегда просящих» петербургских металлостроителей и машиностроителей. Московские фабрики имели крупнейшие в России запасные капиталы. Наряду с торговой прибылью эти запасные капиталы и служили основой для той широкой миллионной благотворительности, которая заключалась в строительстве больниц, приютов, церквей, коллекционировании картин и финансировании выставок, литературных вечеров и т. п.

Главной отраслью деятельности для москвичей оставалось непременно

текстильное производство. Более доходной и массовой по крестьянскому спросу отрасли, чем эта, нельзя было и найти. Имея весьма стабильное и даже гарантированное накопление огромных средств, москвичи, а вместе с ними владимирцы, ярославцы, тверичане и нижегородцы распространяли своё влияние на другие отрасли экономики. Не случайно кто-то окрестил московское торгово-промышленное кредо как «**ситцевый патриотизм**». На самом деле вопрос был далеко не ироничным только. Наблюдая практику наиболее амбициозных и энергичных представителей московского купечества Ф.И. Гиндин отмечал: «Прежде всего Рябушинские совершенно не стремились к тому, чтобы проникнуть в цитадель монополистического капитала – тяжёлую промышленность, а облюбовали себе те отрасли промышленности, которые при слабой вообще организации русской торговли можно было монополизировать на основе захвата сбыта и в особенности экспорта (лён и лес), то есть избрали наиболее близкий и характерный для московского капитала путь – монополизацию торговли». (Гиндин И. Ф. Банки и экономическая политика в России (XIX – начало XX в.). М., 1997. С. 300.). Тот факт, что московский капитал не стремился в горнодобывающую и сталелитейную промышленность, говорит о его сознательном ограничении. За отраслевой разницей Москвы и Петербурга стояла уже разница не одна экономическая, а мировоззренческая. По определению В. П. Рябушинского, «коренные московские банки сильно отличались от петербургских: главная цель у них была солидность ...Московские традиции заключались в том, чтобы не заниматься «грюндерством», то есть основанием новых предприятий, что делали петербургские банки. Риск такой политики заключался в том, что она слишком тесно связывала судьбу банка с судьбой патронируемых предприятий. Москва этого опасалась». (Петров Ю. А. Коммерческие банки Москвы. Конец XIX в. – 1914 г. М., 1998. С. 6 – 7).

Однако за этими словами скрывалась недосказанная суть. Во-первых, под «грюндерством» обычно и понимались предприятия именно тяжёлой промышленности, где инвестируемые капиталы были особенно велики уже при учреждении предприятия. Во-вторых, во главе старомосковских банков стояли всё те же московские мануфактуристы-текстильщики, т. е. представители как раз лёгкой промышленности, возникшей путём не учредительства, а медленным, растянутым на десятилетия ростом хлопчатобумажной индустрии, с её постепенным накоплением, но очень «здоровым» в смысле потребителя, а значит и сбыта (платки, скатерти, рубашки, всевозможные ткани и постельное бельё в крестьянском быту). Риск же в металлургической промышленности, потребителем которой выступала казна в лице военных и путейского ведомств, с их высокими требованиями вообще и необходимостью огромных единовременных затрат, был действительно очень велик для московских капиталистов. Не московский, а преимущественно иностранный капитал шёл на такой риск в надежде на большую в случае успеха и прибыль.

Чтобы сохранить в личной собственности своё дело, москвичи, в отличие от петербургских и польских мануфактур, выбирали неизменно форму паевых товариществ, а не акционерных обществ. Паи, будучи именованными, распространялись в среде только членов своих семейств или родственников. Такая форма собственности являлась абсолютно преобладающей в текстильной промышленности Центрального района.

Разница двух столиц ещё заметнее при сравнении их ведущих специализаций. Торговля и торговый дом как основа дела стояли в Москве на первом плане. Производство же, при всей его изысканности не являлось проблемой как в Петербурге, где именно технологии служили причиной успеха и полем постоянной борьбы. В механическом производстве, тем более в машиностроении, удешевление производства и совершенствование его были исходной точкой самого появления предприятия, не говоря о его расширении. Но это был Петербург, а не Москва.

Московский мир был достаточно замкнутым. Купеческие фамилии роднились между собой, избегая всяких случайностей. Консерватизм Москвы имел не только купеческие, но и дворянские корни. Московская фронда коренилась на том, что «власть иностранцев» в Империи недолговечна и не имеет будущего. Рост промышленности и крестьянского потребления в перспективе должен был менять картину в пользу усиления активности и состоятельности именно «русского элемента». Национализм самого правительства при Николае II только укреплял эту «ожидающую» уверенность.

Московская политическая фронда. По крайней мере, со времени русской революции 1905 г. было небызвестно, что некоторые московские купцы не стеснялись субсидировать революционных деятелей и рабочее движение, радикально направленные против самодержавия. Самая громкая история была связана с именем Саввы Тимофеевича Морозова. Симпатии некоторых, так называемых «молодых» из купеческих династий, были явно на стороне социалистических партий. Отношение к рабочим как к угнетённым и обездоленным было в московской среде более близким и понятным, чем в «иностранном» и казённом Петербурге. Самоубийство или убийство С. Т. Морозова, как и его полумистическое увлечение идеями «рабочего блага» было отголоском более широких оппозиционных настроений в среде старообрядцев. В печати назывался, например, сын С. И. Четверикова, крупного биржевого деятеля Москвы, на квартире у которого был обыск, и найдены были в большом количестве листовки РСДРП. Распространением их он, видимо, сам и занимался. «Торгово-промышленную Москву, – писал в своих воспоминаниях П. А. Бурыйшкин, – отнюдь нельзя рассматривать как однородную, политически единомышленную группу. В московском купечестве, как среди лиц русского торгового сословия вообще, были люди разных мнений, разных оттенков политической мысли. Были правые, были и левые. Были крайние правые, хотя и не особенно часто, и крайние левые, тесно

связанные с революционным движением. Таковым, как я уже указывал, молва называла С. Т. Морозова, что имело некоторое внешнее подтверждение в его дружбе с Максимом Горьким. Настоящими революционерами являлись члены семьи мебельного фабриканта Шмита, а в семье шерстяных фабрикантов Арманд были люди весьма близкие Ленину». В другом месте этот же автор сообщал, что «на революционное движение он [С. Т. Морозов] давал значительные суммы. Когда же в 1905 году разразилась первая революция и потом резкая реакция, – что-то произошло в его психике и он застрелился. Это случилось в Ницце». (Бурый П. А. Москва купеческая. М., 1991. С. 289, 128 – 129). Так старообрядцы, эти «готовые революционеры» в России соединялись отчасти с революционерами-космополитами, большевиками-марксистами на почве не столько личных убеждений, сколько **личности** самих деятелей оппозиции режиму. Одной из них стал Павел Рябушинский. «Особый отклик, – пишет Петров, – вызвала речь Павла Рябушинского на обеде 4 апреля 1912 г., данном Г. А. Крестовниковым в честь посетившего первопрестольную В. Н. Коковцова [министра финансов и главу правительства]. Посетовав, что промышленники из-за избирательного закона не могут попасть в Думу «в должном количестве», старшина Биржевого комитета призвал главу правительства позаботиться о развитии торговли и промышленности, не делать уступок крупным аграриям и обеспечить промышленности «простор, устранение излишнего формализма, снятие разных рогаток с путей жизни». Совершенно обескуражил присутствовавших оратор в конце речи, подняв тост «не за правительство, а за русский народ». Речь вызвала раздражение в октябристских кругах [то есть в среде проправительственной партии октябристов] «Павел Рябушинский? Да это такой подлец и мерзавец, каких свет не родил! – горячился в частной беседе Н. И. Гучков, московский городской голова и брат А. И. Гучкова. – В таком доме, в интимном кружке, куда его допустили, позволяет себе поучать председателя Совета министров?! Недаром про Рябушинского Коковцов ещё раньше говорил в Петербурге: «Подмигивают всё и кокетничают с революцией? Московских купцов мало жгли в 1905 году, что они ещё не образумились. Вот дворяне – другое дело. Им въехали порядочно, а потому они протрезвились». Противоположную оценку выступлению «невразумлённого» промышленника давали его единомышленники. «Сейчас прочёл Ваше обращение к Владимиру Николаевичу [то есть к Коковцову] – писал Ю. П. Гужон [председатель Московского Общества Заводчиков и Фабрикантов] 6 апреля 1912 г. – Вы один говорили дело, говорили с общегосударственной точки зрения, а не как торговец и промышленник ... Уверен, что Ваш пример вызовет последователей. Давно пора». (Петров Ю. А. Павел Павлович Рябушинский. //Исторические силуэты. М., 1991; С. 130 – 131). П. П. Рябушинский издавал собственную большую газету «Утро России», известную на всю страну. В этой газете владелец её «отводил душу». Читая её, можно и сегодня разглядеть чаяния, амбиции, характер московского купечества, его

волю. Вот что писал сам П. П. Рябушинский в статье «Аршинники поднялись» под псевдонимом В. Стекольников: «В 1905 году буржуазия помогла людям старого режима подавить революцию. Но теперь реакция, такая же некультурная, как и анархия, в свою очередь начинает вызывать отпор со стороны буржуазии. И вот победители видят, что купец как будто бы начинает мешать. Сначала это приписывается случаю, небрежности, невниманию, а чиновник делает вид, что он не замечает. Но долго не замечать нельзя. Подъячий, по свойственной ему трусости и осторожности, некоторое время колеблется, наконец, решается и говорит: «Любезный аршинник, отойди в сторону, разве ты не видишь, что мешаешь пятиться моему другу красной фуражке и мне. Я, конечно, уверен, что злой воли у тебя нет, что это лишь недосмотр с твоей стороны, так что тебе бояться нечего, но всё-таки – отойди». И вдруг происходит неслыханное: аршинник, всегда такой уступчивый, такой молчаливый, внезапно очень определённо заявляет, что ему попятное движение красной фуражки и приказного кафтана не нравится, что он им мешает вполне сознательно и что и впредь будет мешать. В той схватке купца Калашникова и опричника Кирибеевича, которая начинается, конечно, опять одолеет Калашников. Может быть, и на этот раз его потом пошлют на плаху. Но идеи буржуазии, идеи культурной свободы, – эти идеи не погибнут». (Цит. по: Бурьшкин П. А. Указ. соч. С. 270.). Для умеющих читать «между строк», в условиях тогдашней цензуры, эта статья не казалась двусмысленной или туманной.

Негромкий Петербург: иностранцы, сталь, машины и министры. Петербург в своей деловой жизни представлял картину словно чужого города в целой Империи, которую он возглавлял. Весь увешанный немецкими фамилиями фирм и объявлений, наполненный иностранцами, русскими и пришлыми, Петербург банков и гигантских заводов, казённых и частных, Петербург с его крайним климатом и внешней отчуждённостью представлял совершенно особый тип промышленного предпринимателя. Промышленного в первую очередь, а не торгово-промышленного как московский тип. В отличие от Москвы здесь и общественное мнение и общая обстановка были гораздо сдержаннее, не декларативны «на всю Россию», как то прорывалось в московских газетах и речах. По крайней мере, это касалось именно делового мира, промышленников Петербурга.

Петербург дал России в обилии такое явление как «русские иностранцы». Выходцы из Германии, Англии, Франции, русской Польши, Швеции. Являясь русскими подданными, они обрусевали во втором или дальнейших поколениях, сохраняя свое российское подданство. На первом месте здесь всегда были немецкие выходцы.

Немецкий характер промышленности Петербурга вполне выявился ещё до отмены крепостного права и Крымской войны, которые послужили толчками к первой частной индустриализации Петербурга во второй половине 1860-х гг. «В 1852 г., – пишет Иванова Н. И., – немцы-предприниматели имели в Петербурге 107

фабрик и заводов (33,2% всех предприятий в городе). Больше всего предприятий располагалось в Васильевской части – 27 шт. (54,0%), в Адмиралтейской части – 26 шт. (43,3%), в Нарвской – 20 шт. (32,8%). Из направлений выпуска продукции предпочтение отдавалось табачным и сигарным фабрикам – 20 шт. (54,5%), шёлковым фабрикам – 8 шт. (38,1%). Кроме открывшихся новых предприятий продолжали функционировать широко известные в Петербурге шляпная фабрика Циммермана, тесёмочная фабрика Цинзерлинга». (Иванова Н. И. Немецкие предприниматели в Санкт-Петербурге (XVIII – XX вв.). СПб., 2002. С. 55.). С появлением и развитием многих литейных и механических заводов в Петербурге соотношение немцев в общем числе иностранцев, работающих в Петербурге достигло половины от общего числа всех иностранцев. Немецкие мастера, инженеры, бухгалтеры сотнями служили на предприятиях частных и казённых.

Русские иностранцы не только стояли во главе столичной петербургской индустрии, но и вполне выражали её «менталитет». Фамилии лидеров этой индустрии не были благозвучными и особо популярными в печати. Зато заслуги этих негромких иностранцев были отмечены десятками медалей, орденов, похвальных отзывов, почётными званиями и поздравлениями не только министров, но и всего делового мира России. Их слава всегда оставалась негромкой именно потому, что их фамилии, само их происхождение и часто вероисповедание были нерусскими. Для примера приведём фамилии наиболее известные деловому Петербургу. В Совете Съездов металлозаводчиков Северного и Прибалтийского районов: Александр Карлович Фойгт, Сергей Александрович Эрдели, Франц Карлович Сан-Галли (итальянец), Эммануил Людвигович Нобель (швед), Фёдор Эдуардович Радлов, Борис Аркадьевич Эфрон, Николай Иванович Данилевский, Николай Данилович Лесенко, Михаил Осипович Альберт, Балтазар Балтазарович Герберц (немец). В Совете Петербургского Общества Заводчиков и Фабрикантов: Пётр Андреевич Бартмер (швед), Эдуард Яковлевич Вегенер, Андрей Андреевич Вежбицки (поляк), Густав Логгинович Гейзе (немец), Иван Петрович Джонсон (англичанин), Эдмунд Людвигович Дрегемиюллер, Артур Александрович Краак, Карл Яковлевич Паль (немец), Владимир Карлович фон-Ренненкампф, Карл Осипович Чешер (англичанин), Лев Иванович Шпергазе, Альберт Романович Шпис (немец) и т. д. В Петербурге среди инженеров в особенности было много поляков.

Отраслевой особенностью Петербурга было развитие здесь ряда очень крупных металлообрабатывающих предприятий и важнейших казённых заводов. В этом смысле главные проблемы и заботы частных предпринимателей Петербурга были в получении казённых заказов, преимущественно военных, всегда связанных с механическим и металлическим производством в больших размерах. Решающим условием кредитования петербургских предприятий в этой отрасли и был казённый заказ. Это совершенно отличало Петербург от Москвы, которая ориентировалась не на казённый спрос в большинстве случаев, а, наоборот, на свободный рынок и мелкого дешёвого, но зато самого массового потребителя – русское крестьянство.

Можно сказать, что, если в Москве жил ситцевый патриотизм, то в Петербурге он традиционно становился «стальным патриотизмом». Петербург - ведущий и даже монопольный производитель судостроительной стали и материалов, боеприпасов и бронепроката, артиллерии и приборов наведения, средств связи и пороха. Образно говоря, петербургская индустрия являлась «щитом Империи», ковала этот щит. Москва «одевала» Россию, хотя не исключительно, но главным образом, причём Россию крестьянскую в основном.

Если же сравнить однородную отрасль промышленности, текстильное производство в Петербурге и Москве, то, по данным на 1909 г. картина получится следующей. Из 19 бумагопрядильных, ткацких и ситценабивных мануфактур Петербурга оказалось: 9 английских, 4 немецких, 5 русских и 1 англо-русское общество. Из них акционерных обществ – 9, товариществ – 8, торговых домов – 1, единоличных – 1. В Московской губернии из 17 только крупных мануфактур с оборотом свыше миллиона рублей все мануфактуры были в форме товариществ. Из них иностранных оказывалось лишь три, правда, очень известных и уважаемых: Эмиль Циндель (швейцарско-немецкая), Альберт Гюбнер (французско-русская) и Людвиг Рабенек (немецкая Реутовская мануфактура). Остальные товарищества – русские. Особым примером смешанного участия в торгово-промышленных делах как Центрального вообще, так и Прибалтийского и Северного (Петербургского) промышленных районов являлась деятельность Торгового дома «Л. Кноп», А. Л. И Ф. Л. Кнопов. (Фабрично-заводские предприятия Российской империи / Сост. Л. К. Езиоранский. СПб., 1909. № 440 – 463К.; Барышников М. Н. Деловой мир России. СПб., 1998. С. 151, 192 – 193, 309, 368 – 369.).

Петербургский промышленный мир в 1906 г. закончил свою консолидацию созданием Петербургского Общества Заводчиков и Фабрикантов (ПОЗиФ), во главе с С. П. Глезмером (по происхождению поляк). «Поменьше громких фраз», – этот негласный девиз стал своеобразным кредо петербуржцев. На смену Глезмеру на пост председателя ПОЗиФ в 1912 г. был избран новый «иностранец», швед Э. Л. Нобель. «Нелюбимые» в России и мало вообще ей известные петербургские предприниматели оставались в стороне от политических манифестаций и требований. Петербургская буржуазия молчала, надеясь только на одно: чтобы дарованные манифестом 17 октября 1905 г. демократические свободы не были отняты правительственной реакцией. В этом она и выражала свою уверенность.

Гигантские заводы и огромные фабрики. Миф об отсталости и парадоксы российской индустриализации. Заводы и фабрики – символизируют индустриализацию. Первые от вторых отличались отраслями, в которых действовали. Заводы представляли металлообработку и машиностроение, фабрики традиционно текстильную и химическую, одни, как тяжёлую индустрию, другие – лёгкую. В советское время, за которое были воспитаны несколько поколений россиян, не уставали писать и повторять, что «царская Россия была отсталой,

крестьянской в основном страной». Только в 1970-е гг. эти утверждения под напором свежих исследований, а не деклараций сталинских лет, были подвергнуты сомнению и, наконец, переоценены. Картина не только развития крупной промышленности, но и поразительная динамика её, начиная с 1880-х гг. давала много материала для почти противоположных оценок. Состояние самих крупных предприятий в России не подтверждало утверждений в технической их отсталости, а тем более косности самих предпринимателей. Всё более очевидной становилась и причина большевистской лжи: чтобы показать головокружительные успехи сталинских промышленных пятилеток, «старая Россия» изображалась и технически, и индустриально отсталой, зависимой и «закабалённой иностранными капиталистами и банками», обречённой на экономический (а не только политический) крах. Этот миф крепко засел в учебники и до сих пор ещё повторяется, особенно в тех случаях, когда никаких фактов в подтверждение этому не приводится. Или же приводятся лишь весьма выборочные факты, которые обобщают картину до всеобщей. Это и был обычный и вообще излюбленный «метод» большевистского просвещения. Действительность оказывается гораздо сложнее и интереснее:

- 1) в дореволюционной России частная промышленность доминировала над казённой, она иначе формировалась, управлялась и менялась;
- 2) большинство отраслей промышленного производства вполне соответствовало западноевропейскому уровню, техническое и технологическое оборудование российских предприятий было одинаковым с западным;
- 3) высокая внутренняя конкуренция понуждала предприятия обновлять свои мощности и технологии, искать новые рынки сбыта и просчитывать свои перспективы.

Почему же тогда эта же промышленность сама о себе была нелестного мнения? Можно ответить её же ходатайствами:

- дороговизна в России многих сырых материалов, особенно топлива, чугуна, химических продуктов и проч.;
- колебания в политике покровительства собственной промышленности со стороны правительства;
- высокие железнодорожные тарифы на внутренние перевозки изделий и товаров, общая нехватка железных дорог и подъездных путей;
- узкий сравнительно спрос на продукты специального производства, не связанного с крестьянским потреблением;
- дорогой кредит в банках, в особенности кредит промышленный, отсутствие долгосрочного кредитования, как практикуется на Западе;
- большие заграничные заказы правительства, вместо оставления их в России, недоверие к частной промышленности со стороны ведомств.

Эти «жалобы» промышленников были ничем иным как условиями развития самой

промышленности Империи. И, тем не менее, крупная промышленность, аккумулирующая в себе миллионы рублей и тысячи рабочих становятся показателем заметного движения от аграрной страны, к стране городской занятости, труда высокой и очень разнообразной квалификации, не говоря о сотнях специалистов, инженеров, учёных, управленцев, экономистов. Проблемы крылись не в самой индустриализации, а в положении рабочих, условиях их труда и подготовки, способности жить в городе безбедно и иметь отдельное жильё, а не снимать «углы». Покидая деревню, крестьяне, главным образом молодые, искали в городе отнюдь не лёгкой жизни, а заработков. Но «смысл жизни» нельзя было обрести в оплате труда, к тому же достаточно скромной для потребностей и соблазнов людей «начинающих». Критика «капитала», его безнравственной наживы и алчности быстро доходила до ушей новичков. Безграмотные, любопытные до всего, и весьма чуткие к собственному положению, приходящие в город, крестьяне и здесь искали друг друга. Между тем, полиция обращала внимание на рост «пьяных сходов» рабочих по городским кабакам, где агитацию было вести легко и удобно. «Социализм» не был труден для понимания, но звал к действию, энергии, смелости.

Предприниматели обращали внимание правительства на неустроенность рабочих, которую не могли решить собственными силами, а только при поддержке и вмешательстве государства. Нужны были больницы, театры, ясли, библиотеки. Строить их только за свой счёт, да ещё в нужных объёмах предприниматели были просто не в состоянии. Они предлагали принцип: их 1/3 расходов, но 2/3 – расходы государства.

Но в 1905 г. проблема переросла в революцию. Промышленники сразу столкнулись с такими явлениями как угрозы бойкота, рабочий экстремизм и, наконец, физический террор в отношении управляющего персонала и мастеров. Дело перешло в иное качество. На террор и насилия рабочих приходилось отвечать властям. К чести предпринимателей они не позволяли себе взывать к диктатуре и правительственному террору.

О реакции промышленников на неограниченные ничем требования рабочих могут служить такие заявления представителей Петербурга (Петербургское Общество Заводчиков и Фабрикантов). М. Н. Триполитов: «Честные работники не станут получать платы за прогульные дни. Этим честных рабочих со времени Зубатова и Гапона побуждают к ряду хищений. Мы все трудимся и никто из нас не думает быть вознаграждённым за ничегонеделание». Представитель от польских горнопромышленников В. В. Жуковский: «Действительность такова, что в продолжение двух лет повсеместно происходили организованные стачки. Значительная часть их возникла на почве намерений получать плату за ничегонеделание. Промышленники готовы идти на жертвы в пользу рабочих, но несправедливым требованиям их всё же нельзя потакать. Фабриканты отстаивают принцип промысловой дисциплины, которая является залогом дисциплины труда».

Французский и бельгийский капитал, а вместе с ними и управленцы, инженеры, представители банков в составе правлений предприятий чрезвычайно сильны были на Юге Империи (Малороссия, Донецкий каменноугольный и железорудный район). Примерами их учредительства можно назвать: Донецкое Общество железоделательного и сталелитейного производств (Дружковский завод, в Екатеринославской губернии); Донецко-Юрьевское металлургическое Общество; Общество Екатеринославских (Донецких) железоделательных и сталелитейных заводов; Генеральное Общество чугуноплавильных, железо- и сталелитейных заводов в России – Макеевские заводы (правление Общества в Париже, заводы в селе Макеевка, Области Войска Донского), Общество судостроительных, механических и литейных заводов в Николаеве; Акционерное Общество «Русский Провиданс» и другие. Все эти предприятия объединялись с 1902 г. единым синдикатом официально называемым «Общество для продажи изделий русских металлургических заводов» или «Продамета», в который входило 23 предприятия Юга, Царства Польского и даже по одному от Петербурга и Урала. Большая часть этих предприятий создавалась при решающем участии банков: Banque d'Escompte de Paris (Парижский Учётный банк), Banque de l'Union Parisienne (Банк Парижского Союза), Banque de Paris et des Pays-Bas (Парижско-Нидерландский банк), Societe General de Credit Mobilier (Генеральное общество «Креди Мобилье»), Credit Lyonnais («Лионский кредит»). Не менее значительно обнаружилось участие французского капитала и в развитии промышленности Петербурга, особенно военной. «В 1879 – 1881 гг. французские банки приняли участие и в реорганизации двух старых заводов в Петербурге, принадлежавших выходцу из Шотландии Дж. Берду. Для переоборудования одного из них Берд совместно с французской металлургической компанией «Терр Нуар» учредил в Петербурге в марте 1879 г. Товарищество Бердовского сталелитейного завода. С июня 1880 г. оно стало называться Товариществом Александровского сталелитейного завода, а в 1894 г. было преобразовано в акционерное общество под тем же названием. Становлению этого предприятия способствовала Парижская учётная контора, предоставлявшая ему при посредничестве Петербургского учётного и ссудного банка кредиты на покупку в Англии чугуна. Другой завод, принадлежавший Берду, приобрело Общество Франко-Русских заводов, основанное в Париже в 1880 г. Его учредителями были владелец металлургического завода в Стефануа J. –V. Marrel, лионский банкир F. Guerin и др. Генеральное Общество, проведя совместно с Генеральным союзом подписку на акции общества, получило два места в его административном совете. Их заняли администраторы Генерального общества E. Blount и G. Deniere. Допущенное к деятельности в России в мае 1881 г. общество Франко-Русских заводов построило на месте приобретённой им небольшой верфи крупное промышленное предприятие, которое стало производить судовые машины, паровые котлы, медный прокат и пр.» (Бовыкин В. И. Французские банки в России.

Конец XIX – начало XX в. М., 1999. С. 33 – 34). Совместно с бельгийской фирмой Шодуар промышленная группа Лавейсьера, связанная с Парижской учётной конторой, учредила в том же 1881 г. в Петербурге Общество меднопрокатного и трубного завода (бывшее Розенкранца). В советское время, как и ныне, это предприятие сохраняет своё значение и известно под именем «Красный Выборжец». Добавим, что все названные предприятия приобрели исключительно важное значение в металлургии и машиностроении Империи. Как производители они получили всероссийскую известность, каждое в своём роде и отрасли.

Оборонная промышленность. Борьба ведомств вокруг военных заказов и отношения к частной промышленности.

Самым обычным заблуждением считается то, будто военная промышленность настолько особенна и специальна, что о ней возможно говорить отдельно и не связывая с целым. На самом деле военная индустрия целиком зависит от общего уровня национальной промышленности. Следовательно, военная промышленность только часть целого и часть не отдельная и особая, а неразрывная, хотя и весьма специфическая. Во время войны, наоборот, всё подчиняется и приспособливается к одной цели – ведению войны и достижению победы. Вся экономика любой модели и отношений перестраивается в интересах обороны.

Участие России в мировой войне во многом предопределило и политический кризис Империи, и падение династии Романовых, и начало в стране гражданской войны. Экономический организм России оказался всё же прочнее её социального положения. И, тем не менее, кризис Империи, как хорошо известно, начался именно с экономики, а, точнее, с так называемого «кризиса вооружений». Этот кризис оказался частью преодолимым, а со временем потерял остроту катастрофы. Важно, однако, помнить, что подготовка к войне ведётся государством за долгие годы до её начала, когда возникают и развиваются сильные и крупные производители вооружений. Ни за год, ни за два такую ситуацию не создать.

В России многие десятилетия развивалась преимущественно казённая военная промышленность. Она достигала выдающихся успехов в своём развитии, но сталкивалась с такими проблемами в управлении, возможностях и средствах, которые делали её совершенно недостаточной для колоссальных военных потребностей. Споры о том, как распорядиться казёнными заводами, почему они хронически не успевают, как стимулировать их работу, не прекращались. Выдвигались самые разные предложения, вплоть до продажи или отдачи (не в первый раз) казённых заводов в аренду частным предпринимателям. Критика и бессилие казённой промышленности не прекращались, несмотря ни на какие успехи. Русско-японская война была серьёзным предупреждением в адрес всецело казённой промышленности и общей политики правительства в этом вопросе.

Ни одна часть промышленности не испытывала такого бурного и напряжённого темпа в своих изменениях, как отрасли, связанные с обороной Империи. Развитие в

этой сфере определялось гонкой вооружений, которая задавалась отнюдь не Россией. Если в гражданских отраслях можно было «позволить себе отставание», то в военном деле это было безответственной роскошью. Хотя Империя едва успевала перевооружаться вслед за своим опаснейшим противником – Германией, хотя она уступала последней в возможностях быстрого развёртывания военных производств и особенно, массового производства, тем не менее она вынуждена была работать с большим напряжением и неустанно следить за всеми нововведениями и технологиями, перенимать их и развивать собственные, вкладывать интеллектуальные и творческие силы и средства в дело обороны.

Важнейшей особенностью политики России того времени в оборонной сфере было то, что в отличие от стран Запада (Германии, Франции, Великобритании, Австро-Венгрии, Италии и США) Империя не экспортировала собственные вооружения другим государствам, как по этическим, так и по разным иным мотивам, в основном политического свойства. Однако такая политика лишала возможности и российских частных производителей конкурировать в борьбе за рынки оружия. Ни Военное, ни Морское министерства не были заинтересованы, а законодательно не имели и права санкционировать экспорт вооружений. Однако большинство зарубежных производителей именно в области экспорта развивали свои возможности, особенно, когда в их собственных странах военных заказов было немного или не было вовсе. Российские же производители были и вовсе лишены такой привилегии.

Следует не забывать, что в России, как и на Западе к концу XIX века, казённая военная промышленность уже не в состоянии была одна справляться с огромными и всё возрастающими требованиями гонки вооружений и колоссальных затрат с ней связанных. Частная промышленность и в России неуклонно увеличивала свой вес, вклад в дело обороны. Но положение её было далеко не блестящим, хотя общепринято рассуждать о «баснословных барышах» именно военной частной промышленности в России. Во-первых, барыши эти оказывались всякий раз скромнее ожидаемых, так как оборонные министерства не соглашались премировать производителей за их большие затраты в самых новых и сложных, следовательно, весьма дорогостоящих производствах. Во-вторых, расчёты на массовые заказы частным производителям, чтобы таким образом компенсировать расходы по установлению производства, оправдывались не часто и весьма ограниченно, так как ведомства старались не давать крупные заказы в одни руки, а распределяли их, по возможности, между несколькими производителями. В третьих, постоянными конкурентами частных производителей выступали в России казённые заводы, работавшие по низким ценам, а часто просто убыточным. Причём, если убытки казённых заводов покрывались из средств самого же казначейства, убытки частных фирм покрывались только новыми казёнными заказами или выгодами от производства других предметов. Вот почему строго специализированной на

военных заказах частной промышленности в России почти не было. Хотя не было её в чистом виде и на Западе. Прибыль от военных производств могла быть значительной, но не долговременной. Понять причину этих прибылей не так уж сложно.

Прибыль получалась из авансов, которые по контракту следовали производителю. Эти авансы и шли на уплату дивидендов по акциям. Однако, выполнение заказа ещё предстояло, как и масса расходов в дальнейшем, часто не менее значительных, чем вся сумма контракта. Поэтому-то в ходе выполнения работ требовались дополнительные кредиты для оборотных средств. Так предприятия попадали в зависимость от банков. Но эта зависимость не была дешёвой или выгодной производителю. Для него не было выбора. Казна или ведомства не желали субсидировать частных производителей сверх контракта, что и приводило к усилению власти банков над производителем. В таком положении оказывались все крупнейшие производители вооружений в России: Путиловский завод, Александровский сталелитейный, Тульский меднопрокатный и патронный, Невский судостроительный, Франко-Русский и другие.

Современников поражали многомиллионные контракты, которыми сопровождалось развитие военной индустрии. Многих раздражало, что собственниками именно этих предприятий оказывались иностранцы, банкиры и биржевые спекулянты. Экономическая безграмотность, а часто и полное нежелание разбираться в «тонкостях обмана», которыми владели господа «наши капиталисты», вели к тому, что миф о фантастических барышах был прочнее всякой действительности. О капиталистах судили по их образу жизни, роскоши, с которой они «проматывали целые состояния» за казённый счёт. Хотя к экономическим проблемам эта внешняя сторона не имела никакого отношения. Спекулянта или банкира олицетворяли с инженером и директором завода, не делая никакой разницы между теми, кто жил «из процентов» и «комиссионных» и теми, кто за свой гонорар отвечал за каждодневное производство, управление им, заботился о кадрах и дисциплине труда.

Но все успехи и возможности частной промышленности не меняли традиционного стремления ведомств, особенно Военного министерства, опираться на собственные казённые заводы. Именно от Военного министерства зависела судьба России в предстоящей тяжёлой мировой войне. Министр финансов В. Н. Коковцов в своих воспоминаниях писал о работе военных накануне войны: «...Военное министерство достигало только внешнего успеха – имело в своём распоряжении большие денежные средства, но не подвигало нашей боевой способности ни на один шаг; отпущенные средства накапливались в кассе Военного министерства, заказы продолжали выполняться с необычайной или, вернее, обычной волокитой и окончание их становилось ещё того медленнее. Но моё положение [то есть министра финансов – О. А.] было просто безвыходное. Я видел безнадёжность увеличивать кредиты из года в год, говорил об этом громко и

открыто везде, где только мог, но был лишён всякой возможности проводить свои взгляды. Военный министр инсинуировал на мой счёт у Государя, Государственная Дума резко критиковала его способы распоряжаться ассигнованными средствами, но высказывалась всегда за усиление кредитов ...» (Коковцов В. Н. Из моего прошлого. Воспоминания 1903 – 1919 гг. Книга 2. М., 1992. С. 95.). Речь при этом шла о положении 1913 года, когда до войны оставалось не менее одного года. Принципиально борьба ведомств финансового и военного, в которой приняли участие и другие министры, относилась к следующим вопросам:

- казённые заводы не справляются с получаемыми заданиями ни по срокам, ни по количеству изделий;
- система управления казёнными заводами никуда не годится (эти положения разделяли практически все в правительстве, в их числе и министры военный и морской);
- частная промышленность на Западе, подобно Круппу в Германии, делает огромные успехи и в России надо более решительно и последовательно встать на этот путь (позиция Министерства финансов, Министерства торговли и промышленности и Морского министерства);
- казённая промышленность – основа всей «силы Империи», её величия и престижа, закрывать или ограничивать казённые заводы в работах нельзя. Частная промышленность в оборонной индустрии не должна доминировать, потому что «высшие интересы» государства и частные интересы (прибыли, наживы, диктование цен казне) несовместимы по своей природе и смыслу. Государство в России не должно зависеть от частных лиц в деле обороны, тем более, что эти лица сплошь и рядом иностранцы, евреи, биржевые спекулянты и вообще не подданные Империи. Такое мнение высказывали Государственный Контроль, Горный Департамент, Министерство Внутренних Дел и само Военное министерство.

В таких спорах проходили годы. Фактически же военные были вынуждены под давлением обстоятельств и потребностей всё больше и чаще передавать заказы в частные руки, уступая обстоятельствам и срочности решений.

Напомним, какие казённые предприятия в России специально работали на оборону:

- Императорский Тульский оружейный завод;
- Ижевские оружейный и сталелитейный заводы;
- Сестрорецкий оружейный завод;
- С.-Петербургский патронный завод;
- Луганский патронный завод;
- Охтенский пороховой завод и Охтенский завод взрывчатых веществ в Петербурге;
- С.-Петербургский трубочный завод;
- Казанский пороховой завод;

- Михайловский Шостенский пороховой завод в Черниговской губернии;
- завод военно-врачебных заготовлений в Петербурге.

Оценка современника. О положении промышленного предпринимателя в России. В мае 1914 г., выступая на VIII съезде представителей промышленности и торговли, устами авторитетного и давнишнего представителя съездов Ю. П. Гужона, было заявлено: «Мы всё время о чём-то ходатайствуем, ходатайствуем по разнообразнейшим вопросам, но всё время ходатайствуем безрезультатно, к нам не прислушиваются. ... Лучший ответ наш министру может выразиться в том, чтобы не делать того, что министр нам предлагал. Я уже 44 года имею дело с министрами финансов и торговли и промышленности. Я знал 10 министров, и должен сказать, что такого тяжёлого времени у нас ещё не было. Вся беда, что наше министерство финансов буквально порабощено министерством внутренних дел. При этом им порабощено не одно только министерство торговли, но и другие ведомства. Эту тяжёлую руку мы чувствуем повсюду. Особенно сильно влияние министерства внутренних дел в рабочем вопросе. Мы больше не хозяева своих предприятий. Если это положение будет продолжаться, мы все вылетим в трубу». (Цит. по: Финансовая жизнь. 1914 г. май. С. 29).

О необходимости дешёвого народного кредита. Мнение С. Ю. Витте. «В последние годы кредит для народных масс не только не развивался в соответственном темпе, но остался в том же эмбриональном состоянии. За последние 3 – 4 года кредит для представителей денежной аристократии вырос до размеров фантастических. С 1-го октября 1910 года учётно-ссудные операции в Государственном банке составляли максимальную цифру – 385.000 руб. В 1913 г. эти учётно-ссудные операции достигли колоссальной цифры – 1.100.000.000 руб., то есть превысили такие же операции и германского и французского банков. Куда же пошли эти ссуды? Исключительно для обслуживания высших классов. Высших не в смысле сословном, а в смысле денежном. Кредит шёл, главным образом, для представителей денежного и, вернее, спекулятивного элемента страны. Для масс же русского народа, для низших классов в соответствии с этим ростом кредита не было сделано ничего существенного, и это в те три года, когда проводилась в жизнь крестьянская реформа, которая, несомненно, требовала одновременного развития соответственного широкого кредита для низших слоёв населения. На эту сторону дела по моему глубокому убеждению, надо обратить самое серьёзное внимание». (Это интервью см. «Биржевые известия». 1914. 20 февраля. № 2005. С. 1. Граф С. Ю. Витте о национализации кредита.)

«Россия – страна слонов». Мнение современника. В. В. Жуковский о слабой доступности кредита для не крупной промышленности в России. «Благодаря условиям нашего кредита, его малодоступности Россия до сих пор почти исключительно страна крупной промышленности... Между тем, несомненно, что без мелких и средних предприятий развитие и крупной промышленности

односторонне. Без них немислимо, например, развитие массового машиностроения, и самое насаждение промышленности идёт сверху, а не развивается естественно, путём развития и роста наиболее здоровых и жизненных мелких предприятий». (Гиндин И. Ф. Банки и экономическая политика в России (XIX – начало XX в.). Избранное. Очерки истории и типологии русских банков. М., 1997. С. 263. Цит. по: Жуковский В. В. Промышленный кредит//О мерах к развитию производительных сил России: Доклад Совета съездов IX съезду представителей промышленности и торговли. Пг. 1915). Советский исследователь И. Ф. Гиндин так комментировал это замечание применительно к политике банков: «Для полноты картины надо ещё отметить, что учредительство н о в ы х предприятий русскими банками имело место лишь в единичных случаях и почти исключительно в отраслях, обеспеченных казённой поддержкой или работавших на казну (военная промышленность, судостроение и т. д.)». (Гиндин И. Ф. Указ. соч., С. 263.).

Мнение современника. Д. И. Менделеев об общине в истории России. «Общинное крестьянское землевладение, господствующее в России, включает в себе начала, могущие в будущем иметь большое экономическое значение, так как общинники могут, при известных условиях, вести крупное хозяйство, допускающее множество улучшений... а потому я считаю весьма важным сохранение крестьянской общины, которая со временем, когда образование и накопление капиталов придут, может тем же общинным началом воспользоваться для устройства (особенно для зимнего периода) своих заводов и фабрик. Вообще, в общинном и артельном началах, свойственных нашему народу, я вижу зародыш возможности правильного решения в будущем многих из тех задач, которые предстоят на пути при развитии промышленности и должны затруднять те страны, в которых индивидуализму отдано окончательное предпочтение, так как, по моему мнению, после известного периода предварительного роста скорее и легче совершать все крупные улучшения, исходя из исторически крепкого общинного начала, чем идя от развитого индивидуализма к началу общественному». (Цит. по: Платонов О. А. Русский труд. М., 1991. С. 55).

Оценка современника. И. И. Тхоржевский о крестьянской реформе и её творцах. «Крестьянским хозяйствам нужна их личная собственность на землю, без этого не может быть ни кредита, ни прочных сельскохозяйственных улучшений, ни вообще здорового государственного будущего России. Вот что сразу понял Витте в земельном вопросе. Он не уставал повторять Риттиху: «Да ведь это чёрт знает как важно!» говорил: «Кому нужна была община? Только власти для удобства управления и денежных сборов. Понятно, что пастуху проще гонять целое стадо, нежели возиться с каждой овцой отдельно. Но ведь тут не стадо, а народ, люди! Люди же рано или поздно во всех странах захотят жить по-человечески». ... Виттевское Совещание, проработав два с половиной года, было закрыто (происками правых) весной 1905 года, неожиданно для самого Витте, и не принесло прямых

результатов. Но оно успело оставить ценнейшие материалы, которые легли всецело в основу столыпинской земельной реформы 1907 года. ... От Витте унаследовал Столыпин и деловой состав работников земельной реформы во главе с Риттихом. ... Я был деятельным участником реформы и при Столыпине. Но с удовольствием вспоминаю, что ещё для Витте, в 1904 году, лично мною был составлен «журнал сельскохозяйственного Совещания» – о крестьянской судьбе», подчёркивавший, что в области правосудия крестьяне были на особом положении. Немногие даже из русских людей знают и чётко сознают, что справедливо прославленный на весь мир русский суд [видимо, имеется в виду судебная реформа 1864 г. – О. А.], свободный и независимый, созданный судебными уставами Александра II, на крестьян, т. е. на девять десятых русского населения, не распространялся. В самом важном для них, в делах земельно-имущественных, крестьяне ведались волостными судами, т. е. своими односельчанами, подвластными земским начальникам, т. е. администрации». (Тхоржевский И. И. Последний Петербург. Воспоминания камергера. СПб., 1999. С. 59 – 62.).

Мнение современников. О роли казны в экономической жизни России. Шимановский М. Ф. на XXVII съезде горнопромышленников Юга России (1903 г.): «Казна представляет собою единственного распределителя по всем заказам, относящимся к морскому и военному ведомствам, вместе с тем является в настоящее время владельцем 70% всех российских железных дорог. При столь обширных границах казённого хозяйства на казённые заказы... нельзя смотреть, как на чисто казённые, ибо они в действительности представляют часть, и при том весьма значительную часть, собственно говоря, народного потребления». **Из доклада А. Г. Дезена на VI очередном съезде представителей промышленности и торговли (1910 год):** «При крайне низкой покупательной способности русского населения казна является главнейшим, а подчас и единственным потребителем продуктов производства. Целые отрасли промышленности были вызваны к жизни мероприятиями казны, оказавшей им соответствующую поддержку, и могут существовать лишь при наличности казённых заказов». (Лившин Я. И. Монополии в экономике России. Экономические организации и политика монополистического капитала. М., 1961. С. 367). **Председатель правления и крупнейший пайщик Московско-Казанской железной дороги Н. К. фон-Мекк, в 1923 г.:** «После всего нами пережитого меня совсем не страшит и не смущает, что советское правительство национализировало огромную часть хозяйства страны. У нас всегда и в прошлое время, при царском режиме, очень значительные отрасли принадлежали государству. Кажется, ни в одной стране мира не была так широко проведена национализация. У нас военные заводы принадлежали государству, ему принадлежали недра, огромные лесные площади, земли, винная монополия, а железные дороги, как правило, выкупались у частных лиц и становились государственными.» (Валентинов Н. (Н. Вольский). Новая экономическая политика

и кризис партии после смерти Ленина: Годы работы в ВСНХ во время НЭП. Воспоминания. М., 1991. С. 62 – 63).

Из заявления горнопромышленников Урала в записке на имя Николая II 9 марта 1905 г. о промышленном законодательстве России: «В России нет ни твёрдо обеспеченного правопорядка, ни гражданской свободы, и в этом лежит главная причина тех неурядиц, которые приходится переживать нашей промышленности... Отсталость законодательства от жизни особенно вредно отзывается на такой подвижной и чуткой отрасли человеческой деятельности, как промышленность. Об отсталости и медлительности нашего законодательства можно судить по следующим примерам. Реформа акционерного законодательства стоит на очереди более 30 лет. Пересмотр паспортной системы потребовал около 45 лет и до сих пор ещё не закончен в самой важной своей части – отмене паспортов. Издание нового вексельного устава было плодом работы 12-ти комиссий на протяжении 55 лет. Устройство поземельных отношений на Урале тянется уже столетия, причём самые отношения эти не были предметом специального изучения, а посессионное право является пережитком устройства, введённого в жизнь много более века назад. Представляется совершенно невероятным, что такой ясный и простой вопрос, как предоставление права промышленникам технически готовить своих рабочих в мастерских и на курсах, разрешён только два года назад, да и то с большими ограничениями; при окончательном рассмотрении этого проекта в законодательном порядке заявлялось, что обучение такого рода не мирится с нашим режимом».

Мнение графа С. Ю. Витте о положении иностранного капитала в России. Из речи в марте 1910 г. в Государственном Совете: «... Далее оратор говорит о стеснениях промышленности и торговли, которые, по его мнению, заключаются в том, что ни одно общество, ни одно крупное промышленное действие не может быть сделано без административной высшей санкции, «этого, говорит оратор, нигде в мире нет, где развивается промышленность и торговля, там существует известная экономическая свобода экономических и денежных отношений. Вот уже несколько лет, как во всех речах и программах мы говорим об иностранных капиталах. Но пока мы ясно себе не определим того, что иностранные капиталы тесно связываются с их владельцами, до тех пор всё это – пустые разговоры. Я несколько не критикую, я только указываю, что нигде в свете не существует такого положения вещей, чтобы говорили: вот такие-то лица допустимы, например, в члены правления, а такие-то лица не допустимы. Может быть, это в России нужно, но этого нигде нет.» (Биржевые известия. 1910. 31 марта. № 919. С. 1. Бездефицитный бюджет и государственная оборона.)

На вопрос об отношении правительства Николая II к приливу иностранных капиталов в Империю можно заметить следующее. Во-первых, иностранный капитал всё более значительно влиял на промышленный рост и экономическое развитие страны в целом. Зависимость от иностранных инвестиций в

промышленность России становилась столь высока, что именно с ней связывали даже промышленные кризисы, и в частности крупнейший из них 1899 – 1903 гг. Во-вторых, с иностранным капиталом тесно был связан и банковский еврейский капитал, который считался опасным для целостности Империи. Отношение же к иностранцам было настороженным по идеологическим причинам: вероисповедным, националистическим (патриотическим) и традиционно-консервативным. Считалось, что иностранцы ищут выгоду только для себя в России, но при этом не заботятся о благе Империи и её народа. Кроме того, иностранцы эксплуатируют национальные богатства страны, но не стремятся их беречь в России, а вывозят в качестве чистой прибыли за границу, к себе на родину.

Дворянство и купечество. Заявление П. П. Рябушинского. Известный представитель московского купечества П. А. Бурыйшкін вспоминал, как в 1912 г. П. П. Рябушинский в одной из своих знаменательных речей вдруг заявил: «Русскому купечеству пора занять место первенствующего сословия, пора с гордостью носить звание «русского купца», не гоняясь за званием выродившегося русского дворянина». «Последние слова носили весьма злободневный характер, пишет Бурыйшкін, когда «в газетах появилось сообщение, что известный московский промышленник главный руководитель Прохоровской Трёхгорной мануфактуры Н. И. Прохоров возведён, со всей своей семьёй, в «потомственное российское дворянское достоинство». Речь Рябушинского далеко не всем понравилась. Заключительные слова вызвали даже протесты. Большинство нашло её неуместной, в особенности в устах «официального представителя» Московской биржи; другие сочли неудачным выпад против Н. И. Прохорова, который пользовался общим уважением; наконец, некоторые заявили, что, давая такую характеристику русскому дворянству, нельзя этого делать вообще ...». (Бурыйшкін П. А. Москва купеческая. М., 1991. С. 281 – 282).

Отношение к дворянству не было, конечно, столь категорическим в деловых кругах России, где многие и русские, и «русские иностранцы», бывшие российскими подданными, получали или добивались дворянского звания (Нобели, Ф. К. Сан-Галли, Штиглицы, Кнопы), многие представители самого же московского купечества. Показательно в этой речи, что купечество категорически противопоставлено дворянству. Не дворянство своими капиталами и энергией создало богатство России. Напротив, устами А. Н. Островского дворянство «продало» не только жизнь свою и своих детей, но и «проело свой золотой век». Теперь же, в начале XX века российское дворянство представляло собой самого привилегированного просителя. Дворяне просили о ссудах, о рассрочке давней задолженности, о запрете дробить или отчуждать, продавать за долги их поместья, о борьбе с иностранным засильем и т. д.

Экономика России в мировой войне 1914 – 1918 гг. В этом вопросе следует обсудить следующие моменты: 1. Подготовку России к большой европейской войне,

начиная с 1910 г. Готовность военной экономики Империи к расширению и мобилизации на случай войны. 2. Как война отразилась на положении промышленности и населения. 3. Внутриполитические факторы войны.

Говоря о влиянии мировой войны на экономическое положение России, следует иметь в виду двойственный характер его. С одной стороны, возник целый ряд проблем, ввергнувших экономику в перманентный кризис: сначала – нехватка производства боеприпасов, затем нарастающий дефицит в угольном топливе для заводов, хронический недостаток металлов, перебои и перегрузка в работе железных дорог для перевозки военных грузов и сырья. На втором году войны выросли до огромных размеров закупки Россией у стран Антанты и в США специального заводского оборудования, готовых машин (авиационных двигателей и других военного назначения), специальных материалов и взрывчатых веществ, боеприпасов для артиллерии, тяжёлых орудий и винтовочных патронов. Россия рассталась с золотым рублём и вынуждена была производить огромные внешние займы в иностранных валютах (фунтах стерлингов, франках, долларах). Естественно, были свёрнуты всякие торговые и промышленные связи с важнейшим внешнеторговым партнёром России – Германией. Удары по финансово-экономической стабильности Империи оказались очень тяжелы. С другой стороны, развитие России продолжалось в направлении, хотя и одностороннем, но усиленном войною, а именно - сверхиндустриализация на основе военного производства и отраслей, связанных с войной. Так называемая «мобилизация промышленности» означала главным образом использование национальных ресурсов в исключительных условиях и экстренное развитие таких производств, которые ранее были обязаны иностранному капиталу в России. Роль государства, как и казённая индустриализация многократно возросли. Частная промышленность оказывалась под ещё большим воздействием политики государства, чем до войны. В условиях же обострившейся внутриполитической борьбы экономические факторы отступали на второй план. Не экономика и её успехи или кризисное состояние определяли теперь, в 1917 году, историческое развитие Империи. Политическая борьба по-новому определяла все социальные измерения: частную собственность и отношение к ней новой власти, реформы в деревне и положение города, роль государства и отношение к нему в обществе.

4. Планы семинарских занятий.

4.1. Экономика России XVIII века. Проблемы и особенности. Пётр I и его «эпоха» (4 часа)

Семинар 1

1. Россия накануне реформ Петра I. Состояние экономики и особенности развития.
2. Проблема преодоления идейно-психологической изоляции страны на фоне общего развития стран Западной Европы. Россия и Запад: проблема совместимости и допустимости заимствований.
3. Пётр I как личность и государственный реформатор. Мотивы петровских реформ. Отношение к реформам в окружении царя и в среде аристократии. Царь и народ.

Семинар 2

Реформы Петра I: цель, направления и первые результаты. Влияние войны на «преобразования». Система государственного управления и регламентации. Роль государства в экономическом развитии России в начале 1700-х гг. Меркантилизм.

Средства реформ, военно-принудительный характер перемен.

Итоги реформ: ожидания и результаты. Перемены в сознании дворянства. Последователи и противники проведённых реформ. Отношение к реформам в среде духовенства и народа. Экономическое положение России к 1725 г. среди великих держав.

Значение Балтийского моря и Петербурга для последующего развития России.

Литература

1. Анисимов Е. В. Государственные преобразования и самодержавие Петра Великого. М., 1997.
2. Анисимов Е. В. Податная реформа Петра I. Введение подушной подати в России (1718 – 1728 гг.). Л., 1982.
3. Анисимов Е. В. Царь и город. Петровский Петербург. СПб., 2004.
4. Беспярых Ю. Н. Петербург Петра I в иностранных описаниях. СПб., 1991.
5. Город великого Ленина. Л., 1957. см. С. 149 – 234. см. раздел «Промышленность».
6. Ковнир В. Н. История экономики России. М., 2005.
7. Кошелева О. Люди Санкт-Петербургского острова Петровского времени. М., 2004.
8. Мавродин В. В. Основание Петербурга. Л., 1983.
9. Мартынов М. Н. Горнозаводская промышленность на Урале при Петре I.

Свердловск. 1948.

10. Никифоров Л. Н. Русско-английские отношения при Петре I. М., 1950

11. Очерки истории Ленинграда. Том III. Период империализма и буржуазно-демократических революций. М. – Л., 1956.

12. Россия в период реформ Петра I. М., 1973.

13. Семёнова Л. Н. Быт и население Петербурга. (XVIII в.) М., 1998.

14. Семёнова Л. Н. Рабочие Петербурга в первой половине XVIII века. Л., 1974.

15. Спиридонова Е. В. Экономическая политика и экономические взгляды Петра I. М., 1952.

16. Шейнин Л. Б. Петербург и российский меркантилизм. Эпоха Петра I. М., 1997.

4.2. Экономическое развитие в послепетровские годы, 1725 – 1762 (2 часа)

Характер политического и экономического развития России после смерти Петра I. Последствия «экономического рывка» петровского времени.

Роль дворянства как господствующего сословия для экономической политики Империи.

Состояние государственного бюджета. Положение крестьянства. Причины незаинтересованности аристократии в переменах социального и экономического плана.

Привилегии как основа политического управления самодержавия. Дворяне и купцы.

Литература

Анисимов Е. В. Податная реформа Петра I. Введение подушной подати в России (1718 – 1728 гг.). Л., 1982.

Город великого Ленина. Л., 1957. см. С. 149 – 234. Промышленность.

Заозерская Е. И. Мануфактура при Петре I. М.; Л., 1947.

Заозерская Е. И. Развитие лёгкой промышленности в Москве в первой четверти XVIII века. М., 1953.

Заозерская Е. И. У истоков крупного производства в русской промышленности XVI – XVII веков. К вопросу о генезисе капитализма в России. М., 1970.

Захаров В. Н. Западноевропейские купцы в России. Эпоха Петра I. М., 1996.

Кашинцев Д. А. История металлургии Урала. М., 1939.

Коваленко Г. М. Первые металлургические заводы в Карелии. (1670 – 1703). Л., 1979.

Лотарёва Р. М. Города-заводы России. XVIII – первая половина XIX века. Екатеринбург. 1993.

Мавродин В. В. Основание Петербурга. Л., 1983.

Мартынов М. Н. Горнозаводская промышленность на Урале при Петре I. Свердловск. 1948.

Очерки истории Ленинграда. Том III. Период империализма и буржуазно-демократических революций. М. – Л., 1956.

Семёнова Л. Н. Быт и население Санкт-Петербурга (XVIII в.) М., 1998.

Семёнова Л. Н. Рабочие Петербурга в первой половине XVIII века. Л., 1974.

Спиридонова Е. В. Экономическая политика и экономические взгляды Петра I. М., 1952.

Туган-Барановский М. И. Избранное. Русская фабрика в прошлом и настоящем. Историческое развитие русской фабрики в XIX веке. М., 1997.

Тульский металл в истории российской промышленности и предпринимательства. Тула. 1992.

Шейнин Л. Б. Петербург и российский меркантилизм. Эпоха Петра I. М., 1997.

4.3. Экономическое развитие во время правления Екатерины Великой и Павла I 1762 – 1800 гг. (4 часа)

Семинар 1

Внешние успехи правления Екатерины II. Войны, рост Империи, политическое могущество России в Европе.

Роль и положение дворянства.

Крепостное право – экономическая основа Империи.

Перемены в культуре и начало национального самосознания.

Семинар 2

Развитие и возможности в условиях войн и крепостного хозяйства.

Влияние абсолютизма на перемены в экономическом положении. Тарифы, купечество, торговля и казённый сектор.

Литература

Булыгин И. А. Монастырские крестьяне России в первой четверти XVIII века. М., 1977.

Голикова Н. Б. Привилегированные купеческие корпорации России XVI – первой четверти XVIII в. М., 1998.

Государственность России: Словарь-справочник: в 4-х книгах. М., 2001.

Посошков И. Т. Книга о скудости и богатстве и другие сочинения/ Под редакцией и с комментариями Б. Б. Кафенгауза. М., 1951.

Репин Н. Н. Внешняя торговля и социально-экономическое развитие России в XVIII в. (Архангельский и Петербургский порты). Омск. 1989.

Тарле Е. В. Сочинения. М., 1958. Том IV. С. 441 – 468. Статья. Была ли екатерининская Россия экономически отсталой страной?

Тыдман Л. В. Изба, дом, дворец. М., 2000.

Юркин И. Н. Тульский завод Демидовых. 1695 – 1782. Из истории становления и развития доменной металлургии России. М., 1996.

Юхт А. И. Государственная деятельность В. Н. Татищева в 20-х – начале 30-х годов XVIII в. М., 1985.

4.4. Развитие во время Александра I. 1800 – 1825 гг. Растущий кризис крепостничества

(2 часа)

Связь экономики и политики

Война с наполеоновской Францией и экономика Империи: участие России в континентальной блокаде, состояние финансов, общее хозяйственное разорение

Крестьянский вопрос при Александре I

Преобразования в сфере государственного управления. Министерства

Литература

1. Барышников М. Н. История делового мира России. М., 1994.
2. История СССР. С древнейших времён до 1861 года. Под редакцией профессора П. П. Епифанова, В. В. Мавродина. М., 1983.
3. Корнилов А. А. Курс истории России XIX века. М., 1993.
4. От голландского капитана до российского министра. Франц Павлович де Волан. СПб., 2001.
5. Франко-русские экономические связи. М., – Париж. 1970.

4.5. Правление Николая I. 1825 – 1856 гг. Кризис системы, осознание отсталости

(4 часа)

Семинар 1

Усиление и рост бюрократического аппарата. Полицейские черты и надзор над личностью.

Рост населения в центральных чернозёмных губерниях. Крестьянский вопрос в правительстве как вопрос государственной безопасности.

Семинар 2

Крепостнический характер экономики России и влияние его на темпы развития. Ухудшение положения помещиков.

Учреждение в 1837 г. Министерства Государственных Имуществ и его назначение.

Постройка железной дороги Петербург – Москва в 1842 – 1852 гг., значение этой дороги в жизни и экономике Империи.

Литература

1. Боровой С. Я. Кредит и банки России (середина XVII в. – 1861 г.). М., 1958.
2. Вопросы генезиса капитализма в России. Л., 1960. – см. Окунь С. Б. К истории таможенного тарифа 1850 г.
3. Вопросы истории России XIX – начала XX века. Межвузовский сборник. Л., 1983. / см. Захарова Л. Г. Записка Н. А. Милютина об освобождении крестьян (1856 г.). С. 24 – 33. / Н. И. Яковкина. О реорганизации помещичьего хозяйства в начале XIX в. С. 45 – 56. [проекты Н. С. Мордвинова и А. А. Аракчеева]. / Поляков В. Л. Таможенная политика начала XIX в. и её влияние на развитие русской промышленности. С. 68 – 80. / Семёнов Л. С. Таможенная политика в 40 – 50-е годы XIX в. и промышленный переворот. С. 81 – 88.
4. Гавлин М. Л. Предприниматели и меценаты. М., 2005. [Строгановы, Демидовы, Мальцовы, Боткины, фон Мекк].
5. Золотов В. А. Внешняя торговля южной России в первой половине XIX века. Ростов-на-Дону. 1963.
6. Киняпина Н. С. Политика русского самодержавия в области промышленности (20 – 50-е годы XIX века). М., 1968.
7. Ковальченко И. Д. Русское крепостное крестьянство в первой половине XIX в. М., 1967.
8. Корнилов А. А. Курс истории России XIX века. М., 1983. Лекция V, VI, VII – XI. С. 56 – 140.
9. Очерки экономической истории России первой половины XIX в. Под ред. М. К. Рожковой. М., 1959.
10. Проблемы социально-экономической истории России. М., 1971. – см. Нифонтов А. С. Внешняя торговля России во время Восточной войны 1853 – 1856 гг.
11. Рожкова М. К. Экономическая политика царского правительства на Среднем Востоке во второй четверти XIX в. и русская буржуазия. М., 1949.
12. Семёнов Л. С. Россия и Англия. Экономические отношения XIX века. Л., 1975.
13. Хромов Н. А. Экономическое развитие России в XIX – XX веках (1800 - 1917). М., 1950.

4.6. Правление Александра II. 1856 – 1881 гг. Индустриальное развитие и проблемы темпов. Община и город

(6 часов)

Семинар 1

Необходимость отмены крепостного права и её значение. Сторонники и противники проведения крестьянской реформы.

Последующие реформы: краткое изложение их смысла и связи.

Положение крестьянства в результате манифеста 19 февраля 1861 г. Последствия отмены крепостного права.

Семинар 2

Положение дворянства в связи с отменой крепостного права.

Развитие крупной городской промышленности и общие перемены в стране в 1860-х – 1870-х годах.

Появление крупных акционерных коммерческих банков в Петербурге и Москве. Их роль в торгово-промышленном развитии Империи. Главные сферы их действия.

Семинар 3

Роль иностранного капитала и акционерное учредительство в России.

Характер и причины казённого предпринимательства.

Литература

1. Захарова Л. Г. Самодержавие и отмена крепостного права в России. 1856 – 1861. М., 1984.

2. Конец крепостничества в России. Документы, письма, мемуары, статьи. М., 1994.

3. Кривошеев М. В., Кривошеев Ю. В. История Российской Империи 1861 – 1894. Гатчина. 2003.

4. Литвак Б. Г. Переворот 1861 года в России: почему не реализовалась реформаторская альтернатива. М., 1991.

5. Шепелёв Л. Е. Акционерные компании в России. СПб. 2006.

6. Шепелёв Л. Е. Царизм и буржуазия во второй половине XIX века. Проблемы торгово-промышленной политики. Л., 1981.

4.7. Развитие при Александре III. Наступление финансовой эры.

1881 – 1894 гг.

(4 часа)

Семинар 1

Главные проблемы промышленного развития страны.

Проблема экономической независимости.

Роль железнодорожного строительства для финансового положения и промышленного развития страны.

Положение деревни.

Оскудение дворянства.

Великорусский национализм и отношение к иностранному капиталу и капиталистам.

Семинар 2

Характер промышленного роста в России. Состояние топливно-энергетического комплекса, металлургии и машиностроения.

«Самые народные» отрасли российской промышленности (в смысле широкого потребления).

Государство и международные займы для развития.

Втягивание России в международное разделение труда. Специализация российской экономики во внешней торговле со странами Запада и Востока.

Положение рабочих и так называемый «рабочий вопрос».

Литература

1. Витте С. Ю. Воспоминания. Мемуары. М., 2002. Том 1. см. Глава 32-я. Крестьянский вопрос до 17 октября 1905 г.

2. Соловьёв Ю. Б. Самодержавие и дворянство в конце XIX века. Л., 1973.

3. Соловьёва А. М. Железнодорожный транспорт России во второй половине XIX в. М., 1975.

4. Тхоржевский И. И. Последний Петербург. Воспоминания камергера. СПб., 1999.

5. Успенский Г. И. Сочинения. Том второй. М. 1988. см. его сочинения: «Крестьянин и крестьянский труд», «Власть земли», «Поездки к переселенцам».

6. Шишов А. В. Витте. Финансовый гений последних Романовых. М., 2004.

7. Энгельгардт А. Н. Из деревни. 12 писем 1872 – 1887. М., 1987.

4.8. Экономика в период царствования Николая II. 1894 – 1917 гг.

Развитие, революция, политика и община

(6 часов)

Семинар 1

Начало царствования Николая II. Страна и население Российской империи (самая общая характеристика).

Политическая обстановка в России и внешнеполитические угрозы (кратко).

Главные проблемы страны: аграрная, национальная, рабочий вопрос.

Отношение в России к частной собственности и особенно к крупному капиталу и промышленности.

Семинар 2

Экономика между городом и деревней. Рост противоречий и предпосылки социального кризиса.

Революция 1905 – 1907 гг.: её смысл, цели, характер, значение для России.

Российская буржуазия. Её портрет, состав, влияние, сила и слабость.

Гонка вооружений и состояние военной промышленности Империи. Военная индустрия как одна из основ индустриализации России.

Семинар 3

Кризис аграрной политики самодержавия в отношении крестьян и реформы П. А. Столыпина.

Мировая война 1914 – 1918 гг. и экономическое положение России.

Литература

1. Барышников М. Н. Деловой мир Петербурга. Исторический справочник. СПб., 2000.
2. Барышников М. Н. Деловой мир России. Историко-биографический справочник. СПб., 1998.
3. Барышников М. Н. Политика и предпринимательство в России (из истории взаимодействия в начале XX века). СПб., 1997.
4. Гиндин И. Ф. Банки и экономическая политика в России (XIX – начало XX в.) М., 1997.
5. Дьяконова И. А. Нефть и уголь в энергетике царской России в международных сопоставлениях. М., 1999.
6. Дьяконова И. А. Нобелевская корпорация в России. М., 1980.
7. Иванова Н. А. Промышленный центр России, 1907 – 1914 гг. М., 1995.
Из истории экономической мысли и народного хозяйства России. Вып. 2. М., 1996. см. Гиндин И. Ф. Экономический кризис 1900 – 1903 гг. и антикризисная политика правительства.
8. Исторические записки. М., 1980. Т. 105. С. 105 – 149. см. Гиндин И. Ф. Антикризисное финансирование предприятий тяжёлой промышленности (конец XIX – начало XX в.)
9. Рязанов В. Т. Экономическое развитие России: реформы и российское хозяйство в XIX – XX веке. СПб., 1998.
10. Симонова М. С. Кризис аграрной политики царизма накануне первой российской революции. М., 1987.
11. Ульянова С. Б. «Профсоюз капиталистов»: Петербургское общество заводчиков и фабрикантов в 1906 – 1914 гг. СПб., 1997.
12. Финансово кредитный словарь: В 3-х томах. М., 1994. см. Банки и кредит в дореволюционной России. Т. 1. С. 24, 303 – 305, 315, 318, 331 – 332, 434, 435. Том 2. С. 100, 404 – 405. Том 3. С. 80, 80 – 81, 119 – 120.

5. Вопросы для самоконтроля студентов

5.1. Пётр I его «эпоха»

1. Как бы Вы объяснили такое утверждение Петра I: «Всем известно, что наши люди ни во что сами не пойдут, ежели не приневолены будут». Действительно ли это так или здесь преувеличение? Не этим ли убеждением руководствовался царь, проводивший в жизнь свои начинания?

2. Какие преобразования Петра I Вам известны для характеристики? Можно ли сказать, что реформы царя не только проходили в условиях долгой войны, но и были вызваны в первую очередь требованиями войны?

Что более всего показало царю необходимость или неизбежность реформ?

– победа над Швецией и завоевание выхода к морю, создание флота и появление новой морской державы;

– перемена в России отношения к иностранцам, приглашение их на государственную службу, переход к реформам на западные образцы, формирование новой аристократии в России;

– основание Петербурга и перенос столицы из Москвы на Неву;

– реформы всего административного управления страной и связанные с ним реформы налогообложения.

3. Есть такое понятие как «цена реформ», то есть средства, которыми достигались те или иные перемены. Ф. М. Достоевский, например, считал в отличие от многих современников, что Пётр I «развратил душу народную», своим отношением к православной вере, своим насаждением непонятных народу иностранных регламентов и чуждых православию идей, манер, отношений. По мнению славянофилов Самарина, К. С. Аксакова, А. С. Хомякова, Пётр своими действиями разьединил гармонию царя, духовенства, бояр и народа тем, что Табель о рангах и иностранным засильем разделил страну на чины, чиновничество и подчинение принципу, а не «совести», духу согласия и самобытности как это было до Петра. Как к этому относиться? Что это: субъективное мнение критиков или не лишённое справедливости суждение?

4. Как изменились структура и размещение промышленности России в петровской время?

5. Когда и в связи с чем Россия была провозглашена Империей? Имело это провозглашение какие-либо последствия для положения страны и её развития?

7. Что такое меркантилизм как экономическая политика?

8. За что Пётр I хотел отлить памятник именно Н. Демидову?

9. В чём состояла цель основания Петербурга, почему туда перенесена была столица России?

10. Зачем был основан Кронштадт?

11. В чём заключалось промышленное значение Петербурга для России во время Петра и в дальнейшем.

12. Сколько стоил России Ништадтский мирный договор?
13. Какая страна была главным торговым партнёром России и почему?
14. Какие отрицательные, негативные стороны реформ Петра Вам известны?

5.2. Экономическое развитие в послепетровские годы, 1725 – 1762

1. Какие права и привилегии купечества Вам известны?
2. Что такое крестьянское натуральное хозяйство? Чем оно вызвано и какое значение имело в жизни крестьянина?
3. Что представляло собой дворянское предпринимательство? Почему дворяне мало, по сравнению с купцами, интересовались горной промышленностью и связанными с ней отраслями?
4. Что делали в Англии, Швеции и других странах Запада, чтобы конкурировать в экспортных продажах с русским железом?

Ответ: чтобы продать собственное железо англичане на своих заводах подделывали уральские клейма, ставя их на свои изделия.

5.3. Экономическое развитие во время правления Екатерины Великой и Павла I. 1762 – 1800 гг.

1. Почему время Екатерины Великой названо «золотым веком дворянства»?
2. За что благодарило купечество Екатерину II, преподнеся ей в дар поднос с драгоценностями?
3. Как повлияло восстание Емельяна Пугачева на отношения крестьян и помещиков? Почему крепостное право не ослабло ради успокоения восставших крестьян?
4. Какие вы знаете главные события, имевшие экономические последствия во времена Екатерины II.
5. Как можно охарактеризовать экономическую политику Павла I.

5.4. Развитие во время Александра I. 1800 – 1825 гг. Растущий кризис крепостничества.

1. Назовите главную проблему в экономической политике Александра I. Какой вопрос во внутренней политике его правления стал приоритетным?
2. Что характеризует время Александра I как переломное в техническом развитии мира? Как вы объясните понятие «промышленный переворот» и его значение для экономики России.
3. Какие категории крестьян вам известны, в чём их отличия.
4. В чём проявилось новое в положении купечества во время Александра I? Какую роль кроме торговой оно всё заметнее играет в жизни России?

5.5. Правление Николая I. 1825 – 1856 гг. Кризис системы, осознание

отсталости.

1. Как отнестись к словам Николая I, сказанным в 1842 г. в Государственном Совете: «Нет сомнения, что крепостное право, в нынешнем его виде у нас, есть зло, для всех ощутительное и очевидное, но прикасаться к нему *теперь* было бы делом ещё более гибельным».
2. В чём было содержание реформы П. Д. Киселёва для деревни в 1837 – 1841 гг.?
3. Почему крестьяне резко отрицательно относились к политике картофельных засевов и по России прокатилась в 1840 – 1844 гг. волна картофельных бунтов?
4. Какую задачу ставил на первое место в своей политике Е. Ф. Канкрин?
5. В чём проявился кризис николаевского правления и несостоятельность всей его идейно-политической системы? Почему этот кризис одновременно означал и экономический застой?
6. В чём проявились споры славянофилов и западников относительно «хозяйственного строя» России. Какие главные недостатки (преимущества) в развитии страны видели те и другие?

5.6. Правление Александра II. 1856 – 1881 гг. Индустриальное развитие и проблемы темпов. Община и город

1. Как Вы прокомментировали бы следующие слова Александра II, сказанные им 30 марта 1856 г.: «Слухи носятся, что я хочу дать свободу крестьянам: это несправедливо, – и Вы можете сказать это всем направо и налево; но чувство, враждебное между крестьянами и их помещиками, к несчастью существует, и от этого было уже несколько случаев неповиновения помещикам. Я убеждён, что рано или поздно мы должны к этому прийти. Я думаю, что и Вы одного мнения со мной; следовательно, гораздо лучше, чтобы это произошло свыше, нежели снизу». Что в этом заявлении явно противоречиво, и что, на Ваш взгляд, определяющее?
2. Какое значение отмена крепостного права имела для последующего развития России?
3. Что дала отмена крепостного права крестьянам?
4. Каковы были аргументы противников крестьянского освобождения с землёй? В чём заключался их успех?
5. В каком положении оказалось в после реформы 19 февраля 1861 г. дворянство?
6. Вопрос: каковы причины не оправдания надежд правительства на успешный экономический рост за счёт частной инициативы в годы после отмены крепостного права?

5.7. Развитие при Александре III. Наступление финансовой эры. 1881 – 1894 гг.

1. Какую цель ставило правительство, учреджая Дворянский банк?
2. Как разъяснить замечания известного публициста М. Н. Каткова: «Вся сила дворянства заключается в поместном дворянстве, и о нём только могут быть

заботы правительства».

Или его же: «Не скупясь на ежегодные громадные субсидии нашим полуиностранным железнодорожным обществам ... следует ли отказывать в справедливом русскому помещному дворянству».

3. Каковы тенденции промышленного развития Империи в годы Александровского правления 1881 – 1894 гг.

4. Зачем понадобились правовые ограничения (разрешительная система) деятельности иностранных акционерных компаний в России?

5. Какова на Ваш взгляд главная проблема русского крестьянства: община, бедность, традиционность, безграмотность, болезни и высокая смертность?

Что означал негласный девиз министра финансов И. А. Вышнеградского: «Недоедим, а вывезем?»

5.8. Экономика в период царствования Николая II. 1894 – 1917 гг. Развитие, революция, политика и община.

1. С какими проблемами столкнулось правительство в начале правления Николая II?

2. Как правительство смотрело на вопрос об общине и перспективы его решения?

3. Почему крестьяне считали землю, которую сами же обрабатывали, «божьей», «ничейной», «царской» и в каких отношениях они были с государственной (верховой) властью?

4. Что такое «грюндерство» (промышленное, торговое, кредитное ли, безразлично) и как оно проявило себя в России?

5. На что нацеливалась аграрная реформа П.А. Столыпина? Какие задачи призвана была решать?

6. Какие задачи решал министр финансов С. Ю. Витте в своей политике форсированного промышленного развития, индустриализации страны?

7. Почему русское правительство и при Николае II продолжало с опасениями относится к приливу иностранных капиталов в Империю?

8. Что такое «государственный капитализм» и какова роль государственной политики в экономическом развитии России?

6. Вопросы для итогового контроля (зачёта, экзамена)

1. Необходимость нововведений Петра I, направленность его реформ, возможности и средства царя в его политике.

2. Роль Петербурга в реформировании России и привлечение иностранцев к модернизации России.

3. Экономическая политика императриц в XVIII веке. Положение сословий и основа богатства в России.

4. Крестьянское и помещичье хозяйство: сравнительная характеристика и основные черты.
5. Предметы производства и внутренней торговли в России.
6. Структура внешней торговли и импорта России. Основные торговые партнёры Империи в XVIII в.
7. Таможенная политика России как средство поощрения отечественного купечества.
8. Дворянское и купеческое предпринимательство.
9. Крестьянские промыслы и торговля.
10. Основные экономические проблемы России начала XIX века. Империя в условиях торговой континентальной блокады 1807 – 1811 гг.
11. Экономическая политика правительства Николая I. Первые акционерные компании в России и закон 6 декабря 1836 г.
12. Акционерное учредительство и биржа в 1837 – 1860 гг.
13. Отмена крепостного права в России и её значение для развития страны. Положение крестьянства.
14. Промышленный рост и техническая революция 1860 – 1880-х гг. в России.
15. Железнодорожное строительство и его влияние на внешнюю торговлю Империи.
16. Появление в России частных коммерческих банков, их характер и поле деятельности.
17. Государственные реформы 1860 – 1870-х гг. Проблемы российского бюджета и финансовой политики самодержавия.
18. Военные расходы, их структура и величина в России второй половины XIX века.
19. Учреждение Крестьянского и Дворянского поземельных банков: цели и деятельность.
20. Рабочий вопрос в России и споры о капитализме и самобытности.
21. Размещение промышленности в России и её отраслевая структура в конце XIX – начале XX веков.
22. Проблема иностранного и «отечественного» в экономическом развитии Империи.
23. Политический и сословный строй России: его влияние на положение промышленности.
24. Рост крупной промышленности в 1890-х – 1900-х гг. и проблемы промышленного развития России. Кризис 1899 – 1903 гг.
25. Предпринимательские объединения и их влияние на экономическую политику России. Начало XX века.
26. Петербург и Москва: главные центры индустриального развития России. Общее и различное.
27. Урал и Юг – металлургические районы Империи. Особенности их развития и

положения.

28. Положение российского машиностроения. Уровень его развития и проблемы к началу XX века.

29. Проблема заграничных заказов для развития отечественной промышленности. 1861 – 1917 гг.

30. Финансирование промышленности в России.

31. Сельскохозяйственный кредит в России: формы, величина, направленность. Конец XIX – начало XX в.

32. Бытовое и производственное положение рабочих на крупных предприятиях России. Предпосылки революции 1905 – 1907 гг.

33. Образование Министерства промышленности и торговли в 1905 г. Его задачи и положение.

34. Указ 9 ноября 1906 г. Цели, ход и итоги аграрной реформы П. А. Столыпина. Проблема общины.

35. Промышленный подъём 1910 – 1913 гг. Рабочее движение. Борьба с синдикатами.

36. Крупная промышленность и банки. Формирование финансово-промышленных групп накануне мировой войны.

37. Русско-германские торгово-экономические отношения 1904 – 1914 гг. «Германское засилье» в экономике России.

38. Казённая и частная промышленность в России. Общее и различное. Проблема казённого предпринимательства.

39. Экономика России в годы мировой войны 1914 – 1918 гг. Состояние оборонной промышленности и кризис её обеспечения.

40. Основные проблемы экономического развития России от времени Петра I до 1917 г.

41. Отношение к собственности в России в условиях войны со стороны общества, партий и беднейших слоёв населения.

42. Положение крупной промышленной буржуазии в условиях революций и анархии 1917 – 1918 гг.

7. Темы для самостоятельных работ студентов (докладов и рефератов и т. п.)

1. Экономические цели и реформы Петра I. Характер труда на заводах и мануфактурах. (Казённая индустриализация).

2. Экономические взгляды начала XVIII в. в Европе и России. Меркантилизм.

3. Развитие страны после Петра I. Характер внешнеторговых связей и структура российского экспорта – импорта.

4. Финансовое положение, промышленность и торговля России в правление Екатерины II. Проблема внешнеторговой эмансипации.

5. Крепостная экономика и рост купеческого сословия.
6. Начало машиностроения и революция технологий в Англии в конце XVIII – начале XIX вв. Распространение её результатов в Европе и в России.
7. Особенности промышленного развития России. Характер промышленного потребления дворянства в первой половине XIX в.
8. Крестьянское натуральное хозяйство: его характер и возможности.
9. Торгово-промышленное законодательство России первой половины XIX в.
10. Кризис крепостничества. Споры о пути развития и освобождении крестьян. Западники и славянофилы.
11. Взгляды на общину и капитализм в России в конце XIX – начале XX вв.
12. Начало систематического железнодорожного строительства в Империи. Появление крупных частных банков и их воздействие на торговлю и промышленное грюндерство.
13. Отношение к крупной промышленности в России. Иностранные капиталы и отношение к иностранным капиталистам в русском обществе. Конец XIX в.
14. Политика «насаждения» капитализма. Взгляды министров финансов на значение промышленности в России.
15. Отношение дворянства к предпринимательской деятельности. Национальный капитализм. Экономический идеализм в обществе и бюрократии России.
16. Положение деревни, крестьянства. Община, её среда и сила.
17. Купечество. Формирование и направления деятельности. Отраслевая структура внутренней торговли.
18. Внешняя торговля России в конце XIX – начале XX вв.
19. Министерство финансов как главный орган экономической политики в России.
19. Дворянский и Крестьянский банки. Цели учреждения и деятельность.
20. Москва и Петербург: две модели экономического развития, два типа предпринимательства.
21. Акционерное законодательство, особенности его в России.
22. Еврейский вопрос во внутренней политике и его отражение в торгово-промышленной практике Российской Империи.
23. Банки в России. Типы, операции и направления деятельности.
24. Революция 1905 г. и проблема собственности.
25. Гонка вооружений как движущий мотив экономического развития в России. Соотношение казенных и частных производителей.
26. Отраслевая структура и размещение промышленности в России начала XX столетия.
27. Частно–предпринимательские объединения: их формы, типы и организация.
28. Столыпинская аграрная реформа как попытка ускорить разложение крестьянской общины. Проблема индустриализации как перспектива модернизации

всего российского общества.

29. Рабочее движение и рабочий социализм в России.

30. Мировая война 1914 – 1918 гг., её влияние на экономическое положение России.

31. Проблема «немецкого засилья» в русской промышленности.

32. Революция 1917 г., политический кризис и борьба по вопросу собственности. Эсеры, большевики, буржуазные и кадетская партии России в этом вопросе.

8. Справочные материалы.

8. 1. Хронология важнейших событий экономической истории России XVIII – начала XX вв.

8.1.1. Пётр I его «эпоха»

Главнейшие даты и события в экономической хронике России 1700 – 1725 гг.

1700 г. – введение нового для России юлианского календаря. Новый год стал отмечаться с 1 января, как и во всей Европе, вместо прежнего 1 сентября.

1701 г. – в Москве были пущены казённые кожевенный и портупейный дворы, а также чулочный завод. В 1705 г. строится крупное предприятие по производству сукна Суконный двор.

1701 г. – в Москве основана Навигацкая школа, в которой обучали арифметике, геометрии, тригонометрии с их практическим использованием в мореплавании, астрономии и геодезии.

1700 – 1721 гг. Северная война России и Швеции, с участием и других стран Европы.

За восемь лет после Нарвского поражения в России построено не менее 30 мануфактур. На Урале за 1701 – 1704 гг. построено 4 мощных металлургических завода, выпускавших железо, чугун, ядра и пушки. В 1701 – 1707 гг. в районе Олонецких и Белозерских рудных месторождений построены 5 металлургических и оружейных заводов.

1703 г. – основание Петербурга. При Петре в Петербурге основываются: Главное Адмиралтейство (с 1704 г.), Литейный (пушечный) двор, Арсенал, Петербургский пороховой и Охтенский пороховой заводы, в окрестностях Ижорский железоделательный, Сестрорецкий оружейный заводы.

География судостроения. Верфи возводятся на реке Воронеж (в 1690-х гг. в связи с азовскими походами), под Москвой, у Брянска, на Лодейном поле (Олонецкая, с 1703 г.), на реке Сясь, при впадении её в Ладожское озеро, верфь в Новгороде, на берегах рек Луги, Великой, Чудского и Псковского озёр, в Новой Ладоге и Шлиссельбурге. Крупнейшие верфи: Петербургская, Олонецкая и Архангельская.

1705 г. – введение казённой монополии на соль и табак.

1713 г. – Указ Петра I русским купцам «главные товары», в том числе пеньку, сало, юфть, поташь, смольчуг и др., везти только к Петербургу. К Архангельску везти эти товары для отпуска за море было запрещено. Перед таким выбором, тем самым, были поставлены и иностранные купцы.

1714 г. – указ о единонаследии, который уравнивал две формы земельной собственности, поместье и вотчину.

1716 г. – учреждение Берг-коллегии, сосредоточившей управление горным делом.

1718 – 1721 гг. – основание 13 коллегий, заменивших прежние приказы. Коллегии, причастные к экономике: Коммерц-коллегия (внешняя торговля), Мануфактур-коллегия (управление лёгкой промышленностью), Адмиралтейств-коллегия (судостроение и снабжение флота), Берг-коллегия.

1718 – 1724 гг. – проведение первой переписи населения, с окончанием которой в России подворное обложение было заменено подушной податью.

1721 г. – право владения населёнными землями распространено на купцов.

1722 г. – за границу вывезена первая партия русского железа.

1724 г. – принят первый при Петре протекционистский тариф.

8.1.2. Экономическое развитие в послепетровские годы, 1725 – 1762.

1734 г. – заключение русско-английского торгового договора. Договор разрешал русским купцам ввозить в Англию только русские товары, а английским купцам предоставлялось право продавать в России товары, произведённые в других странах, а не только английские.

1736 г., 7 января – указ о навечном прикреплении к мануфактурам наемных работников вместе с членами их семей.

1741 г. – русскими открыты Алеутские острова и северо-западное побережье Америки. В 1743 – 1755 гг. состоялось 22 промысловые экспедиции в Тихий океан, пока недалеко от Камчатки, на Командорские и Ближние Алеутские острова, в 1756 – 1780 гг. ещё 48 экспедиций, в ходе которых были открыты многие острова Алеутской гряды. 1780 – 1800 гг. – двигаясь на восток вслед за морским зверем, русские промышленники открывают отдельные районы Северо-Американского побережья (п-ова Аляска).

1753 г. – отмена внутренних таможенных пошлин и мелочных сборов.

1754 г. – винокурение объявлено дворянской монополией.

1754 г. – организация Дворянского банка, кредитовавшего деньгами помещиков под залог имений из расчёта 6% годовых.

1757 г. – основана Российская Константинопольская компания для торговли с Турцией.

1758 г. – создана компания Персидского долга.

1752 – 1762 гг.: построено 55 новых металлургических заводов. Строятся преимущественно частные заводы. Казённые заводы передаются в руки купцов.

8.1.3. Экономическое развитие во время правления Екатерины Великой и

Павла I. 1762 – 1800 гг.

1762 г. – указ о свободе хлебного экспорта.

1766 г. – освобождение купцов от рекрутской повинности.

1769 г. – начался выпуск бумажных денег, ассигнаций.

1775 г. – купечество освобождено от уплаты подушной подати.

1785 г. – «Жалованная грамота городам». По ней купечество оформляется в самостоятельное сословие. Образованы три гильдии купцов. Каждый, имеющий капитал с 1 тыс. до 50 тыс. руб. получал право записаться в гильдию:

в 1-ю гильдию с капиталом от 10 до 50 тыс. руб.

во 2-ю гильдию – от 5 до 10 тыс. руб.

в 3-ю – от 1 до 5 тыс. руб.

Всё городское население разделяется теперь на 6 классов (купцы трёх гильдий, цеховые, посадские, домовладельцы, именитые граждане и иностранные купцы и свободные мастера). Городские учреждения Екатерины II просуществовали с некоторыми изменениями до реформ Александра II.

Первые две гильдии давали право на оптовый и розничный торг, на устройство заводов и фабрик, освобождали от казённых служб. Купцам 1-й гильдии разрешалось торговать по всей России и за границей (для чего иметь морские суда), купцам 2-й гильдии дозволялась только внутренняя торговля и на речных судах, 3-й гильдии только мелочный торг (содержание трактиров, бань, постоялых дворов). Купцы 1-й и 2-й гильдий не подвергались телесным наказаниям.

Основание новых городов на Чёрном море: Херсона (1778 г.), Севастополя (1784 г.), Николаева (1788 г.), Одессы (1795 г.). Образование Новороссии (или Новороссийского края): 1749 – 1750 гг. – основание таможни Ростова-на-Дону как русского торгового пункта в Приазовье, 1805 г. – основание Новочеркасска, административного центра Донского казачества, 1838 г. – основание Новороссийска.

1750 – 1782 гг. – происходит утроение экспорта русского чугуна в Англию.

1784 – 1786 гг. – Г. И. Шелихов и его жена Н. А. Шелихова основали постоянные русские поселения на островах Кадьяк и Афигнак, положив прочное начало Русской Америке.

1796 г. – образование Малороссийской губернии.

1797 г. февраль – издание Павлом I указа о запрещении продажи дворовых людей и безземельных крестьян с молотка.

1797 г., 5 апреля – издание «Манифеста о трёхдневной барщине».

1799 г., 9 июля – указ Павла I о создании «под высочайшим нашим покровительством» Российско-американской компании (РАК). Привилегия на монопольную торговлю в Америке этой компании дарована на 20 лет. Компания управляла Русской Америкой до продажи Аляски в 1867 г. Утверждению РАК предшествовала острая конкуренция и объединение нескольких российских компаний на севере Америки:

Северо-восточной, Северной и Курильской компании Шелихова и Голикова с компанией иркутских купцов во главе с Н. П. Мельниковым. Объединение их в Соединённую американскую компанию состоялось летом 1797 г. (см. Болховитинов Н. Н. Россия открывает Америку. 1732 – 1799. М. 1991. С. 189)

1801 г. 18 января – присоединение Грузии к России.

8.1.4. Развитие во время Александра I. 1800 – 1825 гг. Растущий кризис крепостничества

В 1800 – 1860 гг. помещичьи крестьяне составляли примерно половину всего крестьянского населения России.

1798 г. – учреждена петербургская Александровская мануфактура, образцовое казённое предприятие в текстильной промышленности для всей России. Эта мануфактура была призвана дать пример подданным к совершенствованию частных мануфактур на основе применения машинного труда. В результате использования английских машин производительность труда на АМ за 1805 – 1840 гг. выросла в 22 раза. Предприятие было закрыто в 1844 г.

1807 г. – подписание манифеста «о дарованных купечеству новых выгодах, отличиях, преимуществах и новых способах к распространению и усилению торговых предприятий».

1808 г. – разрешён беспошлинный ввоз оборудования для текстильных мануфактур.

1811 г. – разрешён беспошлинный ввоз хлопка для текстильной промышленности. Создан специальный казённый фонд в 100 тысяч рублей для выдачи ссуд владельцам мануфактур.

1807 – 1812 гг. – континентальная блокада Англии с участием в ней России.

С 1817 г. – после завершения военных действий по программе министра финансов Д. А. Гурьева (1810 – 1823 гг.) началось изъятие ассигнаций.

1817 г. – учреждён Государственный коммерческий банк, вместо учётных контор при Ассигнационном банке. Цель – оживление промышленности и содействие купечеству в получении кредитов.

1819 – принятие нового Таможенного устава и таможенного тарифа, снявшего все запреты на импорт и экспорт товаров.

1822 г. – введение высокого протекционистского тарифа.

Появление первых машиностроительных заводов России: Ч. Берда (1794 г.) и Александровского механического (1826 г.) в Петербурге, Бутенопа и Риглея в Москве, Сормовского (1848 г.) в Нижнем Новгороде.

1816 – 1835 гг. – быстрый рост крепостного населения и количества помещичьей дворни.

8.1.5. Правление Николая I. 1825 – 1856 гг. Кризис системы, осознание отсталости

1826 г., 6 декабря – учреждение особого, секретного комитета под

председательством графа В. П. Кочубея по крестьянским делам. До 1848 г. в разное время было образовано 10 крестьянских комитетов, рассматривавших положение и нужды крестьян.

1826 г. – учреждение Корпуса жандармов и III Отделения.

Финансовое состояние государства: развитие финансово-кредитной системы.

1823 – 1844 гг. – министерство финансов под управлением графа Е. Ф. Канкрин. Прочное установление протекционизма. Выкуп всех ассигнационных рублей с постепенной заменой их выпуском кредитных билетов в обеспечении их серебром. Объявление серебряного рубля в 1839 г. главной монетой. Выпуск депозиток.

Государственный долг России: в конце XVIII в. при Екатерине II = 53, 5 млн. руб., в конце царствования Николая I внешний долг достиг 278 руб., более чем вдвое превысив сумму долга оставленную Александром I, в 1861 г. – 1.264 млн. руб. Выплата процентов по долгу составляла в последнем случае 25,6% бюджетных расходов.

1830-е гг. – **начало промышленного переворота в России**: переход от мануфактур к фабрикам, основанным на машинной технике. Этот переход занял примерно полстолетия, завершившись в 1880-е гг.

1836 г., 6 декабря – выход закона об акционерных компаниях в России («О товариществах по участкам или компаниям на акциях»). Закон впервые регламентировал деятельность акционерных обществ в Империи. В первой статье Положения говорилось, что «компании на акциях составляются посредством соединения известного числа частных вкладов определённого и единообразного размера в один общий складочный капитал, которым и ограничивается круг действия и ответственность каждой из сих компаний». (Шепелёв Л. Е. Акционерные компании в России. Л., 1973. С. 53 – 54)

1839 г. – серебряный рубль объявлен главной монетой, курс ассигнаций определён «раз и навсегда» в 350 руб. за рубль. Кроме того, правительством решено было выкупить все ассигнации, постепенно заменяя их выпуском кредитных билетов.

1840-е гг. – укрупнение частных текстильных мануфактур и параллельно рост кустарного текстильного производства среди крестьян.

1828 год – учреждение Е. Ф. Канкриным СПб. Технологического института. Реорганизация им Горного и Лесного институтов.

1847 г. – разрешение фабрикантам отпускать посессионных крестьян с фабрик на волю.

1844 – 1850 гг., 1850 – 1856 гг. – двукратная сдача в аренду казённого Александровского механического завода в Петербурге американской компании капиталистов из г. Балтимора – Гаррисону, Иствику и братьям Фоме и Вильяму Уайнесам для поставки подвижного состава и организации обучения рабочих для

создания будущих эксплуатационных кадров железнодорожников на Петербургско – Московской железной дороге. АМЗ фактически был превращён в ремонтно-сборочное предприятие. Из импортных американских материалов, получаемых беспошлинно, на этом заводе с 1844 г. по 1856 г. было изготовлено 196 паровозов, 253 пассажирских и 2600 товарных вагонов и платформ.

8.1.6. Правление Александра II. 1856 – 1881 гг. Индустриальное развитие и проблемы темпов. Община и город

1857 г. – учреждено частное русско-французское Главное Общество Российских железных дорог. В 1863 г. это Общество приобрело в аренду Николаевскую железную дорогу.

1861 год, 19 февраля – Манифест об отмене крепостного права в России.

1864 г., декабрь – поднят вопрос «об образовании нового министерства промышленности и торговли». Оставлен без последствий.

1863 г. – обсуждение в Министерстве Финансов проекта учреждения Англо-Русского банка. Подписана первая конвенция о правовом положении в России учреждённых во Франции компаний.

1863 г., 1 января – выход «Положения о пошлинах за право торговли и других промыслов». Приобретение прав купечества в их полном объёме становилось доступным для всех российских подданных, имевших соответствующие капиталы. Число гильдий сокращалось до двух. Отныне 1-я гильдия фактически объединяла купцов 1-й и 2-й прежних гильдий, а 2-я заменила 3-ю гильдию. Свидетельство 1-й гильдии давало право оптовой торговли русскими и иностранными товарами, 2-й – право розничной торговли в пределах одного города и уезда, а также содержания фабрично-заводских заведений. Срок пребывания в первой гильдии купечества для получения почётного гражданства был увеличен в два раза, с 10 до 20 лет. Особые свидетельства на право торгово-промышленной деятельности для крестьян и мещан отменялись. Подтверждалось, что «иностранцы уравниваются в правах и обязанностях с русскими подданными» (за исключением прав на каботажную торговлю, которая оставалась привилегией русских). Во всём остальном права купечества и система его организации оставались прежними. «Положение» было уточнено законом 9 февраля 1865 г. Положение 1863 – 1865 гг. до 1898 г. оставалось основным законодательным актом, определявшим права предпринимателей.

1866 г. – записка-программа министра финансов М. Х. Рейтерна, написанная по поручению Александра II.

1866 г. – учреждено Императорское Русское Техническое общество (ИРТО).

1867 г. – учреждено Общество содействия развитию русской промышленности и торговли, получившее право заявлять правительству о проблемах промышленности и способах их разрешения.

1870 г. – введение Городового положения, по которому купечество получило преобладающую роль в делах городского самоуправления. С установлением в 1874 г.

всеобщей воинской повинности купцы были лишены привилегии по службе армии. Это послужило толчком к тому, что купеческие сыновья пошли в высшие учебные заведения, дававшие льготы по воинской повинности.

1870 г., 20 марта – утверждён устав старейшей в России Московской биржи. Этот устав послужил образцом для других российских бирж, которых к тому времени насчитывалось уже 17. Биржевые учреждения становились первыми представительными купеческим, главным образом, организациями в России. В 1875 г. утверждены «Временные правила» С.-Петербургской биржи, которая возникла ещё в 1703 г. (наряду с московской старейшая в России). Во главе бирж стояли выборные местные биржевые комитеты.

1877 г. – отмена беспошлинного ввоза из-за границы паровозов и подвижного состава.

1882 г., 3 мая – выход «Временных правил» об ограничении прав евреев.

1882 г. – Д. И. Менделеев выступил на третьем Всероссийском торгово-промышленном съезде в Москве с речью «Об условиях развития заводского дела в России». В этой речи Менделеев настойчиво высказался за организацию в стране отдельного министерства промышленности.

1882 г., 18 мая – учреждён Крестьянский земельный банк.

1885 г. – отменена подушная подать.

8.1.7. Развитие при Александре III. Наступление финансовой эры.

1881 – 1894 гг.

Рабочее законодательство:

1882 г., 1 июня – выход закона, запретившего использование труда детей до 12 лет на фабриках и заводах. Ограничение рабочего дня для подростков от 12 до 15 лет не более, чем 8-ю часами. Запрет ночных работ для малолетних ночью, в воскресные и праздничные дни.

1884 г. – при Министерстве Финансов основана фабричная инспекция, для надзора за выполнением норм рабочего законодательства на фабриках и заводах Империи.

1886 г. – издан закон о надзоре за заведениями фабричной промышленности и о взаимных отношениях фабрикантов и рабочих.

1885 г., 3 июня – запрещена ночная работа на хлопчатобумажных, полотняных и шерстяных фабриках женщинам и подросткам до 17 лет.

1887 г. – с этого года начинаются правовые ограничения деятельности акционерных компаний в России, в первую очередь иностранных. Проведён ряд мер, ставивших иностранные акционерные компании под более строгий правительственный надзор. Особенно это касалось прав на землевладение. В законодательстве формулируется, что «ни одна компания на акциях не может быть учреждена без особого разрешения правительства». Такое решение в дальнейшем поведёт к массе затруднений, когда учредителям новых АО придётся месяцами

ожидать разрешения их деятельности, точнее открытия её в России.

1890 г., 24 апреля – закон о ночных работах для женщин и подростков, по которому разрешение на такие работы давалось лишь с согласия фабричного присутствия или губернатора. Министру Финансов, по соглашению с Министром Внутренних Дел предоставлялось право разрешать работу малолетним в возрасте от 10 до 12 лет.

1885 г. – состоялся первый съезд железозаводчиков России.

1887 г. – учреждена Постоянная совещательная контора железозаводчиков.

1891 г. – катастрофический голод в поволжских губерниях.

1891 г. – принятие нового покровительственного таможенного тарифа.

1894 г. – введена государственная монополия на продажу алкоголя.

8.1.8. Экономика в период царствования Николая II. 1894 – 1917 гг.

Развитие, революция, политика и община

1892 – 1904 гг. – С. Ю. Витте во главе Министерства Финансов.

1893 г., 1 января – в России учреждено 976 торгово-промышленных акционерных обществ. За 1893 – 1900 гг. образовались вновь 1020 компаний.

1893 г. – Министерство Финансов приступило к выпуску «Торгово-промышленной газеты».

1891 – 1894 г. – русско-германская таможенная война.

1893 – 1901 гг. – установление казённой винной монополии на производство и торговлю крепкими напитками.

1894 г., 20 декабря – учреждение особых попечительств о народной трезвости.

1895 г. – введение сахарной нормировки (сахарного акциза) с целью недопущения чрезмерного возвышения цен на сахар.

1896 г. – в Нижнем Новгороде состоялась Всероссийская торгово-промышленная выставка, крупнейшая в истории страны.

Рост таможенных доходов страны: в конце 1890 г. – 140 млн. руб. в год, в 1899 г. – 219 млн. руб., в 1903 г. – 241 млн. руб., что составило около 14% доходной части государственного бюджета.

Промышленное производство в стране удвоилось: в 1891 г. оно составляло 1.493 млн. руб., в 1900 г. – 3.083 млн. руб. (см. Корелин А., Степанов С. С. Ю. Витте – финансист, политик, дипломат. М., 1998. С. 57, 31, 39)

1895 – 1897 гг. – поэтапное проведение денежной реформы и переход на золотой рубль (1 кредитный рубль = 66 2/3 коп. золотом) с 29 августа 1897 г.

1897 г., 2 июня – выход закона «О продолжительности и распределении рабочего времени в заведениях фабрично-заводской промышленности». Рабочий день для взрослых мужчин установлен в 11,5 часов, ночных работ – не более 10 часов, а также обязательность еженедельного отдыха.

1898 г., 8 июня – утверждено Положение о государственном промысловом налоге.

1899 г., март – обращение С. Ю. Витте в Комитет министров с представлением об отмене ограничений в допуске иностранцев к управлению акционерными обществами в России. Речь шла об отраслях промышленности и о районах, где деятельность иностранцев была ограничена или запрещена русским законодательством, т.е. о 21 губернии, Степном и Туркестанском генерал-губернаторствах и отчасти о Кавказе. Комитет министров согласился с соображениями министра финансов.

1899 г., 7 июня – утверждено положение о Главном по фабричным и горно-заводским делам присутствии. Его ведению подлежали заведения фабрично-заводской и горнозаводской промышленности, за исключением предприятий, принадлежащих Кабинету Его Императорского Величества, главному управлению уделов, казне, а также железнодорожные мастерские.

1900 г., февраль – С. Ю. Витте представил царю доклад «О положении нашей промышленности». Основные положения доклада: успехи индустриального развития велики, возможности дальнейшего роста огромны, но по сравнению с европейскими странами и США отсталость России очевидна, особенно если учитывать показатели на душу населения. «Международное соперничество не ждёт. Если ныне же не будет принято энергичных и решительных мер ... то быстро растущая иноземная промышленность ... может постепенно расчистить пути и для более тревожных иноземных политических влияний». (см. Игнатъев А. В. С. Ю. Витте – дипломат. М., 1989. С. 90, 84 – 91)

1902 – март 1905 гг. – работа Особого совещания о нуждах сельскохозяйственной промышленности, сыгравшее заметную роль в разработке нового курса аграрной политики правительства.

1903 г., 26 февраля – манифест и 1904 г., 8 января – указ Николая II о принципах аграрной политики Империи. Согласно им: объявлялась неприкосновенность общинного строя крестьянского землевладения, хотя и при условии облегчения отдельным крестьянам выхода из общины; сохранение сословного строя и сословной обособленности крестьян; неотчуждаемость крестьянских надельных земель. Впервые было признано, что «зажиточные крестьяне, будучи непосредственно заинтересованы в охране принципа собственности, являются везде надёжнейшим оплотом существующего порядка, стоять на страже которого побуждают их собственные интересы».

1904 г. – публикуется «Записка по крестьянскому делу» С. Ю. Витте. Автор в ней выступает решительным противником идеализации крестьянской общины, определяя её исторически преходящим институтом.

1905 г., 31 июля – 1 августа – I Всероссийский крестьянский съезд требует отмены частной собственности на землю и экспроприации землевладельцев.

1906 г., 4 марта – разрешение создавать профессиональные организации.

1906 г., 9 ноября – публикация указа о выходе крестьян из общины (столыпинская

аграрная реформа)

1906 г. – учреждение Петербургского Общества Заводчиков и Фабрикантов.

1907 г. – учреждение Московского Общества Заводчиков и Фабрикантов.

1910 г. – меры по привлечению русских колонистов в Туркестан.

1911 г. – ограничение университетской автономии.

1912 г. – Ленский расстрел рабочих, волна стачек солидарности по стране.

1914 г. – введение сухого закона, в связи с началом войны с Германией.

1915 г., июнь – образование Центрального военно-промышленного комитета и возникновение местных ВПК-ов в главных промышленных центрах Империи.

1916 г. – открытие Мурманской железной дороги.

1916 г., январь – резкое падение курса рубля.

8. 2. Терминологический словарь.

Акционерное общество. Общество на акциях, форма крупных промышленных или торговых предприятий, капитал которых составляется из взносов пайщиков. АО управляется правлением, избираемым на собрании акционеров, которые созываются ежегодно. Акционеры участвуют в общем предприятии своими вкладами, не принимая личной ответственности за общество. АО действуют на основе устава, где определяются цель и капитал Общества, управление им, права и обязанности его членов.

Акция. (от франц. действие) Ценная бумага приносящая дивиденд, свидетельство об участии её владельца в акционерном обществе в размере обозначенной на ней суммы. Акции бывают именные и на предъявителя, простые и привилегированные; цена акций зависит от величины прибыли предприятия и банковского процента, поэтому акции являются предметом спекуляции на биржах.

Примером котировок акций в России в период их роста может служить следующая таблица:

	1893 г.	1899 г.	Повышение в %
С.-Петербургский учётный и ссудный банк	499	809	62,1
Русский для внешней торговли банк	331	450	36,0
Волжско-Камский банк	915	1260	37,7
Общество Путиловских заводов	79	152	92,4
Русско-Балтийский вагоностроительный завод	1525	2457	61,1
Брянский рельсопрокатный завод	133	520	291,0
Общество нефтяного	310	755	143,5

производства Бр. Нобель			
Сампсониевская бумагопрядильня	1000	1200	20,0
Русское страховое Общество, учреждённое в 1827 г.	1240	1625	31,0

Между прочим, данная таблица призвана подчеркнуть спекулятивный характер такого роста накануне знаменитого экономического кризиса 1899 – 1903 гг.

Артель. У Даля: «товарищество за круговой порукой, за клятвой, братство, где все за одного, один за всех; дружина, соглас, община, общество, товарищество, братство, братчина, для общего хозяйства и особенно пищи, также для работы сообща и раздела заработков, за вычетом расхода, прогулов и т. п».

Банки в России. Крупнейшими частными банками в дореволюционной России были **столичные банки Петербурга**. Этих банков было пять: Петербургский Международный банк (часто называемый просто Международный), Петербургский Учётный и Ссудный банк, Русский для внешней торговли банк, Торгово-промышленный банк и Русско-Азиатский банк. Эти банки были широко связаны с иностранными финансовыми группами, преимущественно французскими. Специалист в области истории банков И. Ф. Гиндин характеризует их следующим образом: «Крупнейший банк – Русско-Азиатский – был наиболее французским по составу своих учредителей, акционеров и даже правления. ... Второе и третье места по размеру операций занимали Международный и Русский для внешней торговли банки, издавна связанные с германскими банками. Международный банк, по-видимому, частично осуществлял представительство интересов германских банков и электротехнической промышленности. Но во всех прочих случаях Международный банк, проводивший наиболее активную среди всех русских банков политику финансирования промышленности (в особенности металлообрабатывающей) был совершенно самостоятелен. Основные интересы Русского для внешней торговли банка лежали в области финансирования сахарной промышленности. ... Следующее за ними место занимал Азовско-Донской банк, издавна связанный с германскими банками, но в то же время ещё в самом начале 900-х годов вышедший на французский рынок. ... Сибирский банк вышел на заграничный рынок благодаря спекуляции Deutsche Bank... Позднее Сибирский банк, не меняя своих владельцев и распорядителей, работает главным образом с английскими финансово-предпринимательскими группами (на Урале, в Сибири, в нефтяной промышленности). Эта совместная работа явилась в значительной мере результатом совпадения района деятельности банка и английских групп (Урал, Сибирь). Петербургский Учётный и ссудный банк издавна находился в дружественных отношениях с германскими банками». (см. Гиндин И. Ф. Банки и экономическая политика в России (XIX – начало XX в.). Избранное. Очерки истории и типологии русских банков. М., 1997. С. 243 – 244.). Крупнейший банк – Русско-Азиатский – был наиболее французским по составу своих учредителей,

акционеров и даже правления. Русско-Азиатский банк представлял в России интересы французских военных фирм. Вся банковская система Империи создавалась при активной поддержке Государственного банка России как ведущего финансового учреждения страны. Сами же частные банки учреждались при обязательном участии и связях с иностранными финансовыми группами, представлявшими интересы различных западных банков, банкирских домов и отдельных финансистов. Тот же Русско-Азиатский банк был создан в 1910 г. путём слияния Северного банка (1901 – 1910 гг. патронировался французскими банками) и Русско-Китайского банка (1896 – 1910 гг., был учреждён по инициативе Министерства финансов). «В сфере влияния банка, – сообщает М. Н. Барышников – находились 163 российские компании, в том числе 88 в тяжёлой промышленности (прежде всего в области военной индустрии, добычи и переработки нефти), 28 в лёгкой промышленности (в том числе 11 табачных и 7 бумажно-полиграфических фирм), 20 в железнодорожном деле». Во главе банка стоял А. И. Путилов, бывший ранее директором канцелярии Министерства финансов и товарищем министра. (см. Барышников М. Н. Деловой мир Петербурга. Исторический справочник. СПб., 2000. С. 388 – 390).

В отличие от петербургских банков **банки Москвы**, занимавшие второе место после первых по величине и оборотам, резко отличались от деятельности петербургских. «Своеобразие московских коммерческих банков, – пишет Гиндин, – выявилось с достаточной отчётливостью уже накануне эпохи империализма. Московские банки находились целиком в руках крупной московской торгово-промышленной буржуазии [в отличие от банков Петербурга, каждый из которых был по сути банком с интернациональным участием и капиталами, и интересами и составом управления самих банков] и были полностью приспособлены к обслуживанию её интересов. В операциях московских банков сильно преобладало кредитование торгово-промышленного оборота. Московские банки с большой сдержанностью проводили операции с ценными бумагами. Во время промышленного подъёма 1890-х годов они оставались в стороне от финансирования промышленности, тогда как петербургские и некоторые крупные провинциальные банки развернули это финансирование в значительных для того времени размерах. Правда, московские банки ещё с 70-х годов начали выдавать ссуды под паи крупных московских предприятий формально сроком на девять месяцев, а фактически нередко на один-два года и больше. Однако ...эти операции, широко развернувшиеся в 1900-х годах, резко отличались по своему существу от аналогичных по форме операций петербургских банков, не приводя к внедрению московских банков в промышленные предприятия. Полностью удовлетворяя потребности московского крупного капитала в кредите, московские банки не стремились продвигаться в провинцию, делая исключение для хлопководческих и льноводческих районов. Все эти черты влекли за собой одно чрезвычайно важное

для московских банков последствие – превращение их по существу в банки областного значения». (см. Гиндин И. Ф. Банки и экономическая политика в России (XIX – начало XX в.). Избранное. Очерки истории и типологии русских банков. М., 1997. С. 281 – 282.). Вот как тот же исследователь характеризует один из таких банков: «Среди старомосковских банков по величине и значению по-прежнему выделялся Московский Купеческий банк, продолжавший занимать к началу 1900-х годов по размерам своих операций и ресурсов всё ещё второе место среди акционерных банков страны. Организованный по типу «семейных» московских текстильных предприятий с капиталом, разделённым на паи по 10 тыс. руб. каждый (впоследствии по 12 и 6 тыс. руб.), банк до 1917 г. оставался коллективной собственностью примерно 50 семейств крупнейших московских капиталистов. В 1917 г. огромное большинство паёв Московского Купеческого банка находилось в руках тех же семейств, как и в первые десятилетия его существования». (см. Гиндин И. Ф. Указ. соч. С. 282 – 283). Интересно отметить и то, что сами москвичи, хоть и запоздало, признавали недостатки такой политики их банков. М. П. Рябушинский ещё в 1916 г. говорил, что «Ошибки всех московских банков при их зарождении заключались в излишней осторожности, заставивших их сосредоточить всю свою деятельность в Москве», в противоположность петербургским банкам, которые «быстро и энергично стали покрывать всю Россию целой сетью отделений». В результате, «быстро сказавшемся, явилось сосредоточение в руках петроградцев почти всей металлургической, железнодорожной, сахарной, хлебной, нефтяной, угольной и золотой промышленности, пароходного дела и целого ряда других отраслей промышленности. В руках Москвы остаётся лишь чайная торговля, мануфактурная (бумагопрядильная, суконная и шёлковая) промышленность и то лишь благодаря тому, что она была создана нашими прадедами и крепко держалась в руках». (см. Гиндин и. Ф. Указ. соч. С. 300, цит. по Рябушинский М. П. Цели нашей работы. М., 1916.) Другими банками Москвы являлись Московский торговый банк, Московское Купеческое общество взаимного кредита, Московский Учётный банк и возникшие в годы промышленного подъёма 1909 – 1913 гг. в Москве: Соединённый банк, Московский банк Рябушинских, Юнкер-банк, Московский Частный банк. Эти банки учреждены были в форме акционерных коммерческих банков.

Биржа – 1) место, где собираются купцы по торговым делам; 2) собрание торговцев. Биржа служила прежде всего местом оптовой покупки и продажи ценностей. Все обращающиеся на бирже ценности можно разделить на три вида: промышленные товары; благородные металлы в слитках и монеты; бумажные ценности, а именно государственные и гарантированные правительством процентные бумаги и бумаги частных компаний (акции, облигации, векселя и пр.). Чтобы биржевые сделки купли-продажи имели полную юридическую силу, требовалась лишь особая запись посредничающего маклера, излагающего существо дела. **Биржевой агент** – поверенный, уведомляющий своего доверителя о повышении или понижении курса.

Биржевой маклер – лицо, состоящее при бирже и служащее посредником между покупателями и продавцами за известное вознаграждение.

Биржевая регламентация в России. Сопоставляя биржевое законодательство в России с таковым в других странах, в 1914 г. в биржевой прессе отмечалось, что «собственно говоря, существует четыре типа бирж. ...Первым типом бирж являются вполне или более-менее свободная биржа, вполне всем доступное собрание. В этом случае не существует никаких законодательных определений относительно организации биржи. ...Такие биржи распространены в Голландии, Бельгии и Франции ...в Англии. Вторым типом является биржа как замкнутое, всесторонне подчинённое регламентации государства, собрание. Биржевая торговля в этом случае подчинена действию подробных законодательных определений и находится под строгим контролем администрации. С этим связана необходимость существования ответственного перед властью биржевого комитета. Так как, однако, посетители биржи сорганизованы в корпорацию и биржа имеет поэтому лишь характер собрания, то члены биржевого комитета, в полном составе или в известной части, назначаются стоящей вне биржи инстанцией. В видах проведения в жизнь законодательных определений и создания надлежащей почвы для ответственности биржевого комитета, биржевое собрание ограничивается извне путём предоставления входа на биржу только лицам, получившим на то особое разрешение от комитета. К этому типу бирж относятся германские биржи. Третьим типом бирж является биржа, как всесторонне подчинённая регламентации государства корпорация. Законодательная нормировка и административный контроль те же, что при втором типе. Не меньшей является и ответственность биржевого комитета перед властью. Так как, однако, посетители биржи объединены в корпорацию, то биржевой комитет избирается из их среды. Если на биржевые собрания и допускаются, помимо членов корпорации, посторонние лица, то не иначе как по особым разрешениям и с ограниченными правами. Этот тип бирж господствует в Австрии, Венгрии и России. Четвёртый тип бирж составляют биржи как свободная корпорация или частное учреждение последней. В этом случае биржа основана без всякого вмешательства государства частной купеческой корпорацией (иногда акционерной компанией), которая либо отождествляется с биржей (как это в С. А. Соединённых Штатах и в отдельных случаях в Англии), либо ставит себе содержание и заведывание биржей одною из своих важнейших, чаще главной целью (это имеется в Англии)». (см. «Биржевые известия». 1914. 20 февраля. № 2005. С. 1 передовая статья «Типы бирж».).

Вексель. Долговое, обычно купеческое, обязательство, в установленном виде, на бумаге, на уплату в срок известной суммы. *Вексельный банк* – который принимает и учитывает векселя. *Вексельный курс* – взаимная стоимость денег двух государств.

Дивиденд. (от лат. *dividendus* – подлежащий разделу). Часть прибыли полученной за отчётный период акционерным обществом, подлежащая распределению среди

акционеров.

Железные дороги. Железнодорожное строительство в России имело огромное экономическое значение не только для всего её развития, но и для сохранения территориальной целостности Империи. С точки зрения собственно экономической железные дороги оставляли далеко позади другие средства сообщения, за исключением разве водных путей. Колоссальные расстояния, которые разделяли различные регионы, морские бассейны и климатические зоны Российской Империи требовали очень протяжённых железнодорожных линий, особенно в Европейской России, а также с запада на восток, к Уралу и в Сибирь. Не менее важное значение железные дороги имели, кроме торгового и пассажирского оборота, и как стратегические, то есть военного назначения. Строительство железных дорог в России потребовало инвестиций, которыми казна не располагала. Поэтому исключительное значение имело привлечение частной инициативы и иностранных капиталов в это чрезвычайно дорогостоящее дело. По темпам строительства железных дорог Россия сильно отставала от других индустриальных держав. В 1865 г. в России было 5,4 тыс. км. железных дорог, в то время как в Англии 22 тыс., во Франции и Германии по 14 тыс. км., в США – 56 тыс. км. В 1867 г. по инициативе министра финансов М. Х. Рейтерна был образован специальный кредитный «железнодорожный фонд». Этот фонд пополнялся преимущественно за счёт заграничных консолидированных займов, выпускаемых на Лондонском и Парижском денежных рынках. С 1870 по 1880 гг. в основном банкирским домом Ротшильдов для России было реализовано шесть выпусков займов, на сумму около 600 млн. руб. Интересно отметить, что в железнодорожных делах был весьма заинтересован лично Александр II, который не церемонился брать взятки за утверждение тех или иных концессий. Деньги, вырученные таким образом, царь даровал своей фаворитке княгине Е. М. Долгорукой-Юрьевской и её родственникам. Царь одновременно сам являлся негласным крупным акционером ряда железнодорожных компаний: Главного общества российских железных дорог, Риго-Динабургской, Поти-Тифлисской, Козловско-Воронежской и Динабурго-Витебской. Концессионный период железнодорожного строительства в России длился 15 лет, с 1866 по 1880 гг. За этот период было выдано 53 концессии на частные железные дороги длиной в 15 тыс. вёрст (около 23 тыс. км.). Было образовано 43 акционерных железнодорожных общества с основным капиталом в 1.250 млн. металлических руб. Одной из самых доходных в числе таких концессионных дорог явилась Московско-Рязанская, открытая в августе 1864 г. Эта дорога связывала Центральный промышленный район с юго-восточными хлебородными губерниями, с водными магистралями – Окой и Волгой. По условиям законодательства о концессиях, предприниматель, заключивший с правительством договор (концессию) на строительство и эксплуатацию железной дороги, учреждал железнодорожное акционерное общество, которое становилось собственником

частной дороги в течение всего концессионного срока, после чего дорога переходила в собственность казны. Строительный капитал состоял на $\frac{1}{4}$ часть из акций и на $\frac{3}{4}$ из облигаций. Правительство предоставляло по акциям и облигациям страховую гарантию дохода в 4,5 – 5%. Но ввиду того, что реализация облигационного капитала шла по низкому курсу, а гарантия давалась на номинальную сумму, то доход возрастал до 7 – 8%. Интересно как оценил построенную Петербурго-Варшавскую железную дорогу военный министр Д. А. Милютин, имея в виду скорое подавление восстания в Польше 1863 г., грозившее России новой войной с европейскими державами: «Не будь тогда построена С.-Петербургско-Варшавская железная дорога, восстание не было бы подавлено и повстанцы могли бы разыграть роль воюющей страны, а враждебные нам западноевропейские государства – поддержать их силою оружия, в надежде на нашу недостаточную мобилизационную готовность». Эта дорога, оконченная как раз накануне в 1862 г., была тогда самой протяжённой в России, 1165 вёрст. (см. Соловьёва А. М. Железнодорожный транспорт России во второй половине XIX в. М., 1975. С. 95 – 106.). Концессионная практика, однако, вызвала сильное разочарование в правительстве. Состояние же железных дорог, построенных таким путём, вызывало много критики в свой адрес. Бесконтрольность при строительстве и эксплуатации железных дорог, наряду с огромными переплатами концессионерам были причиной перемены в политике. В 1880-х годах строительство концессионных дорог прекращается. Частные дороги систематически выкупаются в казну, с одновременным переходом к казённому железнодорожному строительству.

Самым ярким из примеров казённого строительства стало решение о проведении Великой Сибирской магистрали от Челябинска до Владивостока, протяжённостью в 9 142 вёрст стоимостью около 1 млрд. руб. Строительство дороги началось в 1891 г., а закончено через десять лет (за исключением тоннелей на Кругобайкальском участке), в 1901 г.

«Железный закон заработной платы» – вытекает из теории народонаселения Т. Р. Мальтуса и означает, что в силу естественного роста численности населения (соответственно опережающего прироста предложения рабочей силы) и убывающего плодородия земли уровень заработной платы в обществе якобы не сможет расти, неизменно оставаясь на низком уровне.

Картель. Союз предпринимателей или их объединений, устанавливающий на основе соглашения обязательный для всех участников объём производства, цены на товары, условия найма рабочей силы, обмена патентами, разграничения рынков сбыта, долю каждого участника в общем объёме производства и сбыта. Предприятия и компании картеля сохраняют хозяйственную самостоятельность. От синдикатов картели отличались лишь вариацией соглашений. В России известны были следующие картельные (или синдикатские) соглашения: «Продуголь» (учреждён в 1904 г.), «Нобмазут» (1903 – 1905 гг.), «Продамета» (1902 г.), Соглашение русских

трубопрокатных заводов (1902 г.), Соглашение меднопрокатных заводов (1903 г.), Снарядный (1902 г.) и Обозный (1906 г.) картели, синдикат бакинских производителей серной кислоты (1908 г.), Резиновый синдикат (несколько слияний предприятий в 1902 – 1909 гг.), Соглашение цементных заводов Северо-Запада России (1904 г.), Зеркальный синдикат (1900 – 1902 гг.) и т. п. (см. Бовыкин В. И. Формирование финансового капитала в России. Конец XIX в. – 1908 г. М., 1984. С. 198 – 239). Большинство картельных соглашений было заключено либо в условиях экономического кризиса 1899 – 1903 гг., либо в годы промышленного спада и депрессии за ним последовавшими. Всего в начале 1909 г. в России насчитывалось 140 монополистических объединений в 45 отраслях промышленности.

Кейнсианство. По имени английского учёного-экономиста Джона Мейнарда Кейнса (1883 – 1946). Главный труд «Общая теория» (1936 г.). Его главная идея состоит в том, что система рыночных экономических отношений отнюдь не является совершенной и саморегулируемой и что максимально возможную занятость и экономический рост может обеспечить только активное вмешательство государства в экономику.

Классическая политическая экономия. Общее направление экономической мысли, последовавшее за меркантилизмом и подвергшее его критике как предмета и метода изучения экономической теории. Общими признаками КПЭ является, во-первых, неприятие протекционизма в экономической политике государства и преимущественный анализ проблем сферы производства в отрыве от сферы обращения. Во-вторых, опираясь на причинно-следственный (каузальный) анализ, расчеты средних и суммарных величин экономических показателей, классики (в отличие от меркантилистов) пытались выявить механизм формирования стоимости товаров и колебания уровня цен на рынке не в связи с «естественной природой» денег и их количеством в стране, а в связи с издержками производства или, по другой трактовке, количеством затраченного труда. Авторами КПЭ категория «стоимость» признавалась единственной исходной категорией экономического анализа.

Конверсия (лат. *conversio* – изменение). Изменение условий ранее выпущенного государственного займа, заключающееся в понижении процента или в изменении срока его погашения.

Концерн. Форма монополистического объединения, характеризующаяся единством собственности и контроля. Предприятия, входящие в концерн, не имеют самостоятельности, подчиняясь контролю главных акционеров компании через систему участия, которая обычно имеет форму головной холдинговой компании – держателя акций.

Маклер. Маклеры избирались купечеством 1-й и 2-й гильдий из своей среды, преимущественно из «невинно падших», то есть обанкротившихся не по своей вине, и утверждались правительством. В числе прочего от маклера требовалось русское

подданство, свидетельство о том, что он брал гильдию либо управлял делами купца 1-й гильдии или банкира: существовал и возрастной ценз (с 30 лет). Маклеры обязаны были брать свидетельства 2-й гильдии. В 1887 г. было 57 маклеров, в 1894 г. – 68, как фондовых, так и по товарным сделкам. (см. Бурыйшкін П. А. Москва купеческая. М., 1991. С. 346, 345. Комментарии.).

Макроэкономика (от греч. *macro* – длинный, большой), то есть экономика региона, страны, группы стран, сообщества в отличие от **микро** (*micro* – малый), на уровне корпорации, предприятия.

Межа – рубеж, грань, граница, стык, раздел в пределах общинных земель преимущественно. Крестьяне-общинники отзывались о меже так: «Межи да грани, ссоры да брани», «Сосед межу перепахал», т. е. впахался в чужое. «На меже жениться» - значит на соседке, с приданым смежной земли.

Меркантилизм. Политика всемерного накопления денег государством, абсолютизация денег как универсального богатства и система мер, которые способствуют достижению этой цели: максимально высокие цены на экспортируемые товары, ограничение импорта товаров, недопущение вывоза из страны золота и серебра, с которыми и отождествлялось денежное богатство. Меркантилизм возник ещё до великих географических открытий в XVI веке. Более всего характерен для XVII века. По убеждению поздних меркантилистов, ценность денег находится в обратной зависимости от их количества. А уровень цен на товары прямо пропорционален количеству денег. «Они тенденциозно полагали, что увеличение денег, повышая спрос на них, стимулирует торговлю». (см. Ядгаров Я. С. История экономических учений. Учебник. М., 2006. С. 66 – 67). Для меркантилистов характерна и абсолютизация роли государства в этом накоплении, так как вообще их теория сводилась именно к денежному балансу, достижению положительного торгового сальдо. Авторы учения Т. Менн, Дж. Локк, Р. Кантильон. Меркантилизм явился последним из экономических учений эпохи дорыночной экономики.

Мир – община, общество крестьян, сходка. Бывает волостная и сельская. Пословицы: «Мирская волна что морская волна», на свадьбах приговаривали: «По Божьему повелению, по царскому уложению, по господской воле, по мирскому приговору».

Монетаризм. Основателем и лидером монетаризма является американский экономист Милтон Фридман (1912 – 2006 гг.). По мнению М. Фридмана денежно-кредитное регулирование оказывает существенное воздействие на цикличность экономических процессов, причём это воздействие проявляется с некоторым временным лагом, скачкообразными колебаниями. Монетаристы считают, что рынки достаточно регулируют экономику на макроэкономическом (т. е. в целом) уровне. Так называемые глобальные монетаристы считают, что динамика денежного обращения и структура денежной массы любой страны связаны с теми же показателями других стран через международную валюту. Поэтому они

рекомендуют анализировать специфику внутреннего денежного обращения наряду с исследованием международной финансовой системы.

Налог на промышленность и торговлю. Ежегодная уплата этого налога обеспечивала сословные купеческие права. С. 1775 г., когда была отменена подушная подать для купцов, уплачивался в размере 1% объявляемого («по совести») капитала. В 1824 г. была введена патентная система обложения, которая с определёнными изменениями сохранялась до XX в. В 1885 г. в дополнение к патентному сбору были объявлены раскладочный и процентный, построенные на учёте доходности предприятий. В 1898 г. было установлено промышленное налогообложение, включающее основной (патентный) и дополнительный налоги. Кроме них вводился специальный гильдейский сбор, неуплата которого вела к потере сословных купеческих прав. Промышленное обложение, строившееся на сочетании архаичной патентной системы с элементами подоходно-прогрессивного обложения, было громоздким и неэффективным. В правительстве в начале XX в. рассматривался вопрос о замене промышленного налога подоходным, введение которого планировалось осуществить в 1916 г.

Облигации. (от лат. obligatio – обязательство). Вид ценной бумаги, приносящей держателям установленный заранее доход, чем отличается от акции, доход от которой меняется в зависимости от доходности предприятия. Погашение облигаций, выпущенных акционерными обществами, является первоочередным перед уплатой дивиденда по акциям.

Община. Древнейшее социальное сообщество людей, работающих и хозяйствующих сообща. Русская сельская община представляла собой коллективную земельную собственность, при которой её участники, крестьяне владели как собственным наделом (индивидуальным, семейным), так и общинной землёй в виде лугов, пастбищ и лесов, принадлежащих общине в целом. Община была удобной для государства формой для сбора налогов с крестьян по принципу круговой поруки.

Онкольными операциями вообще называется выдача банком ссуд до востребования («on call» по русски значит «по требованию») под какое-либо обеспечение, например, под ценные бумаги или под вексель. В период ажиотажа и биржевой игры онкольные ссуды являются наиболее распространённым средством получения из банка денег биржевыми спекулянтами, грюндерами и вообще «широкой публикой», играющей на бирже, так как банк выдаёт ссуды до 75% стоимости бумаг, обеспечивая себя лишь от возможности падения биржевой цены бумаг. **Соло-вексельные операции** (то есть операции с векселями, имеющими одну подпись заёмщика) были введены в 90-х годах Государственным банком главным образом для выдачи краткосрочных ссуд землевладельцам в качестве оборотных средств под обеспечение их недвижимого имущества; фактически эти ссуды превратились в незаконное (вопреки уставу Государственного банка)

получение долгосрочных займов отдельными влиятельными землевладельцами.

Посессионный завод или **фабрика** (от латин. посессио – владение) – фабрика или завод, которым дано было правительством пособие деньгами, лесами, землями или припиской казённых крестьян, на праве пользования, но не владения, а также фабрики и заводы лиц не дворянского происхождения, получивших тоже казённых крестьян, но в пользование на заводе в качестве мастеровых. Посессионных крестьян, приписанных к заводу, нельзя было продавать отдельно. Историк Е. П. Карнович так отмечал своеобразие посессионного хозяйства: «Надобно, впрочем, заметить, что со времён Петра Великого у нас явилось нечто среднее между поместным дворянством и денежными купеческими богатствами, а именно: заводы и фабрики, состоявшие на так называемом посессионном праве. Собственники таких заводов и фабрик как дворяне, так равно и купцы могли владеть крестьянами, приписанными на вечные времена к посессионным фабрикам и заводам. Установившейся же вследствие этого крепостной, а потому и дешёвый труд содействовал весьма много образованию громадных богатств, принадлежавших некоторым заводчикам и фабрикантам...» (см. Карнович Е. П. Замечательные богатства частных лиц в России. М., 1992. С. 23).

Предпринимать, по Далю, или **предпрять** – «затевать, решаться исполнить какое-либо новое дело, приступать к совершению чего-либо значительного. Предприимчивый торговец – склонный, способный к предприятиям, крупным оборотам; смелый, решительный, отважный на дела этого рода».

Промышленное грюндерство в России 1890-х гг. в финансовом отношении. Банки и промышленность. Конец 90-х гг. был ознаменован в России особенно усиленным ажиотажем и промышленным грюндерством. В это время западноевропейские страны имели ещё такие избытки денежных капиталов, ищущих помещения, что ставка учётного процента в Париже и Лондоне стояла иногда ниже 2%. При таких условиях западный капитал шёл охотно в Россию, где предпринимательство сулило ему высокие дивиденды в 15 – 30% и более. На этой почве в 90-х гг. создавалось спекулятивное промышленное грюндерство. Капиталы вкладывались часто в дутые предприятия, в неработающие заводы и рудники, акции которых, однако, благодаря биржевой спекуляции повышались в цене, обогащая учредителей, но оставляя без производительного и оборотного капитала сами предприятия. Благодаря взяткам, бюрократизму, покровительству и т. п. «учредители» таких промышленных предприятий часто клали себе в карман за своё посредничество и хлопоты по утверждению акционерного общества или концессии громадную долю акционерного капитала, оставляя собственно на оборудование предприятия 20 – 30% собранного капитала. Были, например, случаи, подтверждённые официальным расследованием, что из акционерного капитала в 8,5 млн. франков было оплачено деньгами и пошло на предприятие всего 1,5 млн. фр., остальные пошли учредителям, которые получили сверх того 1 млн. руб. наличными

и 2 млн. фр. облигациями. И правительственному органу («Вестнику финансов») приходилось признавать, что «огромные капиталы, собранные по реализации акций, проходя через учредительство, финансирование и разного рода посредничество, таяли с поразительной быстротой. Предприятия с миллионными основными капиталами оказывались нередко без оборотных средств, задолженными при самом возникновении. ... Банковская система ещё более усиливала это грюндерство. Государственный банк, стоявший во главе частных банков, поощрял, вопреки своему уставу, промышленное грюндерство так называемыми «внеуставными» (т. е. запрещённые уставом Государственного банка) промышленными ссудами и развитие «онкольных» операций и соло-векселей. Частные коммерческие банки становились во главе промышленного грюндерства, придавая тем самым «солидность» промышленному предприятию, привлекая к этому новые средства и способствуя биржевому ажиотажу. Обыкновенно при учреждении какого-либо акционерного общества банк гарантировал известный размер ссуды под акции, благодаря чему собственно акционерного капитала не требовалось. А после открытия такого общества оно учётом своих векселей в том же банке добывало себе и оборотный капитал. Так как обыкновенно с каждым крупным акционерным обществом была связана целая система других (с рудным и горным делом – металлургическое, рельсопрокатное, машиностроительное и т. п.), то, финансируя одно предприятие, банк должен был поддерживать и ряд других. Таким образом, вокруг каждого банка образовывалась своя система финансируемых предприятий, и крах одного часто вёл к краху всей системы.» (см. Лященко П. И. История народного хозяйства СССР. Том II. Капитализм. М., 1952. С. 230 – 231).

Протекционизм (франц. protectionnisme, от лат. protection – защита, покровительство) – система экономических мероприятий государства, направленных к ограждению промышленности и сельского хозяйства страны от иностранной конкуренции. Протекционизму служит таможенная система. Формами протекционизма являются обложение иностранных товаров высокими пошлинами, поощрение вывоза товаров путём выдачи премий и понижение экспортных пошлин, субсидирование отечественной промышленности и пр.

Синдикат. Форма монополии картельного типа, имеющая целью устранить конкуренцию участников в области сбыта и закупок сырья путём установления контроля над рынком (обычно однородной продукции) и обеспечения получения прибыли. Особенность синдиката – концентрация сбыта продукции и закупки сырья. Для этого создаётся единый орган – контора по продажам, которая концентрирует заказы и распределяет их по установленным квотам между участниками, которые сдают свою продукцию конторе по заранее установленной цене. Синдикат создаётся обычно в форме акционерного общества. Члены синдиката утрачивают свою коммерческую самостоятельность, но в юридических и производственных вопросах сохраняют независимость. Синдикаты в России являлись наиболее

распространённой формой монополистических объединений. «В России в отличие от стран Запада – пишет В. Н. Ковнир, – торговая прибыль намного превышала промышленную. Поэтому главной задачей этих объединений стало освобождение от посреднических торговых расходов и овладение рынком, не прибегая к услугам торгового капитала». (см. Ковнир В. Н. История экономики России. Учебное пособие. М., 2005. С. 248). В числе первых синдикатских объединений в тяжёлой промышленности (металлопрокате и металлообработке) явились следующие:

1882 – 1886 гг. – «Союз рельсовых фабрикантов», 5 заводов, производивших около 75% всех рельсов в Империи.

1890 – 1895 гг. – Союз рельсовых заводов.

1884 – 1892 гг. – Союз фабрикантов рельсовых скреплений.

1897 г. (год прекращения, год возникновения неизвестен) – «Союз представителей заводов, изготовляющих железнодорожные принадлежности».

1884 – 1892, 1897 – 1901 гг. – «Союз мостостроительных заводов».

«Недолговечность перечисленных объединений, – пишет Лившин, – объясняется быстрым изменением соотношения сил между их участниками, вызванным бурным развитием южнорусской металлургии в ущерб польским заводам, обладавшим при организации этих монополий существенно важной, а в некоторых случаях и преобладающей частью долей в объединённом сбыте». (см. Лившин Я. И. Монополии в экономике России. М., 1961. С. 15 – 16.)

Крупнейшие в России синдикаты появились уже в начале XX века: «Продамет» (1902 г.), «Гвоздь» (1903 г.), «Продвагон» (1906 г.), «Кровля» (1906 г.), «Медь» (1908 г.).

Совещательные предпринимательские объединения. К ним относились в России региональные межотраслевые объединения промышленников, основанные для выражения и защиты местных или общероссийских интересов промышленности, представителями которой эти объединения и составлялись. Такие объединения по интересам не следует путать с синдикатами. Совещательные объединения имели иной характер: коллективно представлять интересы промышленности на местах и в правительственных учреждениях, обсуждать положение промышленности (или торговли её продуктами), ходатайствовать перед правительством о её нуждах и пожеланиях, рассматривать законопроекты в вопросах её затрагивающих, предлагать собственные документы на этот счёт, популяризировать знания о пользе и развитии промышленности в России и других странах, рассматривать тарифную политику в правительственных совещаниях с участием самих фабрикантов и заводчиков, содействовать техническому прогрессу, улучшению быта и образования рабочих. Наиболее известные совещательные объединения в России были следующие:

Постоянная Совещательная Контора железозаводчиков. (основана в 1887 г.)

Совет Съездов горнопромышленников Юга России. (с 1877 г.)

Совет Съездов горнопромышленников Уральской горной области. (с 1880 г.)

Совет Съездов металлзаводчиков Северного и Прибалтийского районов (с 1900 г.).

Петербургское Общество Заводчиков и Фабрикантов. (основано в 1906 г. на базе прежнего «Общества для содействия улучшению и развитию фабрично-заводской промышленности»)

Общество Заводчиков и Фабрикантов Московского промышленного района. (основано в 1907 г.)

Совет Съездов Представителей Промышленности и Торговли. (основан в 1906 г. как всероссийское представительное объединение крупных предприятий и региональных промышленных групп)

Совет Съездов представителей биржевой торговли и сельского хозяйства. (с 1906 г.)

Сход, мирской сход, волостной или сельский – съезд, сходбище, собрание домохозяев, стариков, от сотни по одному или по два, для обсуждения мирских нужд и порядков, решающее дела большинством голосов, мирскими приговорами. Известна пословица, приводимая В. И. Далем в его «Толковом словаре русского языка» – «На сходке быть – согрешить», т. е. неправо рассудить, либо браниться.

Трест. Форма монополистического объединения, при которой все объединяющиеся предприятия теряют коммерческую и производственную самостоятельность, подчиняясь единому управлению. В рамках треста проводится единая техническая и экономическая политика и обеспечивается получение монопольной прибыли.

Физиократы – представители течения классической политической экономии. Слово физиократия означает «власть природы». В этом же смысле физиократы исходили в своих определениях из убеждения об определяющей роли в экономике земли, сельскохозяйственного производства. Признанный лидер и основоположник учения физиократов Франсуа Кенэ (1694 – 1774 гг.), уроженец одного из пригородов Версаля. Согласно утверждению Ф. Кенэ «частный интерес одного никогда не может быть отделён от общего интереса всех». Как бы в ответ меркантилистам Ф. Кенэ утверждал, что «деньги – не более чем средство обращения, что торговля в сущности сводится к бартерному обмену и что производство продукции автоматически генерирует доход, выплата которого позволяет перейти к следующему производственному циклу». Другой представитель физиократов – А. Тюрго, так же француз. Их теориями явились: теория капитала (денег), теория воспроизводства, теория стоимости, теория классов, теория доходов.

Фонд, фонды (от лат. фондус – основание) – фр. – деньги, денежные запасы в виде бумаг, государственные долговые обязательства по которым государство уплачивает известный процент за занятые деньги.

Фритредерство (от англ. free trade – свободная торговля). Течение в экономической политике Англии конца XVIII – первой половины XIX вв. Появилось в условиях борьбы между торговой буржуазией и земельной аристократией вокруг цен на хлеб. В связи с начавшимся промышленным переворотом в Англии, а затем во Франции и

Германии фритредерство получило самое широкое распространение. В основе этой политики заключены два главных постулата: свобода торговли и невмешательство государства в хозяйственную жизнь. Целью фритредерства было, в первую очередь, отмена таможенных пошлин и вывозных премий, свободный ввоз и вывоз товара и, как результат этого, свободная конкуренция.

Экономические учения. В соответствии с современной трактовкой все экономические учения делятся на три эпохи:

1-я. Экономические учения эпохи дорыночной экономики (от древности до нашей эры до XIII в.)

2-я. Экономические учения эпохи нерегулируемых рыночных отношений. (с XVII первая треть XX в.)

3-я. Экономические учения эпохи регулируемых рыночных отношений. (с 1930-х гг. по современное время).

К первой эпохе относятся: натурально-хозяйственная экономическая мысль древнего мира и меркантилизм. Авторы: Томас Менн, Дж. Локк, Р. Кантильон, Джон Ло.

Ко второй эпохе относятся: Классическая политическая экономия (далее КПА) и её противники. Утопический социализм. Маржинализм: формирование неоклассического направления экономической мысли. Авторы: Адам Смит, Дэвид Риккардо, Ж. Б. Сэй, Т. Мальтус, Н. Сениор, Ф. Бастиа, Дж. С. Милль, К. Маркс. Противники КПА: С. Сисмонди, П. Прудон. Утопический социализм: Р. Оуэн, К. Сен-Симон и Ш. Фурье. Маржинализм: К. Менгер, О. Бём-Баверк, Ф. Визер, У. Джевонс, Л. Вальрас, А. Маршалл, Дж. Б. Кларк, В. Парето.

К третьей эпохе относятся теории социального контроля общества над экономикой и рынка с несовершенной конкуренцией: социально-институциональное направление экономической мысли, теория рынка с несовершенной конкуренцией, теория государственного регулирования экономики (кейнсианство, неолиберализм). Концепция неоклассического синтеза. Авторы: Э. Чемберлин, Дж. Робинсон, Дж. М. Кейнс, П. Самуэльсон.

Экономический кризис в России в 1899 – 1903 гг. Академик И. А. Трахтенберг, посвятивший специальное исследование кризисам в мировой экономике, пишет: «Став неразрывной частью мирового капитализма, Россия разделила и его судьбу. Приближались сроки мирового экономического кризиса; кризис становился неминуем и для России. В середине 1899 г. начали уже обнаруживаться признаки перепроизводства и становилось очевидным, что грюндерство перешло уже всякие границы, а спекуляция зарвалась. Сигналом к кризису послужили банкротства летом 1899 г. двух крупнейших фирм – фон-Дервиза и Мамонтова. Дело шло не об обычных банкротствах единичных, хотя бы крупных, фирм. Как Дервиз, так и Мамонтов были связаны с многочисленными предприятиями и их банкротства явились результатом огромнейших затруднений, которые испытывали эти

предприятия вследствие начавшегося кризиса. Девиз был связан с Русским торгово-промышленным банком, Северо-стекольным промышленным обществом, Обществом пароходства на Волге, Обществом подъездных путей, Глухоозерским цементным заводом, Франко-Русским обществом, Московско-Казанской, Рязано-Уральской ж. д. и т. д. мамонтов был связан с Северным лесопромышленным обществом, Невским механическим заводом, Московско-Ярославско-Архангельской ж. д. и т. д. Как видно из приведённого, далеко неполного, списка предприятий, крах как фирмы Девиза, так и фирмы Мамонтова затрагивал самые разнообразные отрасли народного хозяйства». Кризис развивался, нарастая и в следующие годы: «Банкротства и падение курсов ценных бумаг продолжались и в 1900 и в 1901 гг. Из наиболее значительных банкротств можно указать на банкротство крупнейшего грюндера, председателя Харьковского земельного банка, основателя многих промышленных предприятий, Алчевского. Этот крах вызвал панику на денежном рынке, так как с именем Алчевского был связан ряд крупнейших предприятий на юге России [**А. К. Алчевский** (1835 – 1901 гг.) являлся учредителем Алексеевского горнопромышленного общества в 1879 г., Донецко-Юрьевского металлургического Общества в 1895 г., Южно-Уральского горнопромышленного общества в 1898 г., железных рудников в районе Кривого Рога и Керчи, По его же инициативе создано было металлургическое Общество «Русский Провиданс» в Мариуполе. Личное состояние Алчевского к 1900 г. составляло 30 млн. руб. Он являлся одновременно председателем Харьковского биржевого комитета. Имея долгов на 19 млн. руб., попытался получить от министерства финансов ссуды. Встретив отказ, бросился под поезд на Варшавском вокзале в Петербурге. После смерти признан несостоятельным должником. Часть его предприятий ликвидирована (Харьковский торговый и Екатеринославский коммерческий банки). См. Барышников М. Н. Деловой мир России. СПб. 1998. С. 30]. Банкротство Алчевского вызвано было тем, что кризис поставил предприятия, в которых Алчевский участвовал, в чрезвычайно тяжёлое положение. А, с другой стороны, банкротство самого Алчевского усугубило затруднения патронируемых им предприятий». (см. Трахтенберг И. А. Денежные кризисы. (1821 – 1938 гг.). М., 1963. С. 447 – 450).

8. 3. Персоналии

Булгаков Сергей Николаевич (1871 – 1944 гг.) – русский философ, экономист, богослов и публицист. Главные труды по экономике: «Краткий очерк политической экономии: основные черты современного хозяйственного строя». (1906 г.), «Очерки по истории экономических учений» (1918 г.), «Христианство и социализм» (1917 г.) Критиковал российский капитализм как «бюрократический», то есть связанный с государственным насаждением крупной промышленности. «Русский капитализм, –

писал Булгаков, – до настоящего времени может быть охарактеризован не как экспортирующий и не как колониальный, но как бюрократический. ... Когда придёт время экономического возрождения России, то оно произойдёт не в теперешней форме, столь связанной с бюрократическим режимом. Бюрократически опекаемая промышленность не возродится, но взамен её разовьётся народная промышленность. Россия имеет все данные для этого развития: обширную территорию, естественные богатства, многочисленное население. Она не будет нуждаться во «внешних» рынках, которые хотела найти для неё бюрократия, она имеет обеспеченный и растущий рынок в нашем мужицком царстве. Обмен между земледелием и промышленностью внутри страны, самодовлеющее экономическое развитие, не обусловленное присутствием внешнего рынка – вот основа будущего народного развития России. Но, очевидно, для этого должна быть в корне изменена вся экономическая политика, на первый план должны выступить не призрачные интересы страдающей манией величия бюрократии, но действительные нужды многомиллионного крестьянства. Про русское царство можно сказать старинной французской формулой физиократов: бедно крестьянство, бедна промышленность, бедна казна и, наоборот, самым верным и единственно верным средством поощрения промышленности является поднятие народного благосостояния».

Глезмер Станислав Петрович. (1853 – 1916 гг.). Дворянин, инженер-технолог, промышленник. По происхождению поляк. Директор-распорядитель Общества костеобжигательных заводов и выделки из кости других продуктов, в Петербурге. С 1897 г. – председатель Петербургского Общества для содействия развитию фабрично-заводской промышленности, с 1906 и по 1912 гг. – председатель Петербургского Общества Заводчиков и Фабрикантов.

Гужон Юлий Петрович. (1854 или 1858 – 1918 гг.). Крупнейший московский промышленник. По происхождению француз. Построил тянульно-гвоздильный завод в 1872 г., для управления которым в 1883 г. учреждено Товарищество Московского металлического завода (в советское время завод «Серп и Молот»). Пайщик Товарищества шёлковой мануфактуры и других московских предприятий. Бессменный (1907 – 1917 гг.) председатель Московского общества заводчиков и фабрикантов.

Кноп Людвиг, в обрусевшем варианте – Лев Григорьевич Кноп (1821 – 1894 гг.), барон, «русский Рокфеллер», как позднее окрестили его современники. Родился в Бремене (Англия) 3 августа 1821 г. в семье мелкого торговца. По окончании коммерческого училища он только год провёл в Англии, на родине хлопчатобумажной индустрии, изучая у Джона Брайта в Рочдейле основы производства: прядение, ткачество и набивку. В 1839 г. как помощник представителя фирмы «Де Джерси», был отправлен в Москву, где находилось отделение фирмы по продаже английской пряжи. Здесь он познакомился с Саввой Васильевичем Морозовым, создателем знаменитой на весь мир Никольской

мануфактуры. Первое дело Кнопа было в высшей степени щепетильным: английские машины для хлопчатобумажной промышленности под угрозой тяжкой кары запрещалось вывозить на континент, а именно в этом просил его «посодействовать» С. В. Морозов. Устанавливаемые на российских фабриках машины были исключительно бельгийского и французского производства, да ещё устаревших конструкций. И лишь с 1842 г., когда был снят запрет на экспорт английских машин, началась, как отмечали современники, «новая эра в нашей хлопчатобумажной промышленности». Эра эта напрямую связана с именем Кнопа, сумевшего первым ввезти в Россию современные английские машины и преодолеть отсутствие надёжного кредита со стороны российских частных предпринимателей. Руководство фирмы «Де Джерси» открыло кредит для русских фабрик, оснащённых с помощью фирмы английскими машинами. Большую помощь в этом деле оказал Людвигу Кнопу его младший брат, работавший тогда в Манчестере. В течение последующих лет почти вся текстильная, главным образом хлопчатобумажная, промышленность Московского промышленного района была модернизирована и переоборудована заново. Английские кредиты и машины, монополизм в сбыте сырья обеспечили Кнопу особое место в среде российского купечества. Эффективность новых фабрик, оборудованных конторой Кнопа, позволила московским «ситцевым» фабрикантам быстро завоевать необъятный внутренний рынок России и устремиться за границы империи: в Европу и Азию. Основателем и такой замечательной мануфактуры, как Кренгольмская мануфактура, можно по праву назвать «московского немца» Людвиг Кнопа. Именно он в 1856 г. купил у семьи Суттгоф остров Кренгольм (в Эстляндии), а в начале следующего года при его деятельном участии образуется «Товарищество Кренгольмской мануфактуры», высочайше утверждённое в июле 1857 г. 30 апреля того же года в присутствии учредителей товарищества – Э. Ф. Кольбе, Г. И. Хлудова, А. И. Хлудова, К. Т. Солдатенкова, Л. Г. Кнопа и Р. П. Барлова состоялась закладка первого корпуса мануфактуры. 10 октября 1858 г. пущены в действие 8 тыс. веретён. К концу жизни Кнопа «Кренгольмская мануфактура» стала лидером отрасли. Сыновья Л. Кнопа, Андрей и Фёдор продолжили дело отца. (см. Туган-Барановский М. И. Избранное. Русская фабрика в прошлом и настоящем. М., 1997. см. Комментарии. С. 700 – 701)

Мальтус, Томас Роберт (1766 – 1834 гг.) – видный представитель классической политической экономии Англии. Важнейшие труды «Опыт о законе народонаселения» (опубл. 1798 г.) и «Принципы политической экономии, рассматриваемые в расчёте на их практическое применение» (1820 г.). В первой работе Мальтус сводил причину бедности к соотношению темпов прироста населения и прироста жизненных благ, определяющих прожиточный минимум. Невозможность увеличить производство продовольствия Мальтус объяснял популярным в его время «законом убывающего плодородия почвы».

Маркс, Карл (1818 – 1883 гг.) – немецкий экономист и социолог, один из

завершителей классической политической экономии. Главный труд «Капитал» (1-й том вышел в 1867 г., 2-й в 1885 г., 3-й том в 1894 г.). Свою теорию К. Маркс основывал на критике «вульгарного экономиста», т. е. на субъективном толковании экономических законов, которые сам и выдвигал. Анализ Маркс начинает с определения товара как продукта труда, предназначенного для обмена, и выделения двух его свойств – потребительной стоимости и стоимости. Исследуя противоречие между двумя этими свойствами, он заявляет о двойственном характере воплощённого в товаре труда. Автор теории прибавочной стоимости, концепции переменного и постоянного капитала, концепции нормы прибыли и теории классов.

Прудон, Пьер Жозеф (1809 – 1865 гг.) – французский экономист и социолог. Автор трудов «Что такое собственность?» (1840 г.), «Решение социального вопроса» (1848 г.) Отрицал целесообразность в экономике ограниченной свободной конкуренции. На первый план выдвигал не экономические факторы, а подменял их категориями добра, морали, этики и социальной справедливости. Равенство и свобода, по Прудону, являются основой этих благ. Его определения: «собственность и кража – синонимы», «мы должны уничтожить именно этот институт», то есть собственность.

Рябушинский Павел Павлович (1871 – 1924 гг.). Один из крупнейших предпринимателей Москвы и представитель купеческого рода Рябушинских, всероссийски известных. Соучредитель в 1902 г. Банкирского дома братьев Рябушинских, преобразованного в 1912 г. Московский банк, крупнейший из банков Москвы. Один из основателей партии прогрессистов. Издатель газеты «Утро России». После революции входил в Российский торгово-промышленно-финансовый союз («Торгпром»), созданный в Париже и объединявший около 400 русских предпринимателей-эмигрантов, живших в разных странах Западной Европы.

Риккардо, Давид (1772 – 1823 гг.) – английский экономист, последователь и одновременно активный оппонент некоторых положений Адама Смита. Главный труд «Начала политической экономии и налогового обложения» (1817 г.). Дал трактовку «главной задачи политической экономии», видя её в том, чтобы определить законы, которые управляют распределением доходов. Также как и А. Смит Риккардо выделял три основных класса общества: владельцы земли; собственники денег и капитала, необходимого для её обработки; рабочие, трудом которых она обрабатывается и три вида доходов: рента, прибыль, заработная плата.

Сен-Симон, Клод Анри де Рубруа (1760 – 1825 гг.) – французский социалист-утопист. Главные сочинения: «Письма Женевского обитателя к современникам» (1803 г.), «О промышленной системе» (1821 г.), «Катехизис промышленников» (1823 – 1824 гг.). Считал, что социальная система с экономикой свободной конкуренции является готовым этапом, чтобы без революционных потрясений мирно и достаточно быстро перейти к основанному на «индустриальном

равенстве» обществу социальной справедливости. В идеализируемом им индустриальном обществе, также как и у других социалистов-утопистов (Роберт Оуэн, Шарль Фурье), предвидится исчезновение антагонистических классов и обретение правительством функций сугубо экономических вместо политических.

Сисмонди Жан-Шарль-Ленар Симон де (1773 -1842 гг.) – французский экономист и историк швейцарского происхождения.

Смит, Адам (1723 – 1790 гг.) – центральная фигура классической политической экономии. Главный труд «Исследование о природе и причинах богатства народов» (1776 г.). Важнейший его постулат объявлял, что «сущностью и природой богатства является исключительно труд». По его утверждению, «рыночные законы лучшим образом могут воздействовать на экономику, когда частный интерес стоит выше общественного, т. е. когда интересы общества в целом рассматриваются как сумма интересов составляющих его лиц». Непременным условием для него, чтобы экономические законы действовали, является «свободная конкуренция». Основные направления его исследований: разделение труда, теория стоимости (ценности) товаров и услуг, концепция о производительном труде, теория денег, теория доходов (заработная плата, прибыль, рента), теория капитала, теория воспроизводства.

Струве Пётр Бернгардович (1870 – 1944 гг.) – русский экономист немецкого происхождения, правовед. В ранние годы симпатизировал марксистам, затем видный деятель партии кадетов. С 1916 г. почётный доктор права Кембриджского университета. Действительный член Российской Академии наук по отделу политэкономии. Работы П. Б. Струве: «Критические заметки к вопросу об экономическом развитии России» (1894 г.), «Экономическая проблема «Великой России»: заметки экономиста о «войне и народном хозяйстве» (1915 г.), «Хозяйство и цена: Критические исследования по теории и истории хозяйственной жизни» (1913 г.). Указывая на необходимость решения экономической проблемы «Великой России», Струве пишет: «Способы её решения многообразны; самое разрешение этой проблемы может быть лишь результатом параллельного и дружного действия частной инициативы и государственной политики. Но тот дух, которым нация должна проникнуться для того, чтобы в области хозяйственной создать «Великую Россию», ясен. Это – дух национального европеизма, дух творческого, уверенного в себе национального строительства на общечеловеческих началах. Такое строительство будет созидать здание «Великой России», освобождая Россию от чёрных пятен прошлого и дисциплинируя свободных людей. Старое русское *Imperium* создавалось «крепостными» средствами; новое может быть построено только свободными людьми на освобождённой почве, в здоровом состязании всех живых сил, переросших опеку вне общества и народа настоящей власти». Струве признавал неизбежность развития в России капитализма: «Россия не может оставаться исключительно земледельческой» и что «она должна развивать у себя

промышленный капитализм». Ему принадлежат известные слова: «Нет, признаем нашу некультурность и пойдём на выучку к капитализму».

Сэй, Жан-Батист (1767 – 1832 гг.) – французский экономист классик. Приверженец идей А. Смита. Главные труды: «Трактат политической экономии» (1803 г.), «Катехизис политической экономии» (1817 г.), «Полный курс практической политической экономии» (1829 г.)

Туган-Барановский, Михаил Иванович (1865 – 1919 гг.). Крупнейший русский экономист, социолог, марксист. Автор работ «Промышленные кризисы в современной Англии, их причины и влияние на народную жизнь» (1894 г.), «Русская фабрика в прошлом и настоящем: История развития русской фабрики» (1898 г.), «Основы политической экономии» (1909 г.), «Очерки из новейшей истории политической экономии и социализма». (1918 г., 4-е издание). Причины экономических кризисов, по нему, «естественные и необходимые последствия промышленной свободы, при которой каждый производитель полагается на свой собственный расчёт, не принимая в соображение других производителей». Кризисы капитализма, Туган-Барановский считал происходящими по трём причинам: 1) капиталистическое хозяйство есть хозяйство антагонистическое, в котором рабочий является простым средством производства для руководителя капиталистического предприятия; 2) что капиталистическое хозяйство в отличие от других антагонистических хозяйств (рабского и феодального), имеет тенденцию к неограниченному расширению производства, как средству накопления капитала и 3) что капиталистическое хозяйство в целом есть хозяйство неорганизованное. В работе «Основы политической экономии» (Пг., 1917) он делает следующее наблюдение: «Хотя фабрик в России, сравнительно с другими, более передовыми странами, и мало, зато в ней преобладают значительно более крупные фабрики. Объясняется это, на первый взгляд, странное и непонятное обстоятельство тем, что Западная Европа знала другую промышленную культуру, кроме капиталистической. На Западе существовала и существует стойкая и жизнеспособная средняя и мелкая промышленность, имевшая славное прошлое и лишь шаг за шагом уступающая свои позиции крупному капиталу. На Западе имеется многочисленный средний класс – мелкие предприниматели и зажиточные, умеющие отстаивать в борьбе с крупным капиталом свои интересы. У нас же не было никакой другой промышленной культуры, кроме капиталистической, нет зажиточного и многочисленного класса мелких предпринимателей – капитализм, вопреки обычному мнению, играл у нас гораздо более положительную роль, чем на Западе, и ему не приходилось разрушать высокой экономической культуры другого типа. Вот почему наш капитализм, не встречая никакого сопротивления, легко складывается в формы, ещё не достигнутые странами, стоящими по своему хозяйственному развитию далеко впереди нас. Россия страна социальных контрастов – мелкого кустарного производства и очень крупного фабричного, полунищей народной массы и малочисленных, но очень

богатых и влиятельных капиталистов и землевладельцев». (Цит. по: Ядгаров Я. С. История экономических учений. Учебник. М., 2006. С. 192)

8.4. Министры финансов России

Абаза Александр Аггеевич (1821 – 1895 гг.) Министр финансов в 1880 – 1881 гг. Провёл отмену соляного акциза. Будучи специалистом в области сахарной промышленности сумел добиться существенного повышения дохода казны за счёт акциза на сахар.

Барк Пётр Львович. Министр финансов 1914 – 1917 гг. При Барке рубль утратил золотой эквивалент. Участие России в первой мировой войне крайне тяжело отразилось на финансовом положении Империи. Многократно возросла внешняя задолженность страны. Военные расходы и инфляция явились главными причинами этого расстройтва.

Борк Пётр Фёдорович (1805 г. рожд.) министр финансов 1852 – 1858 гг. На долю П. Ф. Брока выпало финансирование Крымской войны 1853 – 1856 гг. В годы его управления были учреждены при организационной и материальной поддержке правительства две крупнейшие в стране акционерные компании: Главное Общество российских железных дорог и Русское Общество пароходства и торговли (РОПиТ). В 1857 г. был введён в действие новый таможенный устав. Тогда же было решено приступить к строительству железных дорог с привлечением преимущественно частной промышленности «как отечественной, так и иностранной». В целом министерство Брока не оставило заметного следа в политике правительства.

Бунге Николай Христофорович (1823 – 1895 гг.) Министр финансов в 1882 – 1886 гг. Экономист. Автор программной записки «О финансовом положении России» в 1880 г. Проводил политику протекционизма, правительственного финансирования промышленности. Подвергался ожесточённым нападкам со стороны крайне правой части печати за свои взгляды на подоходный налог. Считался либералом. За 1881 – 1884 гг. Бунге сумел почти втрое уменьшить сверхсметные ассигнования. Но кризисное состояние экономики и внешнеполитические осложнения середины 1880-х гг. не позволили избавиться от бюджетного дефицита.

Витте Сергей Юльевич (1849 – 1915 гг.) Министр финансов 1892 – 1903 гг. Автор «Воспоминаний» в трёх томах. Успешно провёл введение золотого обращения в России (указ от 29 августа 1897 г.). «На новых банкнотах имелась надпись: «Обеспечивается золотым достоянием Российской империи». Вместо старых золотых монет достоинством в 10 и 5 рублей (империалов или «рыжиков», как их называли в народе за тёмно-золотистый цвет) с 1897 г. стали чеканить новые монеты – империал (15 руб.) и полуимпериал (7 руб. 50 коп.) Высочайшим указом от 14 ноября 1897 г. повелевалось на банкнотах взамен старого текста «изображать» надпись: «Государственный банк разменивает кредитные билеты на золотую монету»

без ограничения суммы (1 рубль = 1/15 империала, содержит 17,424 долей чистого золота)». (см. Корелин А. Степанов С. С. Ю. Витте – финансист, политик, дипломат. М., 1998. С. 40). Введение золотого обращения хотя и стало операцией весьма ограничившей возможности для увеличения государственных расходов, но, с другой стороны, способствовало укреплению финансового престижа Империи и притоку иностранных капиталов в Россию. При Витте была построена Великая Сибирская магистраль, соединившая всю Империю единой железной дорогой, от Петербурга до Владивостока.

Вронченко Ф. П. (1780 – 1852 гг.). Министр финансов 1844 – 1852 гг. Автор таможенного усиленно-охранительного тарифа 1850 г. взамен прежнего запретительного. По оценке исследователей «один из самых неудачных в галерее русских министров финансов».

Вышнеградский Иван Алексеевич (1831 – 1895 гг.) Министр финансов в 1887 – 1892 гг. По наблюдениям близко знавших его современников, Вышнеградский «мало интересовался вопросами социально-экономическими – рабочим и крестьянским», он «вкладывал всю свою энергию и душу в обширный замысел – создать национальную промышленность, освободить наш рынок от ввоза иностранных изделий и прежде всего от произведений германской индустрии, и вместе с тем исправить наш торговый и расчётный баланс ... Вышнеградский был совершенно глух к жалобам потребителей ... предметов иностранного ввоза, в частности к протестам землевладельцев. Да и вообще к запросам земледелия относился с безразличием, вступая в беспощадную борьбу с «аграриями» во всех тех случаях, когда из их уст делались выпады против его любимого детища – общего таможенного тарифа». «Его идеал был – доведённый до минимума ввоз с возможно крупным таможенным доходом, и этого он добился тарифом 1891 г.». По словам нынешнего историка «Вышнеградский гораздо смелее, чем его предшественник, относился к возможности непосредственного участия государства в хозяйственной деятельности и особенно – регулированию государством частной предприимчивости. К концу четвёртого года управления Министерством финансов Вышнеградскому удалось достичь главной цели, которую он ставил перед собою как министр. Финансовая смета на 1891 г. не только не предусматривала дефицита, но даже обещала избыток поступлений». (см. Шепелёв Л. Е. Царизм и буржуазия во второй половине XIX века. Проблемы торгово-промышленной политики. Л., 1981. С. 155 – 156).

Гурьев Дмитрий Александрович (1751 – 1825 гг.) – граф, действительный тайный советник, министр финансов в 1810 – 1823 гг., член Государственного совета. Для оценки управления министерством в годы Гурьева необходимо считаться с очень трудными условиями, в которые вообще он был поставлен. В первые годы его правления, 1801 – 1805 гг., по замечанию А. А. Корнилова, «львиная доля бюджета (около 30 – 40 %) тратилась на содержание армии и флота. Около 10% шло на

содержание двора». Однако, «бюджет двора разросся в предыдущие царствования. Александр I в первые годы значительно урезывал придворные расходы и вызывал этим против себя даже нарекания со стороны придворных, которые громко обвиняли его в невиданной скупости» (Корнилов А. А. Курс истории России XIX века. М., 1993. С. 73 – 74). Всё же ассигнационный курс рубля в это время «стал повышаться, несмотря на ежегодные новые выпуски ассигнаций, так что в 1803 – 1804 гг., когда число обращавшихся ассигнаций превысило уже 300 млн. руб., курс их стоял выше 80 коп. за рубль». При Екатерине II он падал до 70 коп. Война с Наполеоном, однако, совершенно подорвала и этот успех: «когда в 1813 г. Александр решил перенести войну за границу, то на содержание 200-тысячной армии требовалось, по расчёту Баркляя де Толли, немедленно на ближайшие два месяца – 14 ½ миллионов рублей звонкой монетой. Правительство ожидало получить с уральских заводов не более 5 ½ млн., недоставало таким образом 9 млн. руб. «Выпуск ассигнаций – пишет Корнилов – не мог выручить, так как требовалась именно звонкая монета; Аракчеев писал тогда Нессельроде [министру иностранных дел] об опасениях, существовавших у правительства, что цена бумажного рубля понизится до 10 коп. *При таких условиях продолжение войны с Наполеоном оказалось возможным только благодаря Англии, которая была заинтересована в этом продолжении и субсидировала Россию крупными суммами, выплачиваемыми звонкой монетой или английскими полноценными кредитными билетами.* От окончательного банкротства Россия спаслась тогда в значительной мере благодаря выгодному торговому балансу, который установился после введения тарифа 1810 г. Вывоз сильно превышал ввоз в эти годы, несмотря на войну». (Там же, С. 102) При Гурьеве приняты новые таможенные тарифы 1816 и 1819 гг., которые понизили многие прежние пошлины на ввоз иностранных товаров и сняли запреты импорта (установленные ещё в пору континентальной блокады на торговлю России с Англией). Торговый баланс Империи, вследствие этого был поколеблен и прилив звонкой монеты в бюджет сократился. Это удерживало низкий курс рубля. Понижение же пошлин на ряд фабричных изделий «заставило многие русские фабрики сократить или совсем прекратить свою деятельность». (Там же, С. 111) В то же время полной неудачей закончилась попытка Гурьева ввести в 1813 г. либеральный тариф на ввоз английской пряжи. Министр считал, что время свободной конкуренции русских и английских товаров в этой области уже вполне пришло, что «русские мануфактуры уже достаточно поддержаны; но это обстоятельство вызвало страшный вопль среди московских фабрикантов, которые только что начали оперяться; их заявления были поддержаны министром внутренних дел Козодавлевым и даже канцлером графом Н. П. Румянцевым». В результате московское купечество отстаивало свои требования, признанные канцлером справедливыми. (Там же, С. 103).

Княжевич Александр Максимович (1792 – 1872 гг.) Министр финансов в 1858 –

1862 гг.

Коковцов Владимир Николаевич. (1853 – 1943 гг.) Министр финансов 1903 – 1914 гг. Автор мемуаров «Из моего прошлого. Воспоминания. 1903 – 1919 гг.» Удачно провел несколько крупных международных займов после революционных потрясений 1905 г. Результатом этого стала постепенная как финансовая, так и политическая стабилизация Империи.

Рейтерн Михаил Христофорович (1820 г. рожд.) Министр финансов в 1862 – 1878 гг. Инициатор программы экономического развития России, выдвинутой им в 1866 г. В этой программе М. Х. Рейтерн, между прочим, подчёркивал, что «в течение многих лет как правительство, так и высшие классы жили сверх средств, расходовали более своего дохода. Целый почти век сбережения народа стягивались в руки правительства или принадлежащих ему кредитных установлений». Для изменения этого положения Рейтерн считал необходимым остановить «эмиграцию капиталов», чего можно достичь только благодаря «возрастающему доверию к стойкости наших политических учреждений, к прочному, но постепенному и неспешному привитию к гражданской жизни главных начатых реформ, и убеждение, что мы далеки от вмешательства в политические распри других держав. Во-вторых, денежный рынок должен быть облегчён, а это возможно только при уменьшении правительственных к нему требований; тогда ежегодные сбережения страны сами польются во все оскудевшие в настоящее время каналы промышленности и жалобы на безденежье уменьшатся и, наконец, перестанут. И, в-третьих, правительство должно обращаться к денежному рынку лишь или по крайней мере преимущественно для производительных затрат, а между ними первое место занимают железные дороги». По его мнению, необходимо было «облегчить рынок [денежный] и устранить всё то, что усиливает заграничные платежи», «усилить нашу вывозную торговлю» и изыскать меры «могущие удержать и привлечь капиталы в Россию». Отмечая, что иностранные капиталы не идут в железнодорожное дело России, считая его убыточным, он видел первым условием успеха «искоренение» на Западе такого представления об их бездоходности. Он признавал невозможным создание железнодорожной сети без привлечения к тому иностранного капитала. В целях прекращения перевода денег за границу предписывалось «прекратить на будущее время правительственные заказы за границую». Рейтерн являлся категорическим противником каких-либо войн для России. Русско-турецкая война 1877 – 1878 гг. решающим образом повлияла на его отставку. Вся «система Рейтерна» в результате пережила неудачу. Автор «Финансового духовного завещания» (1877 г.) (Шепелёв Л. Е. Царизм и буржуазия во второй половине XIX века. Проблемы торгово-промышленной политики. Л., 1981. С. 103 – 108).

8.5. Главнейшие отрасли и важнейшие промышленные предприятия России в начале XX в.

Все крупнейшие промышленные предприятия России можно разделить на несколько отраслевых групп. В начале XX века этими отраслями являлись:

- I. По обработке волокнистых веществ, куда входили текстильные бумагопрядильные и ткацкие мануфактуры.
- II. Писчебумажные фабрики и изделия из бумаги.
- III. По обработке дерева и лесопильные заводы.
- IV. По обработке металлов и машиностроительные. Сюда же относились предприятия электротехнические.
- V. Техно-химические заводы (стеариновые, мыловаренные, производства технических масел, костеобжигательные, меловые, красильные).
- VI. Керамические, стекольные и цементные заводы.
- VII. Производство питательных веществ.
- VIII. Кожевенные заводы и механического производства обуви.

Эта градация была установлена Отделом промышленности Министерства Финансов.

Территориальное размещение промышленности в Российской Империи имело заметные особенности, не было равномерным и складывалось в соответствии с уровнем развития её так называемых национальных окраин. Различия здесь были очень велики. Традиционно текстильная промышленность формировалась в таких центрах как Москва, Владимир, Орехово-Зуев, Ярославль, Иваново-Вознесенск, Кострома, составлявшие так называемый Центральный промышленный район. Все центры этого района тяготели к Московской промышленности или же были связаны семейными узами с московским купечеством. Сами москвичи не ограничивались собственностью в Москве и Московской губернии, выступая пайщиками мануфактур далеко за пределами своих главных предприятий. Равных этому району по мощности производства и концентрации его не было во всей Империи. Московские мануфактуры сбывали свои изделия не только в близлежащих губерниях, но и на Украину, Кавказ, Среднюю Азию, Персию и Китай. Однако, традиционным конкурентом московским мануфактуристам была польская Лодзь. Царство Польское тогда, как известно, входило в состав Российской Империи и не было отделено таможенными тарифами от остальной части страны. Крупнейшими текстильными мануфактурами московского купечества можно назвать:

- Прохоровская Трёхгорная мануфактура;
- Товарищество Никольской мануфактуры Саввы Тимофеевича Морозова;
- Товарищество мануфактур П. И. Рябушинского с Сыновьями;
- Компания Богородской Глуховской мануфактуры (Н. и К. П. Морозовых);
- Товарищество мануфактур Викула Морозова с сыновьями;

- Товарищество Саввинской мануфактуры Викула Морозова сыновей;
- Товарищество Даниловской мануфактуры;
- Промышленное и Торговое Товарищество П. Малютина Сыновья;
- Товарищество Бахрушина Сыновья;
- Товарищество С. И Г. Василия Балашова Сыновья.

Перечисленные мануфактуры являлись большими по своим капиталам и числу машин и рабочих. Кроме того, они насчитывали уже не одно десятилетие своего существования в Империи, имея всероссийскую известность. Исконно русские фамилии их владельцев, из поколения в поколение приумножавших дело своих отцов, создавали репутацию и наследникам. Преисполненные гордостью за своё дело и купеческое звание, москвичи своеобразно сравнивали себя с дворянством. В. П. Рябушинский заметил как-то: «Родовые фабрики были для нас то же самое, что родовые замки для средневековых рыцарей». (см. Бурышкин П. А. Москва купеческая. М., 1991. С. 151).

Для того, чтобы рассеять сомнения относительно отсталости царской России в промышленном отношении приведём список крупнейших металлообрабатывающих предприятий Империи, известных в большинстве своём и в Западной Европе. Эти предприятия были основаны в России инициативой иностранцев или вступали в соглашения с крупнейшими производителями Европы и США. Таким образом, они могли более или менее успешно конкурировать с аналогичными им заграничными предприятиями.

Механические и машиностроительные заводы Империи. К числу крупных и известных производителей относились:

- Общество Путиловских заводов, в Петербурге;
- С.-Петербургский Металлический завод;
- Общество Коломенского машиностроительного завода в Московской губернии;
- Общество Брянского рельсопрокатного, железоделательного и механического завода;
- Русское Общество «Всеобщая Компания Электричества» ВКЭ, машиностроительный и электротехнический завод в Риге;
- Русское Общество машиностроительных заводов Гартмана в Луганске;
- Товарищество чугунолитейного и машиностроительного производств Добровых и Набгольц в Москве;
- Акционерное Общество (для постройки экономических путей сообщения и механических приспособлений системы) «Артур Коппель» в Петербурге;
- Машиностроительный и чугунолитейный завод «Людвиг Нобель» в Петербурге;
- Акционерное Общество машиностроительного, чугунолитейного и котельного завода «Г. А. Лесснер» в Петербурге;
- Люберецкий тормозный завод, в московской губернии;
- Товарищество Невского судостроительного и механического завода в

Петербурге;

- Общество судостроительных, механических и литейных заводов в Николаеве на Юге России (Украина);
- Русское Паровозостроительное и механическое Общество (Буэ, Харьковский паровозостроительный завод);
- Чугунолитейный и механический заводы Ф. Сан-Галли, в Петербурге и Москве (отделение);
- Общество русских электро-технических заводов Сименс и Гальске в Петербурге;
- Общество железоделательных, сталелитейных и механических заводов «Сормово» в Нижегородской губернии;
- Общество Франко-Русских заводов, бывших Берда, в Петербурге;
- Русское Общество Шуккерт и Ко в Петербурге;
- Русское Общество Л. М. Эриксон в Петербурге;
- Первая Российская фабрика наждачных изделий и машиностроительный завод инженера Н. Н. Струк в Петербурге.

Этот список далеко не полный (данные см.: Иванов П. Г., Хачко А. К. Справочная книга русских и иностранных промышленно-технических предприятий (металлургических и машиностроительных), правления и представительства которых находятся в С.-Петербурге. СПб. 1908. С. 51 – 170.). Сюда не вошли многие заводы Прибалтики, Царства Польского (Варшавы), Великого Княжества Финляндского, которые тогда были в составе Российской Империи, а, значит, были связаны своим развитием и успехами с политикой имперского руководства. Характерно, что важнейшие для правительства и обороны страны предприятия размещались в очень большой доле именно в Петербурге и его окрестностях. Петербург являлся и столицей и промышленным лидером Империи, неоспоримо первенствуя в отношении целого ряда производств: судостроении, артиллерии, приборостроении, электротехнике, пороховом производстве, оптике, специальной металлургии. «Зависимость от Петербурга» испытывали все промышленные предприятия Империи, связанные с тяжёлой промышленностью, т. е. металлургией и металлообработкой, механическим производством. Правления и представительства таких обществ размещались постоянно в Петербурге, рядом с министерствами и департаментами. Казённые заказы – вот чего добивались в первую очередь частные производители в этих отраслях.

Большинство из названных заводов управлялось русскими подданными иностранного происхождения: немцами, французами, бельгийцами, англичанами, шведами, поляками, финнами. Практически все эти предприятия не только сохранились (многие и до нашего времени), но продолжали свой рост в советские годы. Они составили гордость России и репутацию ей как крупнейшей промышленной державы мира.

Примерами такого рода участия иностранцев в крупнейших промышленных

предприятиях Империи могут служить следующие:

Состав правления Общества Русских электро-технических заводов Сименс и Гальске (С.-Петербург): В. фон-Сименс (председатель), барон Николай Егорович Врангель, Герман Осипович Герц, Бернгард Августович Цейтшель, А. Берлинер. Доверенные: Георг Фёдорович Кандлер, Карл Рудольфович Нейман, Василий Андреевич Риль, Генрих Леонардович Садэ, Георг Георгиевич Берг, Николай Генрихович Вестфален, Андрей Николаевич Фирсов.

Состав правления Русского паровозостроительного и механического Общества (Харьковский паровозостроительный завод): Виктор Михайлович Иванов (председатель), директора: Адольф Иванович Груббе, Андрей Андреевич Бунге, Константин Логгинович Вахтер, Эмиль Христианович Госкье, Альфред Иванович Мураний, Магнус Феликсович Норпе. Начальник технической конторы инженер-технолог Мечислав Станиславович Узембло. Директор завода Павел Павлович Риццони.

Состав правления Общества Коломенского машиностроительного завода: Анатолий Иванович Лессинг (председатель), Алексей Павлович Мещерский (директор-распорядитель), директора: барон Александр Амандович Крюденер-Струве, Эрнест Фёдорович Рыдзевский, Александр Иванович Вышнеградский. Технический руководящий персонал Коломенского общества был уже вполне русский. Его директорами состояли Алексей Алексеевич Зяблов (машиностроительный завод в Коломне), и Пётр Михайлович Вавилов (Кулебакский сталелитейный завод того же Общества во Владимирской губернии).

Состав правления Товарищества латунного и меднопрокатного заводов Кольчугина, во Владимирской губернии: Артур Романович Келлер (директор-распорядитель), директора: Гуго Максимович Вогау, Гуго Маврикиевич Марк, Рудольф Васильевич Герман и Владимир Иванович Штуцер. Директор заводов горный инженер Юлий Петрович Кюнш и лишь представитель Общества в Петербурге именовался Николай Александрович Пахомов. (сведения см. Иванов П. Г., Хачко А. К. Справочная книга русских и иностранных промышленно-технических предприятий (металлургических и машиностроительных), правления и представительства которых находятся в С.-Петербурге. СПб., 1908. С. 80, 96, 110).

Таких примеров можно было бы привести десятки. Они относятся к самым крупным в Империи предприятиям машиностроения, металлообработки, чугунно- и сталелитейным производителям. Немецкий персонал концентрировался преимущественно в Петербурге, однако, немцев можно было увидеть повсюду: и на Юге, и в Подмосковье и, в преобладающем числе в Царстве Польском (горная промышленность и металлургия).

Относительно районирования Империи по её промышленным центрам и регионам, вот как об этом сообщалось в одном солидном издании: «Главнейшие у

нас промышленные области следующие: 1) Центральный район. (Московская, Владимирская, Калужская, Костромская, Нижегородская, Смоленская, Тверская и Ярославская губернии). 356 кв. вёрст, 12 млн. населения Производительность 460 млн. руб. 2) Балтийский район или Петербургский (Петербургская, Новгородская, Псковская, Курляндская, Лифляндская и Эстляндская губернии). 177 тыс. кв. вёрст. Около 6 млн. населения. Главнейшие центры Петербург и Рига. Производительность 242 млн. руб. 3) Привислинский или Польский район (губернии бывшего Царства Польского). 112 кв. вёрст, около 9 млн. населения. Производительность 210 млн. руб. 4) Уральский или Восточный район (губернии Вятская, Казанская, Уфимская, Оренбургская, Пермская и Самарская). 890 тыс. кв. вёрст, около 15 млн. жителей. Производительность – 114 млн. руб.» (см. Русский альбом. Пароходство, промышленность и торговля. М., 1894 – 1895. С. 35 – 44.). Однако, здесь не назван важнейший горнопромышленный и угледобывающий район Империи, так называемый Юг или Донецкий бассейн с его главными промышленными центрами в Харькове и Екатеринославе. Этот район к 1900 г. занял доминирующее во всей экономике Империи место, далеко обогнав Уральский район. Именно Юг (Малороссия) стал главным районом металлургии (рельсо- и сталепрокат) и угледобычи для всей России. Заметное значение имели в Империи и заводы Великого княжества Финляндского, особенно в судостроении. Показательно, что Сибирь, этот гигантский в экономическом смысле крестьянский регион не был тогда в числе промышленных районов. Сибирь являлась по-прежнему аграрным регионом, не имея сколько-нибудь заметного промышленного значения. Зато Кавказ уже всюду формировался как главный нефтепромышленный район Империи с центром в Баку.

Паровозо- и вагоностроение. Паровозостроение, наряду со строительством железных дорог, стало настоящим локомотивом тяжёлой индустрии империи, в которой расстояния и бездорожье были одной из «природных причин» отсталости. Иностранцы и здесь сыграли видную роль в становлении этой дорогостоящей индустрии. Паровозное производство стало символом независимости Империи, свидетельством её самостоятельности как великой промышленной державы мира.

Немногие отрасли промышленности по самим свойствам требовали планирования и затрат на целый ряд лет вперёд. Такими уже тогда стали паровозо-вагоностроение, судостроение и производство вооружений. Экономическое развитие Империи, начиная с 1860-х гг. всё заметнее получает черты долгосрочного планирования, организации, финансирования и государственной поддержки (неизбежного протекционизма, в отличие от стихийно-волюнтаристского прежде).

Вызвать инициативу среди только русских предпринимателей в деле для них новом и очень дорогим было едва ли возможно. Заграничные производители имели необходимый опыт и работали дешевле. Россия ввозила всё возрастающее число паровозов из Англии и Пруссии, массу запасных частей к ним. Комиссия при МПС в

1867 г. (под председательством товарища министра путей сообщений Э. И. Герстфельда) рассмотрела предложения от русских и иностранных «капиталистов» и выработала единообразные требования к концессионерам, конкурирующим в этой отрасли. Принципиально было признано необходимым, во-первых, поставка подвижного состава на долгосрочной и конкурентной подрядной основе. Для стимулирования отрасли таможенные тарифы на подвижной состав были с 1868 г. увеличены. В концессии вновь строящихся частных железных дорог были введены обязательные условия поставки подвижного состава с отечественных заводов. «Исходя из опыта железнодорожного строительства западноевропейских стран, где в среднем на каждые 1,5 тыс. вёрст железных дорог приходился один паровозостроительный завод, – пишет А. М. Соловьёва, – было рассчитано, что потребность России может ограничиться пятью паровозостроительными заводами производительностью по 20 – 25 паровозов в год (в расчёт был принят срок службы паровозов, определённый в 12 лет, при ежегодных пробегах в 25 тыс. вёрст, что вызвало при общей численности их в 1340 штук, необходимую ежегодную смену в 112 паровозов). Потребность в вагонах была установлена в размере 2,5 тыс. штук в год, для чего требовалась организация пяти вагоностроительных заводов производительностью в 500 вагонов в год. Учитывая, что постройкой вагонов занимаются несколько железнодорожных мастерских, комиссия сократила число требуемых вагоностроительных предприятий до трёх. По разработанным подрядным условиям каждому заводу должен был предоставляться ежегодный заказ в течение шести лет на 20 – 25 паровозов и 500 вагонов с выдачей субсидий по 300 тысяч рублей для паровозостроительных заводов и 150 тыс. руб. для вагоностроительных заводов. Цены на данную продукцию должны были быть на 8,5 % больше средних зарубежных цен. По мотивам стратегического характера комиссия считала необходимым рассредоточить предприятия транспортного машиностроения в разных местах страны в целях «обеспечения снабжения железных дорог паровозами и в случае захвата какого-либо завода неприятелем»». (см. Соловьёва А. М. Железнодорожный транспорт России во второй половине XIX в. М., 1975. С. 140). Главнейшими производителями паровозов в 1870 – 1880 гг. являлись два завода Невский механический в Петербурге и Коломенский (тогда завод братьев Струве) в Подмоскowie. Показательно, что главный тогда производитель, Невский судостроительный и механический завод кадры мастеров и инженеров для установки производства выписывал из Пруссии и Австрии. Третьим по значению явился в то время Людиновский (Мальцевского общества) паровозостроительный завод. Казённые заводы и мастерские не покрывали и десятой доли общей потребности в паровозах. В 1890-х гг. число производителей увеличилось. Появились Путиловский завод, открывший у себя паровозное дело в 1894 г., Брянский рельсопрокатный (с 1893 г.) Харьковский паровозостроительный (французский, развернул производство с 1898 г.), Сормовский (с 1898 г.), Луганский

завод Общества Гартман (немецкий, выпуск начал с 1900 г.). Лидерство в отрасли прочно установилось за Коломенским машиностроительным заводом.

В 1895 – 1899 гг. в Империи возник ряд специализированных вагоностроительных заводов: Мытищенский, Тверской, СПб. Вагоностроительный, вагоностроительное Общество «Феникс» в Риге, Общество «Двигатель» в Ревеле (Таллин), Николаевский и Киевский заводы на Юге (Украина), Усть-Катавский на Урале. Большое количество вагонов выпускалось заводами, строившими паровозы (Брянским, Коломенским, Путиловским и Сормовским). Бесспорным лидером вагоностроения был знаменитый Русско-Балтийский вагонный завод в Риге, основанный в 1869 г. Всеми заводами 1899 г. было построено 25.880 товарных вагонов и 934 пассажирских. Наибольшее количество пассажирских вагонов – 2251 было построено в 1912 г. (см. Очерки истории техники в России (1861 – 1917 гг.). М., 1975. С. 26.).

Судостроение. Положение судостроения в России может служить самым наглядным примером того несоответствия, которое имелось в Империи между потребностями, политикой и реалиями. Если речное судостроение достаточно полно удовлетворялось работой частных судостроительных заводов, то морское, как каботажное, так и в особенности судостроение дальнего плавания (океанский флот) развивалось чрезвычайно однобоко. Гражданское или как его определяли коммерческое судостроение проходило для России на верфях Англии, Германии, Дании, Швеции. Причиной такого положения называлась в первую очередь дешевизна иностранного кораблестроения и быстрота работ. Кроме того значение имела мощность корабля и его оборудование, так как судовые (паровые, дизельные) машины закупались часто за границей, как и всевозможные приборы, механизмы, аппараты. В гражданском речном судостроении выделялись такие крупные и старейшие в России заводы как Сормовский, Коломенский и завод Курбатова в Нижегородской губернии. Все эти верфи были внутренними речными и обслуживали Поволжье и Каспий, т. е. закрытые морские бассейны. Вот как неутешительно оценивала состояние отечественного судостроения газета «Котлин» в 1901 г.: «Из всех 157 пароходов в России построены всего 5 (вместимостью 4.038 т.), а 152 за границей (вместимостью 178.848 т.), а именно: в Англии – 110 пароходов (136.716 т.), Германии – 14 пароходов (15.209 т.), Дании – 8 пароходов (11.301 т.), Швеции – 7 пароходов (4.719 т.), Австрии – 6 пароходов (1.575 т.), Шотландии – 4 парохода (7.208 т.), Голландии – 2 парохода (1.630 т.) и Норвегии – 1 пароход». (Котлин. 1902. 21 ноября. № 263. с. 2.) Это касалось собственно торгового судостроения. Подводя итоги этого судостроения в том же году, Министерство Финансов подсчитало, какое место занимала Россия среди европейских стран: торговых судов в Англии было построено вместимостью 1.223.600 тонн, в Германии – 205.000 тонн, во Франции 117.000 тонн, Италии – 67.500 тонн, Голландии и Бельгии – 45.000 тонн, Норвегии – 32.000 тонн, Австро-Венгрии – 15.000 тонн, России – 7.200 тонн. «У нас строятся, –

писала столичная газета, – по преимуществу парусные суда, паровые большей частью привозятся из Англии. наших судостроительных заводов не хватает даже для отечественного военного судостроения. Так, например, в 1900 – 1901 гг. большинство военных судов построены за границей: эскадренный броненосец «Ретвизан» в Филадельфии, «Цесаревич» в Тулоне, крейсера «Баян» в Тулоне, «Варяг» в Филадельфии, «Богатырь» в Штеттине, «Аскольд» в Киле и «Новик» в Эльбиге. В настоящее время есть основание предполагать, что в 1903 г. наши судостроительные заводы в С.-Петербурге, Николаеве, Севастополе справятся с постройкою новых военных судов. Однако, невозможно рассчитывать на то, чтобы на этих же заводах строились бы суда торгового флота ... Для торгового судостроения нам придётся построить специальные судостроительные заводы». (см. Новости и биржевая газета. 1902. 27 ноября. № 327. с. 3. Роль России в международном торговом судостроении.) Только военное судостроение до кораблей самого большого водоизмещения производилось силами казённых заводов, из которых Балтийскому судостроительному заводу в Петербурге принадлежало первое место. Положение частных заводов в системе крупного военного судостроения было крайне неустойчивым. Заказы частным производителям давались весьма ограниченно и без гарантий дальнейших заказов. Сами же заказы расплывались между весьма различными производителями вместо поощрения наиболее заслуженных и опытных заводов. Частная промышленность, однако, имела, даже при таких сложных для неё условиях выдающееся значение. Невский судостроительный завод в Петербурге занял к концу XIX в. исключительное положение как производитель миноносцев. Франко-русский завод единственный из частных строил огромные судовые машины для броненосцев, подобно казённому Балтийскому заводу. Николаевский судостроительный завод «Наваль» на Юге стал важным в постройке крейсеров для Чёрного моря. С принятием же судостроительных программ 1911 и 1912 гг. усиленно возводились новые верфи при содействии судостроительных фирм Германии («Вулкан» и «Шихау») в Риге, Франции в Ревеле, Франции и Германии («Шнейдер-Крезе» и «Блом унд Фосс») в Петербурге.

8.6. Внешнеэкономические связи Российской империи в к. XIX – н. XX вв.

Англо-русские экономические связи накануне первой мировой войны заметно активизировались в связи с заключением политической Антанты между Россией и Англией в 1907 г. Деятельность английского бизнеса получила значительный простор. Она выражалась в следующих направлениях: российские государственные, железнодорожные и городские займы; прямые английские инвестиции в горнодобывающую, нефтяную и пищевую промышленность, разведочно-изыскательские работы, добычу цветных металлов, английские

инвестиции в российские банки, техническое содействие и финансирование частной военной промышленности Империи, рост внешнеторговых оборотов за счёт увеличения промышленного экспорта английских товаров в Россию. Только за период 1906 – 1914 гг. Россия получила от Англии займов на 473, 4 млн. руб., что составило почти $\frac{3}{4}$ всей её предвоенной задолженности Англии. Самая значительная часть этой суммы поступила в форме железнодорожных займов, затем следовали ссуды правительству и городам. Государственные займы 1906 и 1909 гг. составили 16. 945 тыс. ф. ст., железнодорожные – 18.326 тыс. ф. ст. и городские 14. 862 тыс. фн. ст. «Английский ссудный капитал, – пишет А. В. Игнатъев, – устремился и в городские займы России. Последние появились на заграничных рынках сравнительно поздно, и конкуренты Англии не успели установить здесь прочные связи. В 1908 – 1914 гг. на лондонском рынке было реализовано 15 займов русских городов. Наиболее крупными из них были 4,5-процентный заём Москвы 1912 г. (3 676 тыс. ф. ст.) и 4,5-процентный заём Петербурга 1913 г. (2 156 тыс. ф. ст.). В списке городов, разместивших в этот период займы в Англии, находились и другие важные экономические и административные центры страны – Баку, Киев, Рига, Гельсигфорс, Николаев, Саратов, Пермь, Астрахань. государственные займы 1906 и 1909 гг. размещал банкирский дом «Беринг бразерс». Глава его – лорд Дж. Ревельсток стоял близко к правительственным кругам Англии и был одно время директором Английского банка. Этот же банкирский дом был личным кредитором династии Романовых. Соглашение в военной области касалось заключённого ещё в 1904 г. договора между Военным министерством России и фирмой «Виккерс» о производстве пулемётов системы Максим по лицензии этой фирмы на казённых заводах в России. За каждый произведённый пулемёт Военное министерство платило фирме по 80 фн. ст. с правом получать всю техническую документацию и информацию об улучшениях и изменениях в конструкции пулемёта. Договор заключён был сроком на 10 лет. Ранее, начиная с 1896 г. Россия все пулемёты этой системы покупала в Англии. Предприятия, в которых английский капитал участвовал в решающей доли в России были следующими: Ленское золотопромышленное товарищество в Сибири, подконтрольное фирме «Лена-Голдфилз», Общество Спасских медных руд на Урале, Кавказская меднопромышленная компания, Русская генеральная нефтяная корпорация, нефтяное Общество «Мазут», Общество «Эмба-Каспий», Русское нефтепромышленное общество. На завоевание русского жидкого топлива было направлено 40% нефтяных инвестиций Великобритании. По ввозу машин в Россию Англия сохранила второе место после Германии. На английский флот приходилось 40% всех морских внешнеторговых перевозок России, а на Чёрном и Азовском морях свыше 50% перевозок. Более половины всех морских судов собственно торгового флота России было построено на английских верфях. «Почти половину всего русского импорта по весу составлял каменный уголь, доставляемый в

основном из Англии. На нём работал весь Северо-западный промышленный район и большая часть Балтийского флота». И этот ввоз продолжал увеличиваться. С большим успехом развернули экспортное дело англичане в Сибири, поставляя туда холодильники, мясные фабрики, арендуя склады и вывозя из Сибири в Англию масло. Главным контрагентом здесь выступал Союз сибирских маслодельных артелей. (см. Игнатъев А. В. Русско-английские отношения накануне первой мировой войны. (1908 – 1914 гг.). М., 1962. С. 20 – 53.).

Германо – российские экономические связи. В 1870-х – 80-х гг. главным кредитором России была Германия. До 1887 г. в Германии было сосредоточено 60% русских государственных и частных обязательств. Это отвечало не только тесным экономическим связям, существовавшим между обеими странами, но и политическим условиям. Союз трёх императоров только укреплял и без того первое место Германии во внешней торговле России. Германские машины и по цене и по качеству успешно конкурировали с английскими. Германия экспортировала в больших размерах металлы, химические продукты, инструменты и заводское механическое оборудование в Россию. В хлебной торговле России Германия также занимала значительное место. С одной стороны Германия сама ввозила большое количество зерновых из России, с другой – вывозила хлеб в некоторые европейские государства, в частности в Англию, с выгодой перепродавая при этом и часть русского хлеба. «Введённые в Германии в 1879 г. таможенные пошлины на импортный хлеб, – пишет В. М. Хвостов, – вновь повышенные в 1885 г., жестоко задевали русских аграриев и вызывали в них раздражение против Германии. Однако это раздражение не могло серьёзно повлиять на русско-германские отношения, ибо Германия по-прежнему оставалась важнейшим рынком для русского хлеба и сырья. В 1879 г. она поглощала 30% русского экспорта». (см. Хвостов В. М. Проблемы истории внешней политики России и международных отношений. М., 1977. С. 218 – 220.). На протяжении короткого времени Германия трижды (в 1879, 1885 и 1887 гг.) повышала пошлины на русский хлеб. Германский статс-секретарь по иностранным делам Маршалль фон Биберштейн позднее, в 1894 г., признавался, что введение пошлин на хлеб в 1887 г. обуславливалось не столько потребностями германского сельского хозяйства, сколько необходимостью возмездия России за повышение ею пошлин на уголь и железо. В 1893 г., после очередного повышения пошлин на русский хлеб, России пришлось платить за ввезённый в Германию хлеб на 114% больше, чем другим странам. В свою очередь Россией было установлено на германские товары таможенное обложение в 80 – 90% и более по сравнению с другими странами. Известный экономист А. И. Чупров признавал, что агрессия в экономической войне исходила от Германии и что со стороны России эти чрезвычайные таможенные меры были вынужденными. (Манфред А. З. Образование русско-французского союза. М., 1975. С. 315 – 316.). Со второй половины 1880-х гг. в целях политического давления на царское правительство германская биржа, поддерживаемая и даже

инспирируемая правительством Бисмарка, повела систематическую кампанию против русского рубля. Русский рубль дискредитировался германской печатью, его курс в Германии фактически был значительно ниже, чем он официально котировался в стране. Осенью 1887 г. в связи с ухудшением германо-русских отношений ряд русских займов был исключён по инициативе Бисмарка из списка бумаг, принимаемых германским имперским банком в залог. Это и вызвало резкое понижение курса русских бумаг и рубля. Такой оборот поставил Россию перед необходимостью искать новые финансовые рынки.

С другой стороны, промышленный протекционизм в России привёл к сильному падению прежнего промышленного экспорта Германии в Россию. В 1879 г. 48% русского импорта поступало из Германии, а в 1889 г. эта доля понизилась до 33%, причём абсолютная ценность германского экспорта в Россию за те же годы упала с 266 до 124 млн. руб. Громче всех заявляли о своих потерях металлургическая промышленность Верхней Силезии и фирма Круппа.

Русско-германская таможенная война. В 1891 г. между Россией и Германией начались переговоры о заключении торгового договора. Россия добивалась снижения германских пошлин на хлеб, лес и т. д. Германия стремилась к снижению русских пошлин на промышленные товары: продукты машиностроения, химии, электроиндустрии и металлургии. Правительство России, желая внутреннего развития этих отраслей, не склонно было принимать эти предложения. В начале 1892 г. новый министр финансов С. Ю. Витте выдвинул более решительные меры борьбы с германскими претензиями. Он предложил установить систему двойного таможенного тарифа: минимального для стран, предоставивших России права наибольшего благоприятствования, и максимального с соответствующими надбавками для стран, которые этих прав России не предоставили. Это сообщение вызвало тревогу в правящих сферах Германии, однако и после этого германское правительство не сделало никаких конкретных шагов для урегулирования торговых отношений с Россией. Желая во что бы то ни стало сломить сопротивление России, Германия обложила русские товары более высокими пошлинами, чем товары других стран. Новый министр финансов С. Ю. Витте ответил на это значительным повышением пошлин на германский экспорт в Россию (с надбавкою 30% стоимости на ввозимые изделия и 20% – на полуфабрикаты). Ожесточённая таможенная война, начавшаяся в острой форме с августа 1893 г., весьма обострив русско-германские отношения, не поколебала тем не менее твёрдой позиции российского правительства. «Многие ожидали, – вспоминал Витте, – что вспыхнет настоящая война. Я помню, как раз в это время был выход в Петергофе. Когда я появился, все от меня сторонились и меня громко критиковали, как молодого человека, неудержимого, который Россию втянет в войну. Из министров только один военный министр Ванновский стал на мою сторону». (Витте С. Ю. Воспоминания. Мемуары. Том I. М., Минск. 2002. С. 439 – 440.). Генерал П. С. Ванновский настаивал на твёрдости в отношении Германии, говоря, что «иначе мы будем находиться под

постоянным гнётом немцев». Сам Витте рассуждал так: «Я отлично понимал, что мы в состоянии гораздо легче выдержать этот бескомпромиссный бой, нежели немцы. Потому что вообще в экономическом отношении мы гораздо более в состоянии снести, гораздо более выносливы, нежели немцы. Так как всякая нация, менее развитая экономически и, кроме того, всякий экономический быт, менее развитый, при таможенной войне, конечно, менее ощущает потери и стеснения, нежели нация с развитой промышленностью и с развитыми экономическими оборотами». (Шишов А. В. Витте. Финансовый гений последних Романовых. М., 2004. С. 87 – 88.). Обе стороны несли большие убытки. Германский ввоз в Россию почти прекратился. Большие партии германских полуфабрикатов и товаров, заказанных до таможенной войны, могли быть сданы лишь с большими убытками. Больше всего пострадали от таможенной войны германская железоделательная промышленность и машиностроение. Русская внешняя торговля также страдала от сокращения рынка. Поняв, что таможенная война не привела к искомым результатам, германская дипломатия предложила в октябре 1893 г. русскому правительству возобновить переговоры, которые завершились в феврале 1894 г. подписанием нового русско-германского торгового договора.

Русско-германский торговый договор был заключён 10 февраля 1894 г. в Берлине сроком на 10 лет. Согласно его условиям, Россия отказывалась от автономного таможенного тарифа и снижала пошлины на германские промышленные товары на 18 – 65% по сравнению с тарифом 1891 г.; Германия, в свою очередь, распространяла на Россию льготный тариф, установленный в 1891 г. в торговых договорах Германии с некоторыми странами, что означало понижение ставок на 15 – 33% по сравнению с нормальным тарифом. Кроме того, договор распространял на обе стороны принцип наибольшего благоприятствования. Потери обеих сторон от сокращения таможенных доходов (обороты торговли оставались неизменными) были примерно одинаковы. Однако экономически более мощная Германия выигрывала больше от заключения нового договора. (см. Ламздорф В. Н. Дневник 1894 – 1896. М., 1991. С. 408 – 409, 411. Комментарии.) В июле 1904 г. состоялось подписание так называемой дополнительной конвенции (к договору 1894 г.), по существу представлявший собой новый торговый договор, который должен был действовать с марта 1906 г. по 31 декабря 1917 г. Россия сделала ряд важных уступок. В среднем на 50 – 60% увеличивались пошлины на ввозимые из России в Германию хлеба, на 70 – 80% – пошлины на продукты животноводства, причём германская сторона имела право закрыть границу для ввоза скота, мяса, дичи, основываясь, основываясь на своих ветеринарно-полицейских правилах. Одновременно условия германских промтоваров улучшались: Россия понизила пошлины по 88 статьям ввозного тарифа для германских изделий. Это относилось к готовым продуктам и полуобработанным материалам из кожи, дерева, фарфора, фаянса, железа, металлическим изделиям (машины, инструменты), химическим

продуктам, железу, стали, цинку и т. д. Небольшие уступки со стороны Германии касались некоторого понижения пошлин на ввозимые из России лесные материалы и керосин. Следует учесть, что конвенция 1904 г. была подписана Россией в условиях войны с Японией, что до некоторой степени сказалось на уступках с её стороны.

В предвоенные 1908 – 1913 гг. российский экспорт в Германию увеличился на 62,5%, а импорт германских товаров в Россию почти на 90%. (см. Игнатъев А. В. Русско-английские отношения накануне первой мировой войны (1908 – 1914 гг.). М., 1962. С. 49 – 50.).

«Довольно тесные связи поддерживались между банками России и Германии, – пишет А. С. Аветян. – Ещё в 1880 – 90-х годах в русских банках имели вклады Дойце банк, Дисконто-гезельшафт, Среднегерманский кредитный банк, Берлинер хандельсгезельшафт и др. Безусловно, главными кредиторами царского правительства были французские банки, в предвоенные годы их наступление росло. И тем не менее германский банковский капитал располагал немалыми позициями в кредитных учреждениях России. Немецкие банки располагали акциями в Петербургском международном коммерческом банке, Петербургском учётном и ссудном банке, Рижском коммерческом банке, Коммерческом банке в Варшаве и т. д. Германский капитал участвовал в созданном в 1912 г. Петербургском торговом банке. По данным на 1 января 1914 г., доля участия банков в русских акционерных коммерческих банках равнялась 17,7%. По отдельным банкам эта доля была значительно выше – в Русском банке для внешней торговли – 40%, Петербургском международном коммерческом банке – 42%. Для предотвращения вывоза золота за границу и обеспечения устойчивости вексельного курса, министерство финансов России держало на своём счету у иностранных банкиров крупные суммы, из которых производились платежи по государственной и частной заграничной задолженности. Около 60 – 70% фонда находилось в Париже, 25 – 30% – в Берлине. Важную роль в экономических связях играли займы. В начале XX в. из немецких банков был создан «русский консорциум» во главе с банкиром Мендельсоном, реализовавший займы для России на 390 млн. марок. После подписания русско-германского торгового договора 1904 г. велись переговоры о новом консорциуме немецких банков во главе с тем же банком Мендельсона. Предполагалось реализовать заём в 500 млн. марок (4,5%). Наряду с государственными займами в начале XX в. имели место займы отдельных немецких банков. По данным германской экономической прессы, на 1905 г. сумма немецких займов в России доходила до 2,5 млрд. марок. Вместе с тем в финансовых сферах Германии существовала тенденция поменьше ссужать денег России, чтобы воспрепятствовать развитию её экономики. Тем не менее в 1910 – 1911 гг. Россия получила 600 млн. марок». (Аветян А. С. Русско-германские дипломатические отношения накануне первой мировой войны 1910 – 1914. М., 1985. С. 50 – 54). В промышленности России немецкие производители электротехники имели

сильнейшие сравнительно с кем-либо позиции. Ни в одной отрасли эта монополия не выглядела так очевидно и так инационально. «В 1913 г., – пишет В. С. Дякин, – только 10% электроламп и 7% измерительных приборов, потребляемых в России, производилось внутри страны, вся основная масса их производилась в Германии. Из-за границы поступало также 57.7% машин и аппаратуры, а для тех электромашин, которые выпускались под маркой русских дочерних предприятий, наиболее ответственные детали поставлялись из Германии в готовом виде». (Дякин В. С. Германские капиталы в России (электроиндустрия и электрический транспорт). Л., 1971. С. 257).

Китайско – российские экономические связи. Исторически сложившаяся огромной протяжённости сухопутная граница между Российской и Китайской империями делала их соседство открытым для широкой торговли. Граница проходила в русской Средней Азии, по берегам Амура (Приамурье) и в Приморье. Однако, следует вспомнить, что как Восточная Сибирь, так и Дальний Восток России были крайне слабо (для их гигантских территорий) заселены русскими, разделены огромными расстояниями между населёнными пунктами и не имели развитых дорог, которые часто заменяли речные пути, как, например, Амур. Поэтому торговля Китая и России значительно уступала по своим оборотам торговле Китая с Японией и европейскими странами и США, взятыми в отдельности. На характер русско-китайских отношений в целом сильно влияли такие факторы как военно-политическая нестабильность, особенно в Центральной Азии (Восточный Туркестан, Джунгария и Синьцзян), где традиционно происходила оживлённая торговля в Азии; отсутствие здесь значительных колоний русского населения и многочисленного русского купечества; крайняя нестабильность местной администрации, особенно китайской, её коррумпированность и сами обычаи торгового мена, юридически не регламентируемые. Эта торговля не была городской, а привозной, караванной, ярмарочной, сезонной, а потому была вообще связана с высокими накладными расходами. Её организация и проведение имели много рисков, но не были застрахованы от многих потерь. Местные власти лишь соблюдали внешнюю законность торговли, но не могли гарантировать достаточную безопасность, стабильность её. Основными центрами русско-китайской торговли в XVIII – XIX вв. были Кяхта, пункт пограничный между Монголией и Китаем, на реке Кяхта. С 1772 г. Кяхта, учреждённая в 1727 г., стала единственным пунктом, через который осуществлялась легальная русско-китайская торговля. Торговля производилась путём обмена. Главное место в русском экспорте тогда занимала пушнина (беличьи шкурки). На долю пушнины приходилось 70% всей стоимости русского экспорта. Кроме неё мерлушки и овчина, грубошёрстное сукно. Среди китайских товаров на первом месте стояли хлопчатобумажные ткани, затем шёлковые ткани, шёлк-сырец, чай, сахар, табак, ревень. Шёлковые ткани пользовались широким спросом у купечества сибирских городов и русской

столичной знати. Значительной была и транзитная торговля через Сибирь иностранными фирмами. Например, прусские сукна предлагались в Кяхте и имели хороший спрос, превышавший спрос на русские товары. Китайские продажи в начале XIX в. всё больше отмечаются крупными партиями чёрного байхового чая, более 30% китайского экспорта. Несмотря на постоянный прирост кяхтинская торговля развивалась медленными темпами. «По вывозу китайского чая, – пишет А. Н. Хохлов, – Россия уступала Англии уже в начале 1830-х годов. В вывозе китайского чая русские купцы уступали и американцам. Подобно англичанам, последние контрабандным путём ввозили в Китай значительные партии опиума и на вырученное за него серебро закупали в Кантоне (Гуанчжоу) большие партии чая, доставка которого морским путём в Западную Европу была гораздо дешевле, нежели сухопутным – из Кяхты через Сибирь в европейскую часть России». (Хохлов А. Н. Кяхтинская торговля и её место в политике России и Китая (20-е годы XVIII в. – 50-е годы XX в.) в книге «Документы опровергают. Против фальсификации истории русско-китайских отношений. М., 1982.». С. 137.). После легализации русской караванной торговли с Синьцзяном по Кульджинскому договору 1851 г. кяхтинская торговля полностью утратила значение международного транзитного центра. Этот договор стал первым юридическим актом, регулировавшим русско-китайские отношения на среднеазиатской границе. За три года после заключения этого договора экспорт из России в Джунгарию и Восточный Туркестан увеличился в 4 раза.

С проведением Великой Сибирской магистрали и в связи с франко-русским финансовым взаимодействием в Китае в 1890-х – начале 1900-х гг. характер отношений России и Китая получает новые стороны. Эпоха так называемого империализма затрагивает эти отношения в виде ряда соглашений, которые слабый в политическом и экономическом отношении Китай вынужден был принять. Формы русского проникновения в Китай заключались в следующем: 1) предоставление Китаю государственных займов с участием России; 2) проведение железных дорог на Севере Китая, в Маньчжурии (КВЖД, протяжённостью 1500 км и ЮМЖД); 3) прямое военное присутствие России в Маньчжурии и на Ляодунском полуострове, строительство незамерзающего порта Дальний (Далянь) для морской торговли и крепости Порт-Артур. Все эти мероприятия производились за счёт фактически государственного инвестирования России в инфраструктуру Китая. Однако, преобладающими здесь стали не экономические более, а военно-политические интересы России. Строительство дорог и опорных пунктов носило стратегический характер, подчиняя военным задачам отдалённые ещё экономические преимущества России. Наибольшее значение для России после русско-японской войны 1904 – 1905 гг. сохраняла КВЖД. Эта дорога «была крупным коммерческим предприятием и основным каналом русской торговли в Китае – пишет В. А. Маринов. – Так, в 1909 г., когда Общество КВЖД впервые после войны свело с плюсом свой

эксплуатационный баланс, дорога перевезла 732 тыс. т грузов и 915 тыс. пассажиров. Вокруг КВЖД группировались хотя и мелкие, но довольно многочисленные русские торгово-промышленные предприятия в Маньчжурии, стоимость имущества которых к 1914 г. исчислялась в 35 – 40 млн. руб. по данным Харбинского биржевого комитета, годовой оборот всех русских предприятий Северной Маньчжурии составлял в 1909 г. 12 млн. руб. Однако, большая часть этих предприятий обслуживала КВЖД и довольно многочисленное русское население, проживавшее в зоне дороги. Поэтому по существу проникновение русского капитала в экономику Северо-Восточного Китая было незначительно. КВЖД обслуживала также русско-китайскую торговлю, большая часть которой приходилась на Маньчжурию. В 1907 г. русский экспорт в Китай составил 26,4 млн. руб., а в 1908 г. – 30,2 млн. руб. при этом следует отметить два обстоятельства: во-первых то, что экспорт в Китай составлял менее 3% всего русского экспорта, и, во-вторых, что торговля с Китаем носила для России пассивный характер (импорт из Китая превышал экспорт туда в 2,5 – 3 раза)». (см. Маринов В. А. Россия и Япония перед первой мировой войной (1905 – 1914 годы). Очерки истории отношений. М., 1974. С. 62.). Из европейской России в Северную Маньчжурию сбывались хлопчато-бумажные ткани, стекло, обувь, сахар, посуда, металлические и скобяные изделия. В значительных количествах сбывался в Китай также русский керосин. Однако, российская конкуренция была слабейшей по сравнению с Англией, США и Германией и по объёму товаров, и по качеству их. Очень значительно уступала Россия в торговле с Китаем и Японией.

Персидско – российские экономические связи. Персия (Иран) являлась старейшим и важным торговым партнёром России, её соседом на Кавказе и в Средней Азии. «Чтобы представить себе объём русско-иранской торговли за 1896 г., – пишет Х. А. Атаев, – достаточно сказать, что более 3 1/3 ввоза и более половины вывоза приходилось на долю России. ... торговля Ирана находилась в руках России; она ввозила в Иран фабричные изделия (хлопчатобумажные ткани, металлические, фарфоровые, фаянсовые, стеклянные изделия), осветительные материалы, пищевые продукты (рис, чай, сахар, кофе, пряности), красящие вещества (индиго) и металлы. Главные статьи экспорта из России составляли следующие предметы (тыс. руб.):

Сахар рафинад	4709
Сахар-песок	1029
Хлопчатобумажные ткани	3960
Фаянсовые, фарфоровые и стеклянные изделия	345
Металлы	283
Металлические изделия	188».

Около 2/3 всего ввоза сахара в Иран находилось в руках России. Для сравнения из всего экспорта российского сахара 33,7% приходилось в Англию, а 29% поступало в Иран. В 1894 г. в Иран отправлено 44% российского экспорта тканей. Однако, вывоз

русских хлопчатобумажных тканей составлял лишь 1/7 всего экспорта их в Иран. На первом месте здесь оставалась Англия. Даже в таких близких к России районах, как Тебриз, Тегеран, Мешхед, Россия не занимала преобладающего положения по ввозу хлопчатобумажных изделий И в Реште, совсем уже близком, с русскими хлопчатобумажными тканями с успехом конкурировали английские. Вывоз керосина в Иран шёл успешно, и какое-то его количество доходило даже до Персидского залива. Однако, выучный способ перевозки нефти в жестяных ящиках, обшитых деревом, делал её очень дорогой. По вывозу в Иран стекла и фарфоровых изделий с Россией конкурировали австрийцы и бельгийцы. Иранский экспорт в Россию составлял (в порядке величины): сушёные фрукты, хлопок, рис, миндаль и фисташки, шёлковые ткани, рыбу, скот, шерстяные ковры, хлеб, шерсть, хлопчатобумажные ткани. (Атаев Х. А. Торгово-экономические связи Ирана с Россией в XVIII – XIX вв. М., 1991. С. 281 – 285.)

Франко-русские экономические связи. Развитие франко-русских финансовых отношений, вместе с которыми последовало и широкое инвестирование российской промышленности французскими банками, началось в 1886 г. в связи с кризисом русско-германских отношений. Этот кризис повёл к радикальному переводу русских ценных бумаг (государственных облигаций, акций российских банков, железнодорожных обществ и промышленных компаний) с берлинской биржи на парижскую биржу. В 1887 г. русское правительство заключило первый заём во Франции на крупную сумму в 500 млн. золотых франков и провело конверсию бумаг Общества поземельного кредита. В 1888 – 1889 гг. с помощью французского денежного рынка была проведена крупная операция по конверсии прежних русских займов. В 1889 г. русское правительство заключило во Франции два больших займа, один на 700 млн. франков, другой на 1 млрд. 242 млн. франков. В последующие годы (до 1896 г.) Россией было заключено во Франции не менее 10 крупных займов, и роль главного кредитора царской России от Германии перешла к Франции. Военно-техническое сотрудничество России и Франции началось уже с 1884 г. Российское Военное министерство проявляло растущий интерес к системам французской скорострельной артиллерии, винтовкам уменьшенного калибра, производству бездымных порохов. В 1889 г. правительством России был размещён заказ на изготовление 500 тыс. винтовок системы Лебеля. (см. Хвостов В. М. Проблемы истории внешней политики России и международных отношений. М., 1977. С. 247.). В 1893, 1894, 1896 гг. министерству финансов России удалось с разным успехом провести ещё три новых займа на парижской бирже. В условиях военно-политического франко-русского союза французское правительство само было заинтересовано в содействии по размещению новых российских займов и неоднократно оказывало его. Кроме того, в 1901 г. России удалось заручиться согласием на французские займы на сумму 200 млн. руб. (с реализацией их в 1902 – 1904 гг.) для строительства стратегических железных дорог Бологое-Седлец на

границе с Германией и Оренбурго-Ташкентской. Последняя дорога предполагалась к строительству по инициативе самого правительства Франции и должна была на случай обострения англо-французских или англо-русских отношений послужить средством давления на Англию в Центральной Азии. По этой дороге можно было перебросить войска к пределам английской сферы влияния. Нельзя сказать, что Россия не тяготилась зависимостью от французской биржи, в том смысле, что французский кредитор был для России главным и ведущим на внешних финансовых рынках. Например, в 1899 г. по поводу отказа французского правительства допустить к котировке закладные листы Дворянского банка С. Ю. Витте писал: «Заметьте, что одновременно во Франции другие страны (Италия, Испания, Аргентина и пр.) помещают всякую дрянью без всяких препятствий ... Нам для казны денег не нужно. Но для банков, железных дорог и различных промышленных предприятий деньги нужны. Россия страна молодая, она только начинает развиваться, ей нужно строить и железные дороги, и фабрики, и увеличивать банки. Если Франция желает нам закрыть рынок, пусть так и скажет – вместо вечных препятствий, нам делаемых. Я тогда почту долгом доложить о сём его величеству и просить его указаний. По моему мнению, тогда нет другого выхода, как обратиться к кредиту Англии или Америки ... При этом я думаю, что в Америке также едва ли будет возможность найти прочный кредит – и остаётся одна Англия». В апреле 1902 г. парижская «Temps» опубликовала статью «Русская индустрия и французские капиталы», в которой утверждалось, что приток французских капиталов в течение последнего десятилетия не только способствовал быстрому развитию русской промышленности, но и привёл к тому, что Россия обогнала Францию и Бельгию по некоторым важным показателям развития тяжёлой промышленности, таким как выплавка чугуна, и показала высокие темпы развития в сталелитейной и каменноугольной промышленности. Сами же французы не извлекли будто бы большой выгоды из вывоза капиталов в Россию, если не считать получения процентов, и политический союз с Россией не дал им серьёзных экономических выгод. (см. Ананьич Б. В. Россия и международный капитал 1897 – 1914. Очерки истории финансовых отношений. Л., 1970. С. 13 – 14, 61 – 70, 41). В 1895 г. Россия и Франция объединили свои усилия в Китае. Французские банки предоставили китайскому правительству заём в 100 млн. руб. золотом под гарантию России. В этом же году в Петербурге был основан Русско-Китайский банк с капиталом в 6 млн. руб. для действий на Дальнем Востоке и в Китае. 5/8 капитала этого банка брали на себя парижские банки. С помощью этого банка было учреждено Общество Китайско-Восточной железной дороги (КВЖД). Это строительство открыло целую эру в отношениях России с Китаем. Министр финансов В. Н. Коковцов в своих воспоминаниях так передавал настроения французских биржевых кругов во время русско-японской войны: «Париж верил в нашу победу над Японией, и моё обращение к французскому рынку было встречено чрезвычайно сочувственно. В

какие-нибудь две недели без особых с моей стороны усилий мне удалось заключить пятипроцентный заём в 300 000 000 рублей, или 800 000 000 франков в форме краткосрочных обязательств, подлежащих выкупу по истечении пяти лет, то есть в 1909 году, причём группой заключивших этот заём банков было выдано полуофициальное обязательство совершить на том же рынке к сроку погашения займа новый заём для консолидации этого займа. Успех займа превзошёл все наши ожидания, и все приветствовали меня с таким успехом. Должен сказать по совести, что моих заслуг в этом никаких не было, а результат займа зависел только от того, что все верили во Франции, что мы быстро справимся с нашим противником». (Коковцов В. Н. Из моего прошлого. Воспоминания. 1903 – 1919 гг. Книга 1. М., 1992. С. 43).

В 2007 году СПбГУ ИТМО стал победителем конкурса инновационных образовательных программ вузов России на 2007–2008 годы. Реализация инновационной образовательной программы «Инновационная система подготовки специалистов нового поколения в области информационных и оптических технологий» позволит выйти на качественно новый уровень подготовки выпускников и удовлетворить возрастающий спрос на специалистов в информационной, оптической и других высокотехнологичных отраслях экономики.

КАФЕДРА ВСЕМИРНОЙ ИСТОРИИ

Историческая кафедра была создана в ЛИТМО в 1938 году под названием кафедра истории Всесоюзной Коммунистической партии (большевиков). С 1952 года носила название кафедры истории Коммунистической партии Советского Союза. В 1989 году была переименована в кафедру политической истории. В 1991 году по инициативе преподавательского коллектива кафедра реорганизована в кафедру всемирной истории.

1930 год: в институте была введена в качестве обязательной дисциплина «Обществоведение». Первые преподаватели: профессор Жарновицкий К.С., Сипсакас А.Ю., Раут А.И.

1931 год: создана кафедра обществоведческих наук. Преподавались дисциплины «Диалектический материализм» и «История классовой борьбы».

1932 год: «История классовой борьбы» была заменена дисциплиной «Ленинизм».

1936 год: создана кафедра диалектического материализма и ленинизма. Преподавались дисциплины «Диалектический материализм», «Ленинизм».

1938 год: после выхода эпохального труда «История ВКП(б). Краткий курс» создана единая кафедра марксизма-ленинизма, преподаватели которой ведут дисциплины «Диалектический материализм» и «История Всесоюзной коммунистической партии».

1952 год: в связи с изменением наименования правящей партии (XIX съезд КПСС) меняется и название основной дисциплины: «История коммунистической партии Советского Союза».

1964 год: в ЛИТМО создана отдельная кафедра истории Коммунистической партии Советского Союза. Преподаватели кафедры: Меркуляев П.Л., Зубов А.Г., Захаров И.З., Карасев А.А., Ильин И.И., Боженков А.М., Молотков А.А., Бурмистрова М.А., Худякова Н.Д., Клубикова О.Ф. и др.

1985 год: перестройка в СССР. Изменения в содержании преподавания истории КПСС.

1989 год: кафедра истории КПСС переименована в кафедру политической истории. Внутри кафедры созданы две секции:

- политической истории России (руководитель — доц. Тот Ю.В.),
- истории культуры (руководитель - доц. Фомина Н.Н.).

1991 год: кафедра политической истории преобразована в кафедру всемирной истории. Начинается систематическое преподавание истории России, истории цивилизаций. Кафедра сосредоточивает внимание на разработке основных принципов и направлений гуманитарного образования студентов технических вузов и является инициатором создания гуманитарного факультета в ЛИТМО. Одной из первых в России кафедра всемирной истории вводит в структуру учебного процесса компьютерное тестирование и элементы дистанционного обучения студентов.

В настоящее время коллектив кафедры обеспечивает преподавание следующих дисциплин:

- Отечественная история,
- История цивилизаций,
- История науки и техники.
- Риторика,
- Русский язык. Культура речи.

За последние 10 лет на кафедре издано:

- 7 учебников (в соавторстве),
- 28 учебно-методических пособий,
- 1 монография,
- более 100 статей.

Научные интересы преподавателей кафедры сосредоточены на разработке проблем истории России, форм и методов активизации учебного процесса, использования информационных технологий в изучении гуманитарных дисциплин.

Ошарин Алексей Викторович

**ЭКОНОМИЧЕСКОЕ РАЗВИТИЕ И ПРОБЛЕМА МОДЕРНИЗАЦИИ
РОССИИ В XVIII – НАЧАЛЕ XX ВВ.**

Учебно-методическое пособие

В авторской редакции

Дизайн

Ю. Н. Ушаков

Редакционно-издательский отдел Санкт-Петербургского государственного
университета информационных технологий, механики и оптики

Лицензия ИД № 00408 от 05. 11. 1999 г.

Заведующая редакционно-издательским отделом

Н. Ф. Гусарова

Подписано к печати 04.09.2008 г.

Тираж 150 экз.

Заказ № 1148.

Отпечатано на ризографе.

Редакционно-издательский отдел
Санкт-Петербургского государственного
университета информационных
технологий, механики и оптики
197101, Санкт-Петербург, Кронверкский пр., 49

